

Fate/Strange Fake

Том 3

Автор:
Нарита Рёго

Иллюстрации:
Мории Сидзуки

Перевод с английского:
Glass Moon

Перевод с японского:
OtherSideofSky

—

В голове юноши вспыхнули слова, которые едва не пробудили в нём ностальгию.

— *Слушай меня внимательно, брат: ты должен уничтожить тех, кто отнимает у нас.*

— *Твоих родителей забрали люди, пришедшие извне. Твоих отцов убили захватчики, принёсшие скверну извне. Твою мать забрал ужасный демон, пришедший извне.*

— *Так уничтожь их, о брат. Уничтожь тех, кто отнимает у нас.*

— *Так сражайся, о брат. Сражайся, и мы сможем вернуть твою мать.*

Далее раздался голос, по которому он не скучал, но который, вероятно, больше никогда не услышит.

— *Ого. А кишка у тебя не тонка, если ты можешь смотреть на то, что у меня здесь, без содрогания. Или, может, нет... Хмм. Твоя сущность крайне слаба. У меня есть для тебя хорошие новости:*

— *Ты знаешь, что те так называемые маги, которые всё время зовут тебя «братом», все мертвы?*

Юноша, вспомнивший эти два голоса, подумал о тех эмоциях, которые он испытал, когда впервые их услышал. Он просто впитывал слова, без злости или печали. «Вот как» было единственной его мыслью.

Он верил, что это вполне естественно, но когда услышал последние слова - в то время он был ещё мальчиком - то осознал.

— *Ах да, а твоя мама... умерла много лет назад в стране под названием Япония.*

Осознал, что он, ничего не почувствовавший при звуке этих глумливых слов, чем-то отличался от своих собратьев, которые кричали и рыдали вокруг него, услышав то же самое.

«Интересно, почему я вспоминаю это сейчас?»

Юноша шёл один по болотистой местности. Армейские защитные очки скрывали глаза, в его распоряжении было много оружия и Тайных знаков, но было в нём что-то такое, что отличало его от обычного солдата или мага.

«Ах да, разумеется».

Продолжая свой одинокий марш, без союзников или врагов, юноша снял левую перчатку. На тыльной стороне его ладони зловеще выделялся похожий на татуировку узор, бурливший магической энергией. Изучая командные заклинания - метку Мастера в Войне за Святой Грааль - он прищурил глаза, в которых читался лёгкий намёк на раздражение.

«Потому что та, что подарила мне жизнь, погибла в другой «Войне за Святой Грааль»...»

Он слышал, что в правильной Войне за Грааль, Святой Грааль избирает магов, достойных нести командные заклинания. Предположительно, он был разработан таким образом, чтобы командные заклинания проявлялись в первую очередь у членов трёх семей-основательниц - Айнцберн, Макири и Тосака - но в Святой Грааль Сноуфилда такая пристрастность не была внедрена. Согласно плану, два набора командных заклинаний для Героических душ, призванных в качестве жертвоприношений для «разжигания огня», должны были появиться у начальника полиции и мага семьи Куруока, в то время как каждый из семи наборов командных заклинаний для истинных Героических душ был предназначен для зачинщиков этой Войны за Святой Грааль и их сообщников.

— ...

Юноша молча смотрел на свои командные заклинания. В его взгляде не было ни замешательства, ни ярости, ни радости; ни малейшего намёка на то, что можно было бы назвать эмоцией.

Юноша надел перчатку и продолжил свой одинокий путь в полном молчании.

Его звали Сигмой. Это было не имя, всего лишь символ. Это слово не несло в себе никакого смысла. Всего лишь одна из букв греческого алфавита, призванных отличить один «экспериментальный образец» от другого. Теперь же, когда большая часть этих «образцов» была утеряна, даже её роль идентификатора начала терять всякое значение.

Сигма осознавал своё нынешнее положение наёмника, способного использовать простую магию. День за днём он бесстрастно выполнял приказы своей нанимательницы, которая затащила его на «эту сторону».

Задание же, которое ему было поручено в этот раз, несколько отличалось от прежних. Он должен был принять участие в операции, которая не была похожа на обычное военное столкновение - Войне за Святой Грааль.

И всё. Ему было приказано просто призвать некое существо, именуемое Героической душой, и вступить в сражение. Не нужно было превентивно уничтожать врагов или оказывать кому-то поддержку.

— После призыва Героической души делай что хочешь. Можешь перебежать с места на место по мере необходимости, можешь даже нагрянуть ко мне, чтобы

убить, это будет по-своему весело! «Революция», как это ещё называют, да? Совсем как то, что произошло в твоей стране!

Но было ли это действительно то же самое? Вспоминая слова своей нанимательницы, произнесённые насмешливым тоном, юноша подумал: «Будет ли моё неповиновение ей сравнимо с разрушением той страны?»

Не сбавляя шаг, юноша на какое-то время всерьёз задумался над пустыми насмешками своей нанимательницы, но так и не смог прийти к заключению.

«Эта странная штуковина, Святой Грааль. Интересно, ответит ли он, если я спрошу его об этом?»

К тому моменту, как поток его мыслей стал почти что не свойственным как магу, так и обычному человеку, юноша достиг своего пункта назначения: небольшого особняка, стоявшего посреди района болот и, на первый взгляд, заброшенного.

— Всё необходимое для ритуала уже на месте, так что тебе нужно лишь совершить призыв! Я уже обо всём позаботилась, в том числе о расходном катализаторе! Ах да, и не нужно докладывать о том, что появится, даже мне. Гораздо веселее, когда нечто подобное оборачивается сюрпризом!

Так сказала его нанимательница, но Фалдеус предупредил: «Обязательно доложи мне в личном порядке о Героической душе, которую ты призовёшь». Фалдеус, в отличие от Франчески, не был его непосредственным нанимателем, но она не дала прямого запрета на разглашение, значит, он вполне мог сообщить о результатах Фалдеусу, раз это не имело значения.

Что же касается имущества мага, призвавшего одну из временных Героических душ, или же того, что за Героическая душа была призвана, Сигму это не особо интересовало. Он, не веривший в какие-либо высшие силы, не ведал о том, что Героическая душа, призванная в подвале этого особняка, была его полной противоположностью. Он также не знал о том, что существо, которое он был готов призвать, едва ли можно будет назвать героем или духом - нет, это будет гораздо более странный феномен.

Это был рассвет первого дня войны. Все кусочки стягивались на извращённое поле боя под названием Сноуфилд, но никто даже представить себе не мог, что за картина из них в конечном итоге получится.

Интерлюдия

「Конец бегства」

Это история беглянки.

Женщины, что отвела взор от собственного греха и повернулась спиной к настигавшему её «наказанию». У неё не было надежды, не было цели; она не знала даже, каков будет следующий шаг на её пути. Она просто продолжала убегать. Даже зная, что в конце пути её ждёт лишь разрушение, беглянка продолжала отчаянно цепляться за что-то.

В городе Фуюки был такой многоквартирный дом, Семина. Именно там всё началось, и для неё это был конец света. Воспоминания о времени, предшествовавшему заселению в этот дом, перестали для неё что-либо значить. Один побег следовал за другим, и всё её прошлое, не связанное с этим, постепенно исчезло. Остались лишь осознание вины и страх наказания. И фигура «чего-то», похожего на девочку в красном капюшоне, продолжавшая следить за ней.

Существовало ли это «нечто» на самом деле, или же это была лишь иллюзия, порождённая её чувством вины - этого не знала даже она. В конце концов, поскольку она продолжала видеть это «нечто», ей было всё равно. По крайней мере, так она думала.

В поисках спасения она добралась даже до церкви на холме в городе Фуюки. Теперь это было лишь смутное воспоминание, но она чувствовала, что священник что-то сказал ей тогда. Это было лишь чувство, поскольку все воспоминания о том времени были расплывчатыми.

— ..., ■■■■ будет ■■■■■■■■...

Возможно ■■■■■■■■■■■■■■■■ справиться...

Она знала, что это было странно, но всякий раз, когда она пыталась вспомнить, у неё начинала болеть голова.

— В конце концов, ■■■■ это...

Она не могла вспомнить, и это было странно, но чувство, что она никогда больше не должна подходить к этой церкви, по крайней мере, превратилось в инстинкт, словно боязнь огня у диких животных.

После она сбежала из города Фуюки и бессмысленно блуждала месяцами, затем годами. Постоянно чувствуя присутствие «Маленькой Красной шапочки» во мраке за её спиной, во тьме ночи, по другую сторону теней, порождённых городскими огнями.

«Что же мне делать?»

Не в силах выдержать напряжение, она продолжала блуждать от места к месту, словно живой мертвец. Наконец, словно привлечённая чем-то, она вернулась в Фуюки.

В городе до неё дошли слухи о том, что священник сменился, но она всё равно не смогла убедить себя подойти к той церкви. Семина был её домом, но туда она тоже не могла вернуться. В итоге она лишь заставила своё безвольное тело бесцельно таскаться по городу.

Затем, во время поисков места, где можно было бы остановиться, она услышала про «дом в западном стиле в лесу». Когда ей стало известно о других слухах, вроде того, что в этом доме появляются призраки, она невольно заинтересовалась.

Если слухи не врали, если там действительно обитали призраки, она должна была увидеть их собственными глазами. Так она смогла бы удостовериться в том, была ли «Маленькая Красная шапочка», следившая за ней из тьмы, одной из них или нет. Так она сказала себе, но, может быть, она просто искала место, чтобы умереть.

Затем она узнала о схожих слухах про храм на горе и наведалься туда, но ничего не увидела, кроме необычной рыбы, шумевшей в пруду. Поэтому она перестала всерьёз полагаться на слухи. Несмотря на это, ей пришла в голову мысль, что сходить в лес всяко лучше, чем сидеть в городе. По крайней мере, в лесу «Маленькая Красная шапочка» не появится.

Следуя правилам, о которых она узнала в течение своего продолжительного бегства, она шла среди деревьев, которые напоминали ей ведьмин лес из сказки. Затем перед ней возник огромный особняк в западном стиле, никак не вязавшийся с атмосферой страны. Прежде чем она успела оценить всю жуть столь большого сооружения, тайно возведённого в лесу, её ошеломил величественный вид особняка. Его вполне можно было назвать замком.

Беглянка лишь изучала замок издали, ни разу не попытавшись проникнуть внутрь. Она страшилась того, что столь огромный особняк мог быть оборудован каким-нибудь служебным лифтом.

«Красная шапочка появляется в лифтах».

По очевидной причине это было одним из правил.

Она осторожно кружила вокруг замка, чувствуя при этом, как в её сердце что-то изменилось.

«Что это может быть? Нечто, как бы сказать... м-м-м... странно успокаивающее. Да, так и есть».

Она не знала, почему, но впервые за эти годы она почувствовала облегчение. После этого она ходила к замку в лесу ещё много раз. Внутри не заходила ни разу; просто взирала на неизменный пейзаж.

Несколько месяцев спустя она вновь наведалься к замку и услышала спорившие о чём-то женские голоса. Она удивилась тому, что наткнулась здесь на первый за всё это время признак человеческого присутствия, но не сочла это чем-то странным. Цветы в саду были ухожены, из чего уже можно было сделать вывод, что кто-то, по крайней мере, присматривал за этим местом. Ей было любопытно посмотреть, что за

люди были в обслуживающем персонале замка, поэтому она медленно пошла на голоса, держась в тени деревьев.

Вскоре она увидела двух женщин. На первый взгляд ей показалось, что они были близняшками или, по крайней мере, сёстрами, потому что их черты были слишком похожи. Прекрасный серебристый цвет их волос был настолько чистым, что она поначалу приняла его за белоснежный, а вид их белой кожи вызвал в её голове образ снежного поля. Своими красными глазами, которые были отчётливо видны даже издали, они тоже были похожи.

Эти двое, судя по всему, о чём-то спорили, но одна, казалось, пыталась убедить другую, поведение которой указывало на то, что она попросту изливала свой гнев.

— В этом нет никакого смысла! Филия, какого чёрта ты...

— Довольно! Я не стану на вас полагаться... Сама все сделаю!

«Кто они такие? Может, этот замок - своего рода загородный дом какого-нибудь иностранного миллионера, а эти двое – его прислуга?» — задумалась беглянка, наблюдая за «белоснежками». Ей, однако, показалось, что этих женщин окружала отличительная аура, рядом с которой меркла даже та, которой обычно обладали иностранцы.

Словно они соскочили со страниц сказки...

Поглощённая фантастическими предположениями, беглянка даже не заметила, что не скрыла должным образом своё присутствие.

— Даже если это будет означать отречение от семьи Айнцберн, я...

Разъярённая женщина внезапно замерла.

— ...Кто здесь?

Лицо женщины, с которого она, повернувшись к ней, стёрла все эмоции, было невероятно прекрасным. И это было последнее, что она запомнила. Её воспоминания после того, как их взгляды встретились, расплывались, как и те, что остались после посещения церкви. Вероятно, её подвергли внушению или воздействию какой-то магии. Факт того, что подобные вещи существуют на самом деле, позже вбила в её голову «белоснежка».

— Ты ■■■■■? Или ■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■.

В отличие от церкви, она не чувствовала отвращения к замку или к самим этим женщинам.

— Что за совпадение? Это не может ■■■■...

Не может быть настолько... Нет, не важно.

Стон, однако, который раздавался в глубинах её головы всякий раз, когда она пыталась вспомнить, что же с ней произошло, был неизменным. Она была уверена, что её подвергли внушению или чему-то подобному. Или, возможно, это было тем же, что с ней сделали в церкви священник и ■■■■.

■■■■.

Нечто, что было тогда вместе со священником. Когда она пыталась вспомнить это существо, мозг начинал скрипеть, а воспоминания – расплываться.

Женщина в замке и священник. Она прекрасно знала, что это именно они направили её по этому пути, когда она была простой беглянкой, но, как бы она ни пыталась, ей не удавалось вспомнить слова, что они сказали ей при встрече. Туманные, чёрные и белые воспоминания вихрились в её голове, словно разделённые половинки инь-ян.

Но она помнила то, что священник сказал существу рядом с ним.

— *Её судьба пробудила во мне интерес. Как и ты когда-то, не так ли?*

И помнила то, что сказала ей женщина в замке.

— *У тебя нет права выбирать свою судьбу. Я наделю твою жизнь смыслом.*

Слово «судьба», отчётливо выделявшееся в произнесённых ими фразах, стало проклятием, и в итоге беглянка отдалась течению, которое унесло её из Японии, как и сказала женщина. Даже теперь беглянка – Аяка Садзё - вовлечённая в загадочную войну в Америке, продолжала блуждать в поисках ответов.

«Как мои преступления могут быть прощены?»

«Какого чёрта я должна сделать в этом городе?..»

×

×

Америка. Сноуфилд. Ночной клуб.

Подвал старого здания в центре города.

Над возведённой здесь сценой для живых выступлений, которую нельзя было назвать просторной, разносилась пасторальная мелодия. Тон и ритм мотива, который выводила электрогитара, поначалу, казалось, плохо сочетались друг с другом, но мелодия постепенно набрала темп, обзавелась своеобразным ритмом и преобразилась в звук, прекрасно сочетавшийся с атмосферой ночного клуба. Она словно на лету подстраивалась под музыкальный инструмент.

Закончив играть, гитарист произнёс:

— Вот... как вам?

Парень, сжимавший электрогитару, никак не вязался даже с изначальной, пасторальной мелодией. Он был закован в великолепную броню; бриз от кондиционера шевелил его светлые волосы, в которых виднелись красные пряди. После этих слов Героической души - Сэйбера - собравшиеся вокруг него мужчины и женщины с широко распахнутыми глазами взорвались возбуждёнными отзывами:

— Ого... Да ты жжёшь! Это был твой первый раз, серьёзно?

— Поразительно... У тебя есть стиль. Я вначале была уверена, что ты стэндапер какой-нибудь.

На голове каждого из шумной публики красовались яркие, разноцветные могавки, и все они щеголяли кожаной одеждой, пирсингом и татуировками, изображавшими всякую потусторонщину. Всем своим видом они словно олицетворяли слово «колючий», но на их лицах сияли дружелюбные улыбки, и все восхищались человеком, который в каком-то смысле выглядел даже больше не от мира сего, чем они.

— Ты ждёшь, что мы поверим в то, что ты в первый раз взял гитару в руки? ...сказал бы я, но мне почему-то кажется, что ты не врёшь.

— Не хочу показаться грубой, но ты мог бы срубить денег за это представление.

Сэйбер с довольным, но застенчивым видом покачал головой:

— О, мне не сравниться с профессионалами, вроде вас. Сегодня я впервые коснулся одной из этих «электрогитар», но я учился играть на струнном инструменте когда-то давным-давно.

— Говорю тебе, ты очень даже хорош! Кстати, что это была за мелодия? Никогда такую не слышал.

— Однажды, давным-давно, я грубо просчитался, и меня схватили, — с улыбкой ответил Сэйбер, словно для него это было тёплое воспоминание. — Я лишь пытался ускорить мелодию, которую сочинил из прихоти, пока сидел за решёткой.

— То есть, ты и сочинять умеешь? И ты что, бывший заключённый?

— Это ведь ты, да? Парень, арестованный недавно в прямом эфире, который толкнул речь?

Сэйбер застенчиво кивнул в ответ на вопрос женщины в панковском наряде.

— Смотрели, значит. Ну, я сказал слишком мало, так что едва ли это можно назвать речью, но...

— Погоди, ты сбежал, что ли? Круто.

— Мы всего лишь покинули участок, дабы не угодить в воцарившуюся тогда там суматоху. Хотя не мне судить, можно ли это считать побегом или нет, — вежливо ответил Сэйбер, пожав плечами. Молодежь вокруг него раззадорилась ещё сильнее.

— Мужик, это было потрясно! А что это было? Я про тот взрыв.

— Похоже, отелю тоже нехило досталось.

— Кстати, я слышал, что незадолго до этого кто-то выиграл в казино такую сумму... Если скажу, не поверите.

— ...

Фигура, что стояла, прислонившись спиной к углу сцены, молча слушала разговор молодых людей. Девушка, одинокая беглянка – Аяка Садзё – покачала головой и простонала про себя:

«И это моя судьба?»

В конце своего бегства она оказалась в ночном клубе. Её окружали молодёжь, одетая по панк-моде - никого похожего в Фуюки она не знала - и надоедливая Героическая душа, которая продолжала бесстрашно переступать через её запреты.

— Мне неловко перед такими профессионалами, как вы, но я только что сочинил новую мелодию. Не против, если я её сыграю?

— Конечно, валяй. С удовольствием послушаем, что у тебя получится.

— Спасибо! Может, ты тоже послушаешь, Аяка? Я бы хотел после спросить твоё мнение.

Она посмотрела на Сэйбера, который вновь начал брэнчать на гитаре. Наконец, она испустила вымученный вздох, словно отвергая ту свою частичку, которую тронула его игра.

«Какого чёрта я делаю?»

Пролог VIII

「Банкет звёзд (часть 1)」

Ночь перед войной. Где-то в Сноуфилде.

На окраинах Сноуфилда был небольшой промышленный район, где тянулись ряды заводов. В глубинах этого района, практически отгороженный от внешнего мира стенами огромных фабрик вокруг него, располагался скромный мясоперерабатывающий завод. Он работал лишь по сезону, когда нужно, возможно, в силу того, что местная животноводческая промышленность не очень-то процветала, и лишь немногие жители города знали о его существовании.

Однако в подвальных помещениях завода скрывалась его иная личина, не отображённая в бизнес-реестре. Это была мастерская мага, возведённая в подземном пространстве и окружённая многослойным барьером.

Даже стоявшие вокруг фабрики, которые на первый взгляд не имели друг к другу никакого отношения, были, если достаточно внимательно проследить права на владение, связаны с одной организацией: семьёй Складдио.

Это была мафия, возглавляемая Гальвароссо Складдио, который обрёл известность среди подпольных организаций, благодаря своему коварству. Хотя её и называли мафией, её структура отличалась от истинной организации, зародившейся в Сицилии. Род Гальвароссо Складдио был отдалённо связан с сицилийской мафией, но он расширил свою организацию, объединяясь с другими группировками или же поглощая их, и создал безликую шайку бандитов, не связанных национальностью, родословной или идеологией.

Необычное имя Гальвароссо было псевдонимом. Согласно одной из теорий, он получил его, объединив «Барбаросса», прозвище императора Священной Римской империи Фридриха I, со своим настоящим именем.

Он глубоко пустил свои корни в американское криминальное подполье.

Те, кто изучает историю криминального мира, ФБР и даже комментаторы на телевидении предпринимали попытки рационально объяснить, как человеку, хвалившемуся тем, что он воссоздаст в Америке Священную Римскую империю, удалось обрести достаточно политического и экономического влияния, чтобы по праву называться императором, но настоящую причину знали немногие.

Он покровительствовал огромному количеству магов как в стране, так и за её пределами. Маги, проигравшие в разборках с другими семьями; маги, которые обанкротились, потратив всё своё состояние в погоне за новыми высотами магии; маги, которых заклеили еретиками и выдворили из родных земель; маги, которых с шумом изгнали из публичного общества как преступников и которых в магическом обществе считали досадной помехой и ненужным бременем; даже маги, которые добровольно постучались в его двери - он стал покровителем для всех магов, оказавшихся на обочине жизни по тем или иным обстоятельствам, и поддерживал их

деятельность не только прямыми денежными пожертвованиями, но и тем, что снабжал их землёй, с которой выгонял владевших ею магов, используя своё влияние.

Немного политического давления или насилия было сущей мелочью для могущественного мага. Однако, когда дело касалось головорезов, знакомых с внушением и гипнозом, а также снайперской стрельбой и судебной системой, количество тех, кто способен полностью защитить себя, было, естественно, ограничено. Даже знаменитый преподаватель Часовой башни или широко известный в своей области маг не в силах защититься от внезапно пущенной пули без специализированного Тайного знака, если только у них не достаточно мастерства, чтобы совладать с ситуацией с помощью одной лишь своей Магической метки. В противном случае даже маг мог довольно быстро умереть в случайной стычке с бесчинствующими хулиганами или стать жертвой уличного нападения. Обычно Часовая башня и Церковь расценили бы подобное как проблему и тотчас же вмешались. Однако к тому времени, как вопрос семьи Складио начали обсуждать, они уже обрели определённое влияние в магическом обществе.

Но неужели сборище магов начнёт работать вместе, чтобы встать на защиту преступной организации? Многие сомневались в этом, но маги под защитой семьи Складио свободно использовали свою силу, дабы защитить покровителя.

Пожалуй, главная причина заключалась в том, что Гальвароссо не питал интереса к плодам их магических исследований. Он не только не забирал их себе, но и даже не совал нос в природу их исследований, если маги не желали их раскрывать. Они просто озвучивали ему свои нужды, и семья Складио без всяких колебаний снабжала их всем необходимым.

Многие из магов, привыкших к таким односторонним отношениям, чувствовали, что путь к Истоку - их конечной цели - будет закрыт, если они этих отношений лишатся. Лишь немногим из них казалось, что они действительно обязаны семье Складио; большая их часть добровольно вступила в организацию, рационально учитывая собственные интересы.

В результате семья Складио показывала беспрецедентный и быстрый рост в подпольном мире. Были и другие организации, знавшие о существовании магов и решившие этим воспользоваться. Многие, однако, пытались контролировать магов силой и в итоге сами стали марионетками или даже были уничтожены с помощью элементарного внушения и прочих подобных вещей.

В конце концов, семья Складио проникла в правительство и обрела достаточно власти, чтобы стать частью плана Сноуфилда. Достаточно власти, чтобы назначить одного из своих магов на роль Мастера в Фальшивой Войне за Святой Грааль.

И этим вечером двери мясоперерабатывающего завода открылись, и несколько человек ступили в его холодные помещения. Группа мужчин с такими же суровыми лицами, которая уже была здесь, кивком поприветствовала вновь прибывших.

— Рады, что вы добрались.

— Что насчёт мистера Корделиона?

— Он уже покинул исправительный центр, но ещё не объявился, — ответил мужчина - судя по всему, мелкая сошка. В его брови застряли капельки холодного пота.

Вновь прибывшие нахмурились.

— Разве вы не отправились туда, чтобы его встретить?

— Фалдеус сказал, что будет нежелательно, если кто-нибудь из семьи Складио заявится в исправительный центр... Мы знаем лишь, что его отпустили после доклада...

— Тц... Да кем эта правительственная шавка себя возомнила?

— Прошу прощения. Молодняк сейчас как раз ищет мистера Корделиона...

Его прервал резкий грохот.

— ?!

Мужчины, как один, посмотрели в сторону источника шума - на крышу завода.

Сверху, сверкая в воздухе, посыпались осколки выбитого окна. Мужчина, что падал вместе с ними, казалось, был окутан их сиянием, сжимая что-то непонятное в каждой руке.

— Что...

В руках падающего мужчины были две человеческие головы. Не отрубленные, однако - тела всё ещё были при них. Два тела выпали через окно, увлекаемые вниз мужчиной, и через несколько секунд их смяло о бетонный пол. Кровь хлынула из их ртов; по всей видимости, они ещё были живы.

Мужчина, вытащивший их вместе с собой через окно, медленно поднялся на ноги, не обращая внимания на то, что несколько капель крови запятнали его лицо. Несмотря на тот факт, что он тоже упал с довольно внушительной высоты, лицо мужчины было бесстрастным, словно ничего не произошло.

Суровые мужчины содрогнулись, увидев лицо этого человека, освещённое лунным светом, струившимся через разбитое окно. Их подавляли его глаза, два омота непроглядной тьмы в полумраке завода.

Мужчина носил чёрные перчатки; его окружала аура жестокости. Но в его глазах напрочь отсутствовала всякая «человечность». В них был блеск, который можно было заметить в глазах хищной птицы или плотоядного зверя. Однако они, вместо того, чтобы нацеливаться на жертву, скорее, промораживали сердце до основания одним своим взглядом.

«Это не глаза холодной, лишённой всяких эмоций машины для убийств, которые порой можно увидеть у киллеров. Если бы у машины была только одна эмоция - желание убивать - то у неё были бы именно такие глаза», — сказал как-то Гальвароссо, босс семьи Складио. Настолько пронизывающим был отличительный блеск в глазах этого мужчины.

На вид ему было лет тридцать-сорок. Сам по себе он был хорошо ухоженным, с приятными чертами, но этот чудовищный, пронизывающий блеск в глазах завладевал душой любого, кто стоял перед ним. Суровые мужчины, однако, не боялись этого блеска. Они знали. Знали, что внутри этот мужчина был ещё страшнее.

— М-мистер Корделион!

— ...

Мужчина, к которому обратились по фамилии, даже не посмотрел на них. Он просто сунул руку в карман. Увидев, что он извлёк из него, те двое, что лежали на полу, выпучили глаза.

— Подожд... — попытался сказать один из них, но слов больше не последовало. Пули, выпущенные одна за другой из пистолета с глушителем в сопровождении глухих хлопков, изрешетили распростёртые тела.

Мужчина не расслабился даже после того, как убедился, что два куска мяса перестали шевелиться. Он продолжал смотреть вниз, крепко сжимая пистолет.

— Э-э-э... Мистер Корделион? Кто они такие? — обливаясь холодным потом, спросил один из тех, кто был на заводе с самого начала.

— ...Мухи, — плюнул мужчина по фамилии Корделион таким глубоким голосом, словно он прозвучал из глубин ада. Его взгляд всё так же был прикован к двум трупам.

— Мухи, сэр?

— Возможно, кто-то унюхал кусок мяса. Должно быть, они слетелись на запах.

Манера его речи заставила мужчин удивлённо переглянуться.

— Вы хотите сказать, мистер Корделион, что это шпионы другого мага? Пришли за Вашими командными заклинаниями?

— ...Приберитесь здесь.

— Д-да, сэр!

Суровые мужчины - по всей видимости, его подчинённые - торопливо начали избавляться от трупов и следов крови.

— Снаружи есть ещё. Они возвели барьер, чтобы никто их не увидел — добавил мужчина как ни в чём не бывало.

— Что?! Откуда их здесь так много?!

Мужчины почувствовали страх, потому что всё это время их окружали враждебные маги. И потому что они грубо просчитались, не заметив их присутствия.

— Тридцать шесть, — заявил мужчина.

— Тридцать...

— Шесть здесь, тридцать снаружи. Позаботьтесь о них как можно быстрее, — сказал он своему ошарашенному подчинённому.

— Да, сэр! ...Что?

На полу завода лежали лишь два трупа.

— Остальные наверху?

Неужели другие четыре трупа были на крыше? Предположив это, подчинённый начал думать над тем, как спустить их оттуда, когда... по помещению эхом разнеслась очередная серия приглушённых хлопков. Едва все они подняли взгляд, пистолет мужчины плюнул свинцом, продырявив головы четырёх человек, появившихся на заводе незадолго до него.

— Что...

Люди, что были на заводе изначально, напряглись, ничего не понимая.

— М-мистер Корделион, что Вы?..

— Пускай они недооценивают меня, я не против.

— Что?

— Но этот завод принадлежит семье Складио. Если они думали, что смогут проникнуть в это священное место с такой *маскировкой*, то этим серьёзно оскорбили мистера Складио. Они были недостойны того, чтобы брать их живьём.

В следующий миг лица застреленных начали искажаться, открывая совершенно иные личины.

— ?!

Должно быть, они были вражескими магами, замаскировавшимися под союзников. Были ли их настоящие товарищи живы, или же от них уже избавились?

— ...Когда разберётесь с этим «мясом», спускайтесь вниз, — не изменившись в лице, сказал своим подчинённым мужчина, убивший за столь короткий промежуток времени более тридцати человек, словно говоря, что даже не даст им подумать над подобными вопросами.

— У меня есть катализатор. Я буду призывать Слугу.

×

×

Сноуфилд. Тускло освещённое место.

— Баздилот Корделион. На публике он исполнительный директор компании по уничтожению промышленных отходов. Но за этим фасадом скрывается один из лидеров семьи Складио... — изложил Фалдеус Диоланд.

— А за этим – Маг-мясник Баздилот, «Ядовитая акула Складио»! — вклинилась девочка, сидевшая рядом, Франческа. — Изнанка изнанки не настоящее его лицо; это совершенно иная сторона! Именно подобные вещи делают жизнь веселее!

— Это всего лишь хлопотно. И что это за прозвища? В моих файлах нет ничего про «Ядовитую акулу» или «Мага-мясника».

— Ещё бы, я их только что придумала.

— Вот как. Рад слышать.

Фалдеус одарил Франческу, которая сидела на диване, весело болтая ногами в воздухе, косым взглядом.

— Его подозревают в причастности к более чем ста двадцати убийствам, — продолжил он, глядя на документы, которые держал в руках. — Однако во всех явно не хватает улики. Судя по всему, им всё же удалось упрятать его за решётку, обвинив в нескольких преступлениях. Но в первой же тюрьме, куда его отправили, за шесть месяцев «пропало» трое охранников и двадцать шесть заключённых. Он заявил, что вся тюрьма теперь принадлежит семье Складио... Должно быть, непросто было всё это замять.

— Может, он выбирал тех людей, исчезновение они могли бы скрыть? Звучит так, что он уделяет внимание магической секретности ради Складио. Может быть, он на самом деле использует их дурную славу, чтобы скрыть свою природу мага.

— Его карьера мага настолько жестока, насколько это только возможно... Он выходец из семьи, приспособившейся к довольно извращённой школе «господства». Магии, которая фокусируется на господстве над собой, нежели над другими.... По всей видимости, она отличается от физического усиления, но детали неясны. Он также может быть сведущ в дальневосточной школе магии, которая не пользуется уважением в Часовой башне, и так далее.

Читая материалы, Фалдеус прищурился, словно от усталости.

— Он подозревается в связи с убийствами нескольких магов и, по всей видимости, находится под наблюдением министерства юстиции. Однако в результате одного инцидента у него было столкновение с аббатством Шпонхайм... в ходе которого он и оказался под защитой семьи Складио.

— А, Шпонхайм. Я слышала, что тогда у них было немало проблем из-за исчезновения следующего аббата. Если бы не это, даже семья Складио не смогла бы его прикрыть, — хихикнула Франческа.

— Я всё ещё против, мисс Франческа, — проворчал Фалдеус. — То есть, против того, чтобы вводить человека, у которого столько врагов, в эту Войну за Святой Грааль, вытащив его при этом из тюрьмы. Если мы не будем осторожны, фракции Часовой башни могут забыть про разногласия и навалиться на нас всем скопом. Даже если это всё ещё в пределах ожидаемого, мы можем получить удар с таких направлений, о которых даже не подозреваем.

— Но ведь другие ничем не лучше. Сигма и малышка Дорис, младшая дочь Люсендра, семьи магов с дальнего севера, проникли в страну нелегально. Кашура использовал ортодоксальную магию господства и проекции, чтобы сеять хаос на Уолл-стрит, а Харли – просто *enfant terrible*¹ в колдовстве. А ещё у нас есть Фалдеус, предавший Часовую башню! Ага, по мне так кучка проблемных деток.

— Я уверен, что смогу их контролировать, в том числе и самого себя. Вы же, однако, с Баздилотом Корделионом – совсем другое дело.

Прищурившись, Фалдеус повернулся к Франческе и выдал что-то, похожее на окольное нравоучение.

— Действительно ли правильно давать человеку, вроде него, нечто, вроде этого?

— Всё нормально, не волнуйся ты так. Может, это слишком даже для меня, и никто не знает, что нас ждёт в будущем, так что какая разница?

— Мы не намерены потакать твоему гедонизму. Когда возникнет необходимость, нам, возможно, придётся заставить тебя и Баздилота покинуть сцену.

— У-у-у, как страшно. Что, застрелишь меня? Хотя нет, ты ведь захочешь прикончить меня наверняка, так что, может, взорвёшь?

¹ *Enfant terrible* (фр. "ужасный ребенок") - в переносном смысле употребляется к людям, которые своими словами или поведением ставят других в неловкое положение и доставляют различные проблемы.

Ледяной тон Фалдеуса ясно дал понять, что он не шутил, но Франческа рассмеялась, словно маленькое дитя. Её щёки слегка заалели от возбуждения, порождённого полным осознанием того, что это не была пустой угрозой.

— И всё же, это, может быть, тоже будет довольно-таки неплохо. С вами, ребята, вполне можно поиграть. Я не патриот; Америка не является для меня ни родиной, ни домом.

— ...

Фалдеус отказался слушать шутки Франчески. Он ждал её следующего шага, прогоняя магическую энергию по своему телу. От Франчески его настороженность не ускользнула, но она продолжила сидеть, лениво развалившись на диване и тем самым умышленно показывая свою незащищённость.

— Исход битвы Древнего с последним золотым волком решил судьбу целой страны². Так что, когда наступит время игры, она должна быть большой и броской, как эта Война за Святой Грааль! О, я прямо вся завожусь, когда представляю себе это! Соединённые Штаты Америки против прекрасной девочки-мага! Красиво звучит!

— Не вижу в этом ничего красивого. И не надо тешить себя самонадеянной идеей, что один человек сможет возобладать над нашей гордой нацией. Я слышал, что агентство уже дважды «стёрло» тебя в прошлом.

— О да! Стёрли, не то слово! Знаешь, это больно. Количество пугает!

Франческа подтвердила, что государство уже избавлялось от неё, с таким безразличием, словно это было для неё сущей ерундой.

— ...Не понимаю. Чем думало правительство, когда вновь объединилось с тобой, пусть даже прошли уже десятки лет? И как тебе хватило мужества сойтись с теми, кто пытался стереть тебя из бытия?

— Твоё начальство высокого мнения о моих способностях, а я просто не парюсь по мелочам. Всё просто. Вдобавок, я уже привыкла к тому, что моё тело постоянно убивают.

— Думаю, что понимаю твою форму существования, но для меня это всё равно невероятное заявление.

— Смерть моего тела – не повод для отчаяния. Вообще, лишь один человек по-настоящему убил меня. Ну, моё тело убивали многие, но, думаю, я могу посчитать тех, кому я всё-таки сказала «сдаюсь».

Она устремила взгляд вдаль, словно вспоминая прошлое, и рассмеялась, при этом громко скрипнув зубами.

— Посмотрим... Думаю, старик Кишуа был первым. Гедонист Сен-Жермен; сказочная ведьма, что живёт вечно - а, полагаю, теперь уже «жила» вечно - затем был тот богач-кровосос из Монако... и учитель в одной школе, использующий Слово ложного бога, архидревний диалект... и кстати об учителях, были также те, кто обучал меня искусству магии, и...

² Здесь идет речь о схватке древнего Мертвого Апостола с Лугом Беовульфом в одной из европейских стран. Данное событие, как и многие другие, произошло во время путешествия Аозаки Токо и Беовульфа по Европе до событий *Mahoutsukai no Yoru*.

Слушая этот длинный перечень имён и слов, Фалдеус, который был сведущ во всех тайных аспектах магического общества, подумал, что это была какая-то шутка.

Однако последнее прозвище, слетевшее с губ Франческа, пробудило в нём особенно яркое воспоминание.

— А! И ещё та девчонка! Рыжая!

— ...Лишь тот, кто хочет расстаться с жизнью, посмеет назвать её так в лицо.

Своеобразное прозвище, несущее в себе как презрение, так и благоговейный трепет, принадлежало одной из величайших магов Часовой башни, гениальной создательнице кукол, которая далеко превосходила Фалдеуса и Рангала. Среди магов, связанных с Часовой башней, это прозвище было довольно знаменитым и, в то же время, считалось абсолютным табу. Этой магессе, которая достигла уровня Гранда, Часовая башня даровала «цвет» - фактически, титул. Однако она не смогла заполучить столь желанный «Синий» цвет, и в итоге ей достался «Оранжевый», лишь оттенок первичного «Красного» цвета. Она питала ненормальную ненависть к вышеупомянутому прозвищу, которое ей саркастически дали в результате. Говорят, она убьёт любого, кто назовёт её так прямо в лицо, без исключений. Фалдеус знал, что это был не просто слух; это была неоспоримая истина.

«Хотя... полагаю, мисс Франческа вполне могла на такое пойти...»

— Ага, даже я не стала исключением, — хихикнула Франческа, словно прочитав мысли Фалдеуса. — Я сказала ей это в лицо, и в итоге она убила меня *чёртову уйму раз!*

После того, как её смех сошёл на нет, Франческа надула щёки, как будто рассердилась немного.

— Это было просто ужасно. Видишь ли, она упёртая, коварная, уничтожает чужие мастерские и крадёт всё, что привлекает её внимание. И даже если тебе каким-то чудом удастся дать ей отпор и убить её, она просто активирует ■■■■■■■■ в своём теле и возвращается вся такая невинная. После того, как она убила меня около тридцати раз, я обратилась к её семье и попросила заступиться, но...

Франческа вздохнула и покачала головой. По-видимому, между ней и «семьёй» что-то произошло.

— В итоге она убила меня ещё один раз и пригрозила, мол, «никогда больше не показывайся мне на глаза со своими извращёнными Магическими цепями!»! Вот так я оказалась в этом теле.

Сказав это, Франческа опять заулыбалась и соблазнительно потянулась. «Что думаешь?» — словно спрашивал этот её жест. Фалдеус, однако, даже бровью не повёл и задал свой вопрос:

— Ты заполучила это тело около трёх лет назад, верно? Поэтому ты так воспротивилась, когда начальство в своё время предложило нанять её?

— Ну, отчасти... В любом случае, ставлю на то, что она бы вас послала. Она берётся только за ту работу, которая удовлетворяет её вкусам. По всей видимости, для её семьи интерес ценнее денег. О, но она, может, согласилась бы, если бы ты попросил её создать марионетку, воплощающую Героические души.

Закончив говорить о магах, которые в данный момент не были напрямую связаны с этой Войной за Святой Грааль, Франческа внезапно стёрла улыбку с лица.

— Может, не мне такое говорить, но копии воспоминаний в марионетках Рыжей просто идеальны. Настолько идеальны, что я невольно начинаю гадать: может, она даже копирует свою душу?

— Это... — начал говорить Фалдеус в ответ на слова девочки, но одумался и нахмурил брови. Франческа беспечно произнесла слова, которые он не решился озвучить:

— Тебе интересно, удалось ли ей достичь Третьей магии? Ну, будь оно так, то всё, что мы делаем, сразу же превратилось бы в фарс, и это было бы весело! Ха ха!

Девочка зашлась в очередном приступе смеха. Фалдеус, сидевший напротив, тяжело вздохнул, и морщинки между его бровями стали ещё глубже.

— В этом нет ничего смешного. Я стал бы тогда изгоем не только в этой стране, но и в магическом обществе в целом.

— Всё нормально. Я уверена, что Третья магия вскоре перестанет быть Истинной. Кстати говоря, вы, ребята, забыли про свою конечную цель? «Низвести Третью магию до уровня обычной»?

— ...Нашу цель? Разве не твою?

— Она есть в моём списке, но список этот большой. Думаю, нам удастся воспроизвести её, когда первооткрыватели звёзд продвинутся ещё на несколько уровней. То же касается и самой Войны за Святой Грааль. Поэтому я намерена начать столько Войн за Грааль, сколько смогу. Я бы хотела, чтобы вы проявили больше энтузиазма при анализе её модели.

Тон Франчески стал мягче, словно из любви к чему-то.

— Я был уверен, что ты стремилась овладеть Третьей магией.

— Какой сюрприз, — рассмеялась Франческа. Затем она вытянула ноги и спрыгнула с дивана.

— Вста-а-а-а-ём... Ну, если забыть про Рыжую, давай просто порешим на том, что это невозможно, учитывая мою природу... Разве весело будет, если маг, вроде меня, станет волшебником на столь позднем этапе игры?

— ...Не похоже на слова того, кто только что называл других «гедонистами» и «семьями, которые не делают того, что им не интересно».

— Разве я сказала, что чем-то от них отличаюсь? Хотя я гораздо милее, это да.

— ...

Выражение лица Фалдеуса ясно говорило о том, что он был несказанно раздражён. Улыбка, которой его одарила Франческа, была не похожа на её другие, по-детски невинные.

В ней было нечто взрослое и чарующее.

— Магия, которую люди в состоянии воссоздать, меня устраивает. Но Истинная магия отрицает человеческие пределы. Без неё нам будет лучше. Я верю в это, а ещё в то, что безрассудное желание сломать эту стену есть человеческая природа.

Затем она медленно закрыла глаза, словно задумавшись о будущем «фестиваля», который готов был вот-вот начаться.

— Зиждется ли это на бездонной добродетели... или на безграничной злобе.

×

×

Мясоперерабатывающий завод. Подвал.

— Попрошу тебя дать ответ на мой вопрос, о маг.

«Великий герой». Или же нечто, что даже эти слова не могли достойно описать.

— Это ты станешь моим Мастером и будешь отправлять меня на подвиги?

Описать существо, воплотившееся в подвале мясоперерабатывающего завода посреди многослойного барьера, как-то иначе было нельзя.

— Это тебе решать, не мне, — спокойно произнёс мужчина, призвавший его, Баздилот Корделион.

Подчинённых ему магов в костюмах тем временем прошиб холодный пот, когда их Магические цепи задрожали. Одного лишь взгляда им хватило, чтобы понять, что существо, которое только что воплотилось, принадлежало совершенно иному уровню бытия.

Во-первых, его фигура выходила за все человеческие рамки. Он был похож на статую бога. В нём было более двух с половиной метров роста; волосы его касались потолка. Это был огромный, мускулистый мужчина, но каждый его мускул, каждую каплю крови переполняла настолько чистая од, что её можно было назвать божественной. Магам казалось, что одним лишь своим присутствием он мог с лёгкостью развеять даже крупномасштабную магию, для сотворения которой необходима была целая группа, не говоря уж о заурядных заклинаниях.

Атмосферы, что он источал, было достаточно, чтобы возобладать над помещением. Тем, кто смотрел на него, хватило пары секунд, чтобы ощутить, что он был почти что божественным. Если эта Героическая душа выйдет из-под контроля, они ничего не смогут сделать, *и любое его деяние им придётся принять как правое дело*. Именно такие мысли начали овладевать людьми Баздилота в присутствии этой идеальной фигуры.

По сути, Героическая душа могла убить каждого в этой комнате голыми руками. Однако, словно противореча тому давлению, что излучали его тело и магическая энергия, он стоял в центре мастерской со спокойствием джентльмена.

Но это лишь делало исключительную природу Героической души ещё более очевидной, и всем магам, собравшимся в мастерской, кроме Баздилота, невыносимо хотелось убежать. Здесь не было места никчёмным магам, вроде них. Они смотрели на существо, смотреть на которое у них не было права.

И всё же никто из них даже не пошевелился. Их пригвоздил к месту ещё больший страх. Они не могли убежать, пока здесь был Баздилот. Это была единственная причина.

— _____.

— _____.

Баздилот что-то обсуждал с Героической душой, но его люди ничего не слышали. Это была беседа между существом, значительно превосходившим человека, и их руководителем. К тому времени, как им удалось разобрать кое-какие слова, лицо Героической души помрачнело.

Настроение Героической души явно испортилось, но их начальник, что стоял перед ним, Баздилот, остался невозмутим.

— Ну? Отвечай на вопрос.

— ...

— Я спросил: убьёшь ли ты дитя собственными руками ради победы в бою?

— Нет. Любой, кто отдаст мне подобный приказ, станет моим врагом, — раздался серьёзный голос героя. — Ты... испытываешь меня?

Когда он произнёс это, по мастерской пронёсся сквозняк, порождённый невидимым давлением. Это была не магическая энергия - чистая сила. Присутствие настолько тяжёлое, что любой обычный человек едва ли вынес бы её вес и скончался в муках, лишило магов свободы передвижения.

— Если ты говоришь такое, зная моё происхождение... Полагаю, ты решил рискнуть жизнью.

С точки зрения стоявших в стороне магов, эти слова, произнесённые с такой силой, звучали ни много ни мало как смертный приговор.

Они приготовились к тому, чтобы стать частью сопутствующего ущерба. И всё же они не чувствовали ненависти к начальнику; лишь страх, смешанный со смирением.

Их начальник, не дрогнувший перед лицом давления, грозившего раздавить его вместе со всей комнатой, ответил на взгляд героя нечеловеческим блеском в своих глазах и дал ответ:

— Естественно. Я отринул свою жизнь давным-давно.

Затем он поднял свою правую руку, и узор на тыльной стороне ладони засиял.

— Силой командного заклинания я приказываю тебе...

— ...Глупец.

Героическая душа покачала головой, рассудив, что мужчина намеревался навязать ему своё превосходство с помощью командного заклинания.

Ограничения, налагаемые командными заклинаниями, были мимолётными. Он знал, что сможет с лёгкостью сбросить их с себя с помощью своей магической энергии. Даже если ему прикажут убить себя всеми тремя командными заклинаниями, он счёл, что *три самоубийства не станут для него особой проблемой*. Однако он решил, что если это покажет магу всю тщетность попыток сковать его

командным заклинанием и поможет ему понять своё место, то он не станет ему препятствовать и даст впустую потратить одно заклинание.

Героическая душа была слишком благородной. Будь он из тех, кто готов на всё перед лицом опасности, он раздавил бы мага голову или же ударом отправил его в полёт, прежде чем он закончит активацию командного заклинания. В сущности, он бы так и поступил, если бы его призвали Райдером или Ассасином. Но при призыве в сосуд одного из рыцарских классов, как сейчас, аспект «безупречного героя», которым его наградили мифы, выходил на первый план. Поэтому он обрёл достоинство, чем-то похожее на рыцарство.

Это и стало уязвимостью в защите великого героя. Поскольку приказ, отданный ему силой командного заклинания, не был требованием клятвы в верности.

— ...не оправдывайся.

Герой испуганно вскрикнул, когда одно из командных заклинаний Баздилота засияло... и его мощная магическая энергия начала проникать в его мозг.

Невозможно.

Даже с учётом всех предыдущих Войн за Святой Грааль, магическая энергия героя была первоклассной. Ведьмы Эпохи богов – это одно, но никто из современных магов не мог вмешаться в его разум. Однако, несмотря на то, что приказ был отдан с помощью командного заклинания, «нечто» в этом маге, что стоял перед ним, начало наносить удары по его разуму. Герой вспомнил, что уже испытывал однажды похожее, снедающее ощущение.

— Что... ты...

— Не нужно скрывать свои преступления, сожаления. Обнажи свои глубины. Я увижу всё.

Баздилот, всё такой же невозмутимый, искушал героя, причём голос словно звучал из глубин ада.

— Мне не нужна твоя сила героя. Мне необходима алчность, которая заставит тебя пойти на всё ради твоей цели. Мне нужно ошибочное убеждение, которое заставит человека без колебаний пойти на любое злодеяние даже из благородных побуждений, — пробормотал он, обращаясь к застывшей Героической душе, и поднял руку во второй раз.

— Силой командного заклинания я вновь приказываю тебе: вспомни *людей*, которых ты видел.

В этих словах, должно быть, был какой-то особый смысл. Или же они были под завязку наполнены пагубным намерением. Масса магической энергии, которой стало командное заклинание, вобрала приказ, сотрясший его барабанные перепонки, и просочилась глубоко в мозг. Перед глазами всё начало мерцать. Герой видел стремительно появляющиеся и исчезающие лица всех людей, которых он встречал

при жизни. Среди них были потомки богов, но для него все они были «всего лишь людьми».

Тиран, олицетворение трусости, причитал, не в силах встать на ноги от страха:

— *Я понимаю! Я буду восхвалять тебя! Клянусь честью короля, я буду тебя превозносить! Т-только не подходи ко мне, чудовище!*

Мужчина со светлыми волосами, выдающийся своим высокомерием, сказал:

— *Невероятно! Я завидую тебе! Слухи не вдали: ты и вправду чудовище! Не бойся. Я буду хорошо с тобой обращаться и использовать с пользой. Пока ты со мной, ты не будешь чудовищем. Ты великий герой, страж будущего короля.*

Перед смертью, что она добровольно избрала, женщина, которую он любил, сказала:

— *Ты не сделал ничего плохого. Поэтому, пожалуйста, не проклинай мир. Не нужно ненавидеть собственную кровь. Ты сильный, и поэтому, уверена, ты справишься. Мне же не удалось.*

Перед тем, как он раздавил ему голову и бросил в огонь, вражеский солдат произнёс:

— *Оте...*

Человеческие фигуры накладывались друг на друга множеством слоёв, независимо от порядка, в котором он их встретил, и исчезали. Они словно зывали друг к другу, в то время как неестественный объём магической энергии вливался в него через командное заклинание.

«Невозможно. Ни один человек этого времени не обладает таким количеством магической энергии! Словно... ведьма из моей эпохи...»

Несравненный герой рухнул на колени, не издав ни звука.

Люди Баздилота, узревшие столь невероятную сцену, были сбиты с толку. Существо явно высшего порядка мучилось перед магом, их начальником.

Связь «Мастер-Слуга».

Все, кто стал свидетелем этого зрелища, понимали, что это нельзя было объяснить так просто. Однако они осознали, что при этом были понесены определённые потери.

В Войне за Святой Грааль командные заклинания, которыми обладал каждый Мастер, приравнивались к жизням. Они были козырными картами, способными навязать Слуге приказ, запрет и даже деяния вроде мгновенного перемещения и непредвиденного отступления, сравнимые с Истинной магией. И Баздилот только что использовал два командных заклинания из трёх. Подумав, что последнее было припасено на случай, если Слуга взбунтуется, они пришли к выводу, что Баздилот

фактически остался без командных заклинаний до самого конца Войны за Святой Грааль.

Магов беспокоило то, что он лишился определённого преимущества, но некая разновидность доверия вкупе со страхом успокоила их, поселив в головах мысль, что Баздилот как-нибудь справится. Это спокойствие, однако, испарилось спустя несколько секунд.

— Силой командного заклинания я вновь приказываю...

Эти слова проморозили до основания всех магов, собравшихся в подземной мастерской. Баздилот намеревался использовать при призыве все три командных заклинания. Узрев, как их начальник совершает столь глупый поступок, что на него не осмелился бы пойти даже ребёнок, каким-то чудом прознавший про Войну за Святой Грааль, маги вновь приготовились умереть, в этот раз наверняка.

Героическая душа тем временем также пришла к определённому выводу, сдерживая проникавшую в неё, словно свора червей, магическую энергию.

«Этот маг опасен».

Он не считал использование последнего командного заклинания безрассудным поступком. Он осознал, что маг, хоть это и не было видно по его лицу, рисковал жизнью. Он поставил на кон само своё существование, дабы преобразовать Героическую душу в нечто иное.

«Какой бы он ни отдал приказ своим последним командным заклинанием, я должен уничтожить этого человека».

Даже Героическая душа не могла постичь природу силы, снедавшей её. Однако, если он не будет осторожен, эта скверна может распространиться и на другие Героические души, призванные на Войну за Святой Грааль. Даже отчаянно подавляя поднимавшееся из его глубин проклятье собственной жизни, великий герой оставался благородным.

«Я должен остановить его. Остановить злого тирана, посягающего на эту эпоху».

Умственное осквернение достигло такой отметки, что большая часть Слуг, скорее всего, уже сошла бы с ума, однако этот великий герой всё равно тянул вперёд руку, но не для того, чтобы защититься, а ради других Героических душ и обитателей этой эпохи, которых он ещё даже не повстречал. Ему будет всё равно, если его назовут беспринципным. Ему будет всё равно, если его назовут безумным духом, восставшим против собственного Мастера. Человек, известный как герой среди героев, был полон решимости отринуть даже собственную честь и убить мага, что стоял перед ним, ради тех, кого он ещё не видел.

И затем, когда он уже стряхнул с себя умственное осквернение и уже готов был сомкнуть пальцы на шее мага... Баздилот использовал последнее командное заклинание, словно насмехаясь над благородством героя.

— Прими человеческую природу - покров земли.

Все, кто был в мастерской, за исключением самого Баздилота, увидели «это». Как только Баздилот истратил все свои командные заклинания, другая, красновато-коричневая татуировка показалась из-под его левого манжета... и начала извиваться, словно какое-то жуткое существо.

×

×

В полумраке.

— Что ж, прошу меня простить. Мне нужно начинать готовиться к собственному ритуалу призыва.

— Конечно, я не против. Мне всё равно хочется самой понаблюдать за призывом Арти, — сказала Франческа, болтая ногами в воздухе. Она переместилась с дивана на кровать.

Наблюдая за этим, Фалдеус высказал последнее предупреждение.

— Мисс Франческа, я прекрасно понимаю, через какую резню Вы прошли. Однако, будучи всего лишь магом-дилетантом, я не могу не беспокоиться.

Сказав это, Фалдеус прищурился и, даже не попытавшись скрыть свою враждебность по отношению к мужчине по имени Баздилот, произнёс:

— Стоило ли давать «это» тому человеку?

— Тебя это так сильно волнует? Знаешь, даже мне не хватит магической энергии, чтобы управлять Героической душой при полных её показателях, призванной с помощью этого катализатора. Для этого действительно нужна комбинация База и Складио.

— Я не катализатор имею в виду. Я говорю про «побочный продукт», который Вы привезли из Фуюки.

— А-а, — Франческа кивнула и сверкнула злобной улыбкой, — Тут ничего не поделаешь. В смысле я и Баз, пожалуй, единственные, кто в состоянии совладать с «этим», не говоря уж о том, чтобы *вырастить*, сохранив при этом в целости свою личность...

— И я не хочу постоянно иметь дело с этой омерзительной «грязью»! А-ха-ха!

×

×

Мясоперерабатывающий завод.

Это было странное зрелище.

Тело Героической души снедало красновато-коричневое нечто, хлынувшее в него вместе с силой командных заклинаний. Героическая душа высвободила собственную магическую энергию, дабы противостоять этому, снеся тем самым

половину барьеров вокруг мастерской. Несколько магов, не в силах вынести столько обрушившейся на них магической энергии, задёргались и рухнули на пол.

Баздилот был незащищён перед потоком магической энергии, однако он не сводил своего пронизывающего взгляда с Героической души.

— Чествуй, одобряй и люби то, что они отринули. Не сдерживайся.

Он высвобождал не только силу командных заклинаний, но и собственную скопленную магическую энергию. Баздилот продолжал вселять тянувшееся из своей руки красновато-коричневое нечто в Героическую душу, используя даже восточную магию, которую в Часовой башне отвергали, называя ересью.

Своим примитивным колдовством он прорезал стену сопротивления магии, позволяя извивающейся тёмной субстанции беспрепятственно проникать в тело героя. Теперь цена, казалось, была слишком большой для имевшейся у Баздилота магической энергии. Героическая душа подозревала какой-то подвох, но не могла позволить себе попытку раскрыть его.

Вцепившись в своё тело, цепляясь за каждый его дюйм, Героическая душа вспомнила боль от яда, что оборвал её жизнь. Боль, которую он чувствовал, должна была быть совершенно иного рода, но его инстинкты вытаскивали из воспоминаний муки, что доставлял ему тогда яд. Они кричали, что сила, которая вливалась в него, была такой же опасной. Выдерживая практически неопишемую боль, Героическая душа отчаянно боролась, пытаясь сдержать «желания», коловшие его как изнутри, так и снаружи. В следующее мгновение, однако, «грязь», что насылал на него Баздилот, переплелась с «проклятьем», которое он нёс внутри себя как карму, и стоявший на коленях герой испустил рёв, сотрясший само пространство.

— _____
_____ !

Словно отвечая на этот рёв, его тело претерпело разительные изменения.

Когда, казалось, всё тело Героической души окутала красновато-коричневая грязь, все мускулы на его плотных массивных конечностях исчезли. Рост уменьшился почти на пятьдесят сантиметров, словно сократился сам его скелет. Грязеподобное нечто обволокло его кожу и окрасило её в красновато-коричневый цвет. Затем другой тип силы, который переплёлся с «грязью», образовал белый пигмент, пометивший его грудь лучистым узором, похожим на шрам, словно ему вырвали сердце. Вопль героя внезапно прервался, и он молча поднялся на ноги, как будто ничего не произошло.

— Каково это, чувствовать себя избавленным от излишеств? — спокойно произнёс Баздилот, не опуская руки. — Отныне эта грязь будет давать тебе силу, которая станет им заменой.

Героическая душа молча смотрела на него.

— Путь уже проложен, но... я всё же спрошу.

Баздилот уставился на Героическую душу, которая хоть и стала меньше, но всё равно была на голову выше его. Его тон был безразличным.

— Я спрашиваю тебя: ты мой Слуга?

После недолгого молчания Героическая душа ответила:

— ...Почему бы и нет?

Он расправил ткань, что была на его плечах, и накрыл ею голову, спрятав своё лицо.

— Дабы осуществить свою месть... я использую тебя. Когда же ты станешь для меня бесполезен... я откручу тебе голову собственными руками, — добавив сей причудливый штрих к своему наряду, Героическая душа изрекла эти тревожные слова. Его голос был настолько разумным, что никто бы не поверил в то, что он был на грани безумия.

— Зачем ты прядешь своё лицо? — спросил Баздилот. Естественно, он был невозмутим.

— ...Мера предосторожности. Так дела рук человеческих не попадутся мне на глаза.

— ...А, понимаю. Значит, эта ткань – «его» шкура. Если так ты можешь свободно передвигаться, то это не проблема.

— Так оно и есть... В любом случае я не намерен показывать миру своё лицо. Пока не использую Святой Грааль, чтобы очистить моё *настоящее* имя.

Героическая душа заявила, что использует святой Грааль, чтобы стереть «имя».

Услышав это странное заявление, Баздилот что-то проворчал себе под нос, после чего поднёс ладонь к подбородку и подумал вслух:

— В таком случае как же мне тебя называть? Твоя изначальная природа так сильно изменилась... Столь разительная альтернатива... Может, «Альтер»?

В ответ Героическая душа покачала головой и произнесла своё имя. С момента призыва он полностью изменился, и всё же имя что он назвал, осталось неизменным.

— Меня зовут...

×

×

Этой ночью события на мясоперерабатывающем заводе дали начало сошествию Героических душ на землю Сноуфилда. Примерно в это же время Сэйбер материализовался в оперном театре. Некоторые завершили призыв так, как и планировали; некоторые призвали такие Героические души, которых совершенно не ожидали увидеть; некоторые лишились жизни ещё до того, как увидели, кто ответил на их зов.

Пока Мастера и Героические души, которых они призвали, играли с судьбами друг друга, «фальшивая Война за Святой Грааль», чей полный комплект Героических душ уже снизошёл на эту землю, на какое-то время впала в дрему.

И банкет Героических душ, охвативший город, стал ей колыбельной.

Интерлюдия

「Страсти безымянного солдата」

«Другие маги вскоре должны будут закончить с призывом своих Героических душ».

Увидев, что небо на востоке начало светлеть, Сигма глубоко вздохнул и закрыл окна особняка. Затем он направился в подвал - в чью-то мастерскую. Её барьеры уже были развеяны; ничто не должно было помешать ритуалу Сигмы.

«Неужели у меня получится призвать одно из этих существ?» — думал Сигма, спускаясь вниз. «Что вообще такое Героическая душа? Как они оказываются в “Троне”, по какой причине?»

Он был всего лишь наёмником, способным творить магию. После того, как правительство, которому он служил, распалось, те, кто поспособствовал этому, взяли его к себе. Такова была степень их отношений. Не сказать, что у него есть какие-то особые способности, так почему его выбрали? Размышляя над подобными вещами, Сигма молча начал готовиться к ритуалу.

Мысль о мести правительству никогда не посещала его разум.

С малых лет он проходил базовое обучение у различных магов. Выяснилось, что у него был талант к использованию фамильяров, и его начали усердно тренировать в этой области магии вместе с обучением владению оружием и прочим необходимым навыкам. В свободное время ему вбивали в голову, каким «эффективным» и «абсолютным» было правительство. Однако, когда это самое правительство так легко свергли, он осознал, что всё это было ложью.

Он ни во что не верил. Даже собственные способности казались ему сомнительными и ненадёжными после увиденных им воочию магии его нанимательницы и тренировки бойцов Фалдеуса. Именно поэтому он и гадал. Гадал, действительно ли это было правильно, что он, в ком не было веры, вступит в битву за обладание предмета под названием «Святой Грааль».

Сигма понимал цель Войны за Святой Грааль. Предмет, способный исполнить любое желание, и борьба за обладание Святым Граалем, который был основой этой системы. Тем не менее он был не в силах полностью понять саму концепцию этого «исполнителя желаний». Поскольку его представление о таком понятии, как «желание», было изначально очень слабым.

Когда нанимательница спросила, есть ли у него желание к Граалю, он не знал, что ответить. Дело было не в том, что у него не было желаний. Он бы сказал, что желал мирного сна и хорошей еды. Но хотел ли он этого так сильно, чтобы доверить своё будущее Граалю, какому-то чуждому устройству? И даже если этот «Грааль» будет вечно воспроизводить еду, он бы спросил, какая от этого выгода самому Граалю. Если он не нуждался в каком-либо возмещении, тогда это было нечто, чего Сигма не мог понять. Ничто не могло быть более жутким и сверхъестественным.

Свои сомнения, однако, он оставил при себе. Он не предпринял попытки прислушаться и позволить им возобладать над собой. Эмоционально

несовершенный молодой человек продолжал бесстрастно выполнять свою работу. Всё ради крепкого сна и хлеба насущного. В том окружении, где он вырос, это было самой большой редкостью.

— Воздвигни стену против ветра. Затвори врата четырёх направлений...

Молодой человек, который никогда не верил ни в богов, ни в чудеса, ни даже в собственные силы, произносил заклинание в попытке совершить призыв Героической души, что само по себе было чудом, сравнимым с делом рук Господних. Он делал это без эмоций или желаний, словно машина, просто прогоняя магическую энергию по своему телу и месту проведения ритуала.

— Явись из сковывающего кольца, Защитник баланса!

Он не намеревался вкладывать в слова какую-то особую силу, но когда он подошёл к концу заклинания, магическая энергия внезапно вырвалась из тела, заставив его инстинктивно повысить голос. Тем не менее это было доказательством того, что магическая энергия определённо хлынула в сердце ритуала. Сигма остался равнодушным, даже когда увидел, как пространство вокруг него начал заливать свет. Он чувствовал лишь тягость, которую ему доставляло управление потоками магической энергии.

Наблюдая за вихрем света, молодой человек с невероятным самообладанием вновь подтвердил своё положение. В этой «Войне за Святой Грааль» он был всего лишь пешкой, которую его нанимательница взяла для массовки. Факт того, что ему не дали катализатор, это доказывал.

— Знаешь, я вообще-то планировала и для тебя приготовить уйму всякой всячины. Сокровища Чёрной Бороды, колба Парацельса, кандалы Спартака... Но потом мне пришла в голову одна идея. Что явится на зов, если мы позволим самому городу выбрать Героическую душу без использования катализаторов? Мне интересно увидеть, что именно привлечёт этот хаос.

Она не знала, что произойдёт. Весёлым, ясным голосом его нанимательница с экзотической улыбкой продолжала вещать о том, чтобы охотно и безрассудно броситься с головой в эту сомнительную авантюру.

— Все устроено так, что Рулер не появится, но шанс ведь всегда есть, верно? Тем не менее даже без катализатора, вероятно, просто появится герой, похожий по своей природе на призывателя.

Поэтому-то ты и идеален; ты **ничто**. У тебя нет желаний к этому миру, нет стремления оставить своё имя на страницах его истории... По сути ты «Солдат А»; в тебе нет ничего героического. Поэтому ты можешь быть чистым листом.

Если фальшивый Грааль действительно просто избирает, руководствуясь собственной волей... что, по-твоему, появится? Что ж, если ничего... то можешь просто вернуться в город, я не стану возражать.

Другими словами, он был пешкой, которую его нанимательница решила принести в жертву, чтобы удовлетворить своё любопытство. Даже если появится совершенно бесполезная Героическая душа, это будет неважно.

«Что мне делать, если это произойдёт?»

По крайней мере, будет с кем поговорить. Но ему особо нечего было обсуждать, даже с героем, который когда-то обрёл известность.

Заняв себя такими холодными мыслями, Сигма ждал, когда потоки света и магической энергии сойдут на нет.

Он был, по сути, всего лишь пешкой в этой Войне за Святой Грааль. Ему никто не уделял внимания. Он существовал лишь как идентификатор «Σ»; это даже не было его именем.

Даже его нанимательница Франческа лишь думала о нём в следующем ключе: «Надеюсь, он принесёт немного веселья и неопределенности» и «Он моя любимая пешка, так что мне же будет лучше, если он выживет».

В этой Фальшивой Войне за Святой Грааль юноша, прозванный Сигмой, был всего лишь «Солдатом А»; даже не магом.

Вплоть до того момента, когда его ритуал призыва подошёл к концу.

×

×

Сноуфилд. Большой лес.

— ...

Энкиду, обладавший навыком «Обнаружение присутствия» высочайшего класса, почувствовал «аномалию». Он, однако, не подумал, что это могло быть как-то связано с призывом Героической души.

Он чуть прищурил глаза и с извиняющимся видом устремил взгляд в землю.

— Интересно... я прогневал их немного?

Единственным, кто мог услышать слова Героической души, был серебряный волк, сидевший рядом с ним.

Слова Энкиду, так и не найдя понимающего слушателя, затерялись в густой листве.

×

×

Особняк в районе болот. Подвал.

— ...

Когда свет угас, перед ритуальным алтарём никого не оказалось. Медленно осмотревшись, Сигма заметил одинокую фигуру в углу.

На старом стуле сидел мужчина с тростью в руке. Волосы его были седыми. Большой вертикальный шрам пересекал его лицо и исчезал под воротником. Судя по его чертам, он был достаточно стар, чтобы считаться пожилым, но широкие и сильные плечи вкупе с другими деталями говорили о том, что он вполне мог быть моряком на действительной военной службе. Самой примечательной его особенностью была гладкая белая искусственная нога, прикреплённая к одному из колен.

— ...

Сигма настороженно и молча изучал старика. Его присутствие было устрашающим, но у Сигмы было такое ощущение, что он слегка отличался от «героя». Его одежда была более современной, чем Сигма предполагал. По крайней мере, он не походил на героев древности, которых изображали на иллюстрациях к мифам, или средневековья.

Пока Сигма ломал голову, не зная, что сказать, старик сам нарушил молчание:

— Ты Мастер в этой Войне за Святой Грааль? ...Хмф. Похоже, у тебя нет никаких амбиций.

— ...Кто ты?

— Я? Можешь звать меня капитаном. Но это ничего не будет значить.

— ?

Услышав его столь отстранённую манеру речи, Сигма мысленно поскрёб пальцами голову.

«Ничего не будет значить? В смысле? Так или иначе, сперва нужно формально скрепить контракт».

Решив задать мужчине вопрос после того, как удостоверится в его личности, Сигма ответил на первый вопрос Героической души:

— Я Мастер, который провёл ритуал твоего призыва.

Старик покачал головой и скривил губы в нехорошей улыбке.

— Хе-хе... похоже, ты всё не так понял, парень.

— ?

Не старик ответил озадаченному Сигме.

— Ты призвал не нас.

Голос раздался у Сигмы за спиной. Он резко развернулся, выхватив из кобуры пистолет, и вскинул оружие, готовый стрелять.

— Кто здесь?

Спросив это, он осознал, что фигура за его спиной принадлежала странно одетому мальчику. К его спине и плечам было прикреплено что-то вроде механических крыльев. Но теперь они имели зловещий, скелетообразный вид; местами в них можно было разглядеть остатки воска и белых перьев. Сигма сказал бы, что эта фигура была одета, как человек из эпохи древних мифов.

Сигма подумал, что этот мальчик мог быть Героической душой, а старик – магом, проникшим в особняк. Но когда он посмотрел туда, где сидел старик, тот уже исчез, оставив после себя лишь пустой стул.

— Я всего лишь, говоря знакомыми тебе словами, сбежавший пленник, — криво усмехнувшись, сказал мальчик, не обращая внимания на замешательство Сигмы.

— Что ты имеешь в виду?

Сигма вновь повернулся к нему, но мальчика больше нигде не было видно. Вместо этого с другой стороны раздался ещё один голос:

— Мы не Героическая душа, которую ты призвал. Мы лишь тени, которые она бросает.

Перед дверью стоял мальчик, которому на вид было чуть больше десяти лет, в белых одеяниях. Спокойная с виду змея, обвившаяся вокруг посоха в его руках, смотрела на Сигму, периодически высовывая свой язык.

— Ребенок?..

— О, прошу прощения за этот вид. Я производил клинические исследования на собственном теле с использованием крови Медузы, и в итоге получился такой эффект... Впрочем, беспокоиться не о чем. Я тень; и я скоро исчезну.

Тело улыбающегося мальчика поредело, словно туман, и растворилось в воздухе.

«Что?.. Что происходит?»

— Тебе точно досталась короткая соломинка, дружище. Деваться теперь некуда. Хотя, будь ты смазливой девчонкой, я бы не преминул воплотиться как Героическая душа.

Ещё один голос.

- Мы не Героические души; ничего подобного. Мы не можем использовать Благородные Фантазмы. Мы даже с палочками для еды обращаться не умеем, не говоря уж о клинке.

И ещё один.

— Тебя подвели лишь удача и люди, которых ты знаешь. Благодаря им, ты призвал себе неизбежные тяготы.

Самые разные голоса возникали и исчезали в подземной комнате, накладываясь друг на друга и пытаясь разум Сигмы словами, которые он не понимал.

— И всё же знаешь, у нас на тебя большие надежды. Надежды, что ты справишься и станешь Лансером.

Он слышал, что тот, кто обладал командными заклинаниями и стал Мастером, мог видеть статус Героической души. Эти существа выглядели, как Героические души, но он не мог прочесть о них никакой информации. Тем не менее, несмотря на то, что контракт ещё даже не был заключён, он чувствовал канал магической энергии, связывающий его с чем-то.

«Однако не похоже, что оно берет у меня магическую энергию».

В подобной ситуации любой нормальный человек закричал бы, но Сигма, которому всегда не хватало эмоций, выразил лишь лёгкое недоумение.

— Я стану Лансером? Что это значит? — спросил он у появляющейся и исчезающей толпы самозванных теней. — Что ты вообще такое? Я не уверен даже, что за класс Героической души появился.

После этих его слов старик, назвавшийся «капитаном», вновь возник на стуле. Морщины между его суровыми бровями стали ещё глубже, и он ответил:

— Вот как. Это не совсем правильно, но наша роль заключается в том, чтобы всегда наблюдать со стороны, так что, полагаю, тебе стоит называть нас...

— «Уотчер».

Глава 7

「День 1 — После полудня ① — Канон полубогов」

Во сне.

— Мистер Солнышко такой приятный и тёплый! Ты согласен, мистер Черныш? Сноуфилд мира снов Цубаки.

Куруока Цубаки сидела в саду, на газоне которого резвились животные.

Однако гротескная сущность, прозванная «мистером Чернышом» - Бледный всадник - ёжилась в тени деревьев.

— А? Мистер Черныш, ты не любишь мистера Солнышко?

Словно в ответ на вопрос Цубаки, Райдер внезапно содрогнулся.

— Немного, — у неё было такое чувство, что чёрная масса сказала именно это, судя по её поведению. Может быть, ей это просто показалось, но Цубаки всё равно вновь обратилась к Райдеру:

— Если тебе нехорошо, может, тогда зайдём внутрь?

Райдер, он же «мистер Черныш», не говорил с Цубаки с самой их первой встречи. Однако, принося в её сон множество зверушек, он начал постепенно выражать себя через своё поведение, хоть и на таком уровне, что можно было лишь понять, хорошее у него настроение или плохое, как животное.

Направляясь к дому, Цубаки вдруг окинула взглядом тихий жилой район и пробормотала:

— Интересно, все уехали, потому что им не нравится этот город?..

Лицо девочки помрачнело. «Мистер Черныш», который теперь был примерно такого же размера, что и она, приблизился к ней и потрепал по голове, словно спрашивая: «Что-нибудь случилось?» Цубаки улыбнулась ему и покачала головой.

— Спасибо. Всё в порядке, мистер Черныш.

Затем, посмотрев на бесчисленных животных, резвившихся в саду, она продолжила:

— Я хочу сказать, теперь здесь так много зверушек. Не то, что раньше...

— Теперь, когда здесь так оживлённо, мама, папа и *все остальные* останутся в этом городе, да?

Райдер услышал эти слова и рассудил, что они несли в себе её «желание». В данный момент Райдер являлся несовершеннолетним исполнителем желаний, принимавшим приказы от своего Мастера, Цубаки.

Он начал извиваться, готовый использовать свою силу, чтобы сделать её желание реальностью. Сейчас, однако, сложные умозаключения были ему неподвластны.

И...

Реальный мир. Окраины Сноуфилда.

Несколько машин неслись по длинной дороге, пересекавшей пустошь. В одной из них ехали маги. Они не были очень известными даже в Часовой башне. Однако они были одними из тех, кто уловил дуновение слухов и отправился в Сноуфилд в надежде прославиться.

— Мы только что покинули пределы города.

Услышав слова молодого мага, который вёл машину, сидевший сзади маг средних лет простонал:

— Шкаэе! Уэжи эа оафе оть эоа гооа, оуан! (Скорее! Увези меня подальше от этого города, болван!)

Разобрать его слова не представлялось возможным, но он явно был в ужасе.

Он попытался вступить в переговоры с Героической душой - класса Ассасин, судя по всему - и ему пронзили кинжалом язык. Поскольку лечебная магия не была его сильной стороной, он теперь сидел с обмотанным амулетами языком на заднем сиденье и без конца донимал водителя своим мычанием.

— Я понимаю, учитель. Мы отказались от этой затеи, едва увидев кратер в пустыне, так что мы поддерживаем Вас в желании сделать ноги.

— Машина перед нами, вероятно, тоже забита магами. Над ней кружит фамильяр, и...

Затем водитель заметил перемену. С того момента, как они покинули пределы города, ему на глаза начали попадаться машины, припаркованные на обочине. Машина, что ехала далеко впереди, затормозила и тоже остановилась.

Водитель гадал, почему они решили вдруг остановиться посреди этой глуши, когда увидел, как фамильяр, круживший над ехавшей перед ними машиной, вдруг рухнул на землю. В тот же миг на него накатила мощная тошнота, и вести машину стало весьма проблемно.

— ?!..

Он торопливо свернул к обочине и остановил машину, после чего посмотрел в зеркало заднего вида, приготовившись извиняться.

— П-прошу прощения, учитель, я вдруг ощутил... Учитель?!

То, что он увидел в зеркале, нельзя было назвать нормальным. Маг, его учитель, обмякнув, лежал на заднем сиденье с бледным лицом.

— Дело плохо. Нам нужно...

Сдерживая тошноту, водитель повернулся к старшему ученику, сидевшему на пассажирском сиденье, и вновь содрогнулся. Он дёргался, его лицо тоже было бледным. На шее и тыльных сторонах ладоней возникали пятна, похожие на синие кровоподтеки.

— Что... А-а... а-а-а-а-а-а!

Затем водитель заметил. Похожие пятна начали появляться и на его руках, расплзаясь по всему телу. В салоне машины раздался крик. Затем тишина.

Несколько минут спустя машина медленно начала двигаться. Другие машины тоже пришли в движение, едва ожили их двигатели. Все они разворачивались и направлялись обратно в Сноуфилд.

Сидя в машине, ехавшей в город, водитель с остекленевшим взглядом заявил:

— Как же мне не терпится вернуться в Сноуфилд!

— Да, это такой приятный город. Нужно успеть занять хорошие места, чтобы сполна насладиться Войной за Святой Грааль! — ответил ученик с таким же пустым взглядом, сидевший на пассажирском сиденье.

Пятна, возникшие на их телах, большей частью поблекли, и их лица начали принимать естественный цвет. Однако их разумы стали чем-то совершенно иным.

— Шкаэе, шкаэе, наа у гоа! (Скорее, скорее, назад в город!)

Слушая радостное мычание учителя, они ехали через пустошь. В город Сноуфилд, где царил хаос битвы.

В этот день, в этот момент Сноуфилд стал незримой темницей. Темницей, которая никого не впускала и не выпускала. Казалось, город пожирал людей, словно живое существо с собственной волей.

×

×

Северный Сноуфилд. Большое ущелье.

«Что происходит?... Кто эти Героические души?..»

Тина Челк выглянула из-за трона на корме Виманы, летающего Благородного Фантазма, который Гильгамеш извлёк из своей сокровищницы. Увиденное огнём запечатлелось в её глазах.

Гильгамеш вступил в бой с таинственным Арчером. Загадочная Слуга вклинилась в их схватку. Гильгамешу её вмешательство явно не понравилось, но события начали развиваться быстрее, чем незнакомка успела ответить.

В тот же миг таинственный Арчер, которого удар Героической души похоронил под обломками скалы, отправил гору камней в полёт, словно извергающийся вулкан.

Множество огромных булыжников взмыло так высоко, что Тине пришлось запрокинуть голову, чтобы их увидеть. Затем некоторые из них внезапно раскололись, и среди обломков показались стрелы, окутанные внушительным количеством магической энергии. Таинственный Арчер взлетел в воздух вместе с ними и, укрываясь за камнями, выпустил множество снарядов.

Дождь из стрел, каждую из которых сопровождал миниатюрный торнадо, обрушился на Гильгамеша и объявившуюся Слугу, увлекая за собой обломки расколотых камней.

Спустя мгновение Гильгамеш высвободил свои сокровища из Врат Вавилона, в то время как девушка наложила несколько стрел на тетиву лука, возникшего в её руке, и отправила их в полёт все разом. Оружие и стрелы, пущенные с такой скоростью, что глаза Тины были не в силах за ними уследить, отражали яростные вихри один за другим.

«Что и следовало ожидать от Его Величества... но кто такая эта Героическая душа?..»

Судя по тому, что она появилась верхом на скакуне, она, скорее всего, была Райдером. Но, исходя из её навыка обращения с луком, она также вполне могла быть и Арчером. Но тогда это бы значило, что в городе воплотилось три разных Арчера.

«Или она может так искусно обращаться с луком, не являясь при этом лучницей?..»

«Невозможно», — подумала Тина. Тогда это будет похоже на попытки лучника состязаться с другими классами в мастерстве владения мечом.

Король героев обладал клинками вроде Эа и Меродаха, несмотря на то, что принадлежал к классу Арчер, но, если не считать их ужасающую силу, он никогда бы не рискнул скрестить мечи с каким-нибудь Сэйбером в ближнем бою. По крайней мере, так Тина думала.

Однако разворачивавшееся прямо перед её глазами зрелище бросало вызов её здравому смыслу.

— ...

Девушка вытянула руку в сторону, и рядом с ней возникла лошадь. Она легко запрыгнула на скакуна и энергично устремила вперёд.

Ткань, повязанную вокруг её руки, всё ещё переполняла концентрированная божественность. Она вливала магическую энергию в свою лошадь через поводья. Всадница и её скакун двигались, словно один организм, на огромной скорости прокладывая путь через град вихрей. Огромные куски скалы начали падать на землю. Она с лёгкостью преодолевала их и, в конце концов, начала запрыгивать даже на те бульжники, которые всё ещё находились в воздухе.

Наблюдая за Героической душой, скачущей вверх по каскаду камней, Тина уверилась в том, что...

«Она может быть только Райдером!»

Это означало бы, что герой, обладавший естественным талантом к стрельбе из лука, был призван в этой войне в классе Райдер. Возможно, разумно было предположить, что сила её лука была повышена божественной аурой, текущей из повязанной вокруг руки ткани.

«Тогда эта ткань – Благородный Фантазм... который усиливает способности своего владельца...»

Пока Тина наблюдала за ней, Героическая душа поднялась высоко в небо и наконец-то оказалась на самой вершине каменного водопада. Затем, обнаружив

взглядом фигуру таинственного Арчера, чья позиция теперь была ниже её, она, всё ещё будучи верхом на скакуне, натянула тетиву своего лука.

Таинственный Арчер заметил её присутствие и повернулся, чтобы посмотреть на девушку сквозь покрывавшую его голову ткань.

— ...

Всадница, озаряемая солнцем за её спиной, целилась в него из своего лука, окутанного концентрированной божественностью.

— Вот как.

— Арчер-р-р-р! — обнажая свою крайнюю враждебность, девушка вложила в этот крик всё своё естество.

— Значит, это ты, *царица вероломства*, — пробормотал Арчер.

Он поднял лук, не потрудившись даже подумать о манёвре уклонения, и подстегнул божественную энергию в повязке на руке. Затем он остановил пять стрел, пущенных всадницей, таким же количеством собственных. Наконечники стрел с практически идеальной точностью столкнулись друг с другом. Магическая энергия, которой они были наполнены, высвободилась и обрушилась на окружающее пространство могучим вихрем. Защищаясь собственной магией от порывов ветра и обломков, что он нёс с собой, Тина неотрывно следила за лучником, ожидая его следующего шага.

Но всадница его опередила. Она доводила до совершенства божественную ауру, которая теперь была ещё сильнее, чем прежде. Девушка прыгнула, оттолкнувшись от спины своего скакуна, пустила стрелу и, используя её как приманку, оказалась за спиной своего противника.

— ...Какая дерзость, — пробормотал лучник и начал разворачиваться. Но не успел он сделать это, как стрела ударила его в спину в районе сердца со скоростью звука.

Однако по какой-то причине, едва угодив в тело мужчины - в ткань, что покрывала его голову - стрела раскололась и исчезла в вихре, так и не вкусив его плоти.

— Так я и знала... — увидев это, простонала всадница, которую лучник назвал «царицей». Этот её стон не означал удивление, а, скорее, нёс в себе подтверждение её догадки.

— ...Вот оно что, — пробормотал Гильгамеш. Он временно вернулся на борт Виманы и наблюдал за событиями с земли.

— Вы что-то узнали, Ваше Величество? — робко спросила Тина.

— Да, а именно как простой лучник смог защититься от всех моих Благородных Фантазмов, — с ноткой изумления ответил Король героев, — а также почему он оказался беспомощным перед кулаком обычной всадницы.

— Значит, есть причина?..

— Сущий пустяк. У него особая броня, вот и всё.

— Броня? — спросила Тина и посмотрела на лучника, который вновь оказался на земле.

На нём не было ничего, что можно было бы назвать бронёй. Верхнюю часть его тела прикрывала лишь странная узорчатая ткань, накинутая на голову, и ещё одна ткань, повязанная вокруг руки.

— Скорее всего, это шкура представителя некого вида демонических или божественных зверей. Придать ей такую форму, пожалуй, было непросто, но изначально она, вероятно, принадлежала существу, похожему на Угаллу.

Гильгамеш назвал в качестве примера имя вавилонского монстра, но Тине этого было мало.

— Вы хотите сказать, Ваше Величество, что эта шкура отразила все Ваши ужасающие удары? — настойчиво поинтересовалась она.

— Количество здесь не играет роли. Божественные или демонические звери порой отрицают саму человеческую цивилизацию. Не так давно я обрушил на него всё, что у меня было - не только моё первоклассное оружие, но даже Благородные Фантазмы низших порядков, которые я при обычных обстоятельствах даже не потрудился бы использовать. Я не верю, что он отразил это всё при помощи одного лишь своего навыка. Однако, если бы он защитился своим телом или какой-то формой магии, это не объяснило бы тот факт, что шкура осталась совершенно невредимой.

В этот момент Король героев прищурил глаза и ещё крепче сжал рукоять Меродаха, меча выбора.

— Время от времени появляется существо такого рода - странность, отрицающая человеческую цивилизацию. По крайней мере, ничто, созданное руками человеческими, не пробьёт эту шкуру.

Губы Гильгамеша слегка смягчились.

— В чём дело, Ваше Величество?

— О, я просто возлагаю на него большие надежды, раз он снял шкуру с такого зверя.

Увидев кривую усмешку на лице Короля героев, Тина поняла значение этих слов. Этот герой - воплощение могущества - надеялся, что лучник обладал достаточной силой, чтобы стать ему достойным соперником. Конечно же, любую другую Героическую душу, отразившую его сокровища с помощью силы Благородного Фантазма, он окрестил бы непочтительной.

Тина ещё сильнее укоренилась в своём мнении, что лучник был грозным противником. В конце концов, он обладал достаточными качествами, чтобы пробудить в этом великом и гордом короле «большие надежды».

— Даже если не принимать в расчёт его броню, он смог отразить мои Благородные Фантазмы своим луком, что уже есть признак совершенного навыка. Это достойно одобрения, хотя я никогда бы не снизошёл до похвалы.

— Но что это за Благородные Фантазмы, повязанные вокруг их рук?..

— Скорее всего, какое-нибудь наследие богов, навязанное людям. Смотри внимательно; эти куски ткани одинаковы, но каждый из них использует их в совершенно разной манере.

— ?

Тина последовала словам Короля героев и, наложив на свои глаза заклинание восприятия магической энергии, присмотрелась к сражению.

Разница действительно была. Всадница прогоняла крайне плотную магическую энергию - достойную называться божественной - по телу, в то время как лучник лишь вливал её в своё оружие; он ни разу не принял эту силу в себя.

— Почему?.. Если бы он направил эту божественную ауру в своё тело, обладающее столь выдающимися качествами, ему, вероятно, удалось бы превзойти свою противницу.

Король героев что-то проворчал и задумался над словами Тины. Затем на его лице промелькнула тень веселья, словно он наткнулся на любопытную игрушку.

— Богов, известных мне, я нахожу лишь весьма неприятными... но, похоже, этот парень презирает богов, в которых верил, так сильно, что хочет их убить.

— Он ненавидит... своих богов?

— Забавно, не правда ли? Я уверен, что это те же самые боги, что создали это его крепкое тело. Только представь себе, он сохраняет такую силу воли, презирая при этом само своё существование. Этот глупец подаёт надежды.

Всадница не услышала слов Гильгамеша. Тем не менее, пуская в лучника одну стрелу за другой, она прокричала:

— Почему? Почему ты отказываешься принять в себя силу моего отца - силу этого пояса? Ты смотришь на меня свысока?! Насмехаешься надо мной?!

— Силе бога не дано обрести сосуд в теле ему подобного, — со всей серьёзностью ответил лучник, отражая её выстрелы, в каждом из которых было достаточно силы, чтобы уничтожить целую армию, своим луком.

— Что?

Услышав это, всадница, наконец, заметила *нечто*, текущее глубоко внутри тела её противника. Лучника переполняла сила, подобная выжигающему яду и совершенно не похожая на божественную. Он использовал её, чтобы насильно контролировать энергию, излучаемую «поясом», словно тот был его фамильяром.

Подняв лук, пропитанный смесью сил бога и *чего-то ещё*, лучник вымолвил слова, словно проклятье, в которых смешались гнев и презрение:

— Она должна быть обуздана, растоптана... и покорена силой человека.

В это же время. Полицейский участок.

— Докладываю, сэр. В районе ущелья на севере зафиксированы множественные энергетические всплески, причиной которых, судя по всему, стали Героические души. Мы считаем, что один из них – Арчер Гильгамеш.

Получив это секретное донесение, начальник полиции тяжело вздохнул. Затем он обратил свой взор на девочку, сидевшую на его диване и наслаждавшуюся тортиком, который она извлекла словно из ниоткуда.

— Сейчас же объясни это, Франческа.

— Что объяснить? Я помню, что рассказала тебе всё про призыв истинных Героических душ ещё до того, как мы начали.

— Я хочу знать, кто что призвал.

— Что? Ты хочешь знать это, в Войне за Святой Грааль? Не-а. Я знаю личность этой Героической души и информацию о её Мастере, так что могла бы тебе сказать, но, с другой стороны, не похоже, что Фалдеус и его начальство так сильно тебе доверяют. Что же мне делать?

— Не прикидывайся душой. Это, да ещё и инцидент в оперном театре прошлой ночью... сомневаюсь, что участвующие маги вообще имеют хоть какое-то представление о секретности. Открытое нападение на отель-казино среди бела дня втягивает в это местное население. Мёртвый Апостол пока что не дал о себе знать, но мне сообщили о пострадавших от осколков стекла!

Голос начальника полиции стал чуть жёстче. Франческа повернулась к нему с мрачной улыбкой.

— О? Я думала, мы смирились с тем, что простым людям может не поздоровиться, когда превратили этот город в сцену для Войны за Святой Грааль.

— Не в столь очевидной форме. Мы призвали того Кастера, чтобы обеспечить себе уверенную победу и при этом свести ущерб к минимуму. Если кто-то из Мастеров готов вовлечь в это дело жителей города, то, полагаю, от них стоит избавиться незамедлительно.

— Тебя это и вправду тревожит. Что ж, не сказать, что убийство мирных жителей мне по нутру, так что дам тебе подсказку, — Франческа хихикнула. — Знаешь бога? Я не про того, кому поклоняются детишки в Святой Церкви. Я имею в виду богов из другой мифологии.

— ?..

— Видишь ли, когда эту планету ещё переполняла магическая энергия - это время называют Эпохой богов - все виды «концепций» и «инородных тел» смешивались с людьми. Они обладали интеллектом, но, тем не менее, являлись совершенно иными существами.

Франческа устремила взгляд в пространство и прищурила глаза, словно предаваясь приятному воспоминанию.

— Как ты можешь предположить, имело место немалое количество достаточно тесных отношений между людьми и этими существами. Это привело к множеству комедий и трагедий. Ну, когда дело касается только людей, всё обстоит точно так же, но... В любом случае, когда твой партнёр по сути своей представляет собой массу энергии, союзы и разногласия находятся на совершенно ином уровне! Поэтому смех и печаль тоже принимают другие масштабы, понимаешь?

— Что ты пытаешься сказать?

— Разумеется, ненависть тоже увеличивается им под стать.

Затем, обратив своё внимание на завихрения магической энергии, которые она ощущала в районе ущелья, Франческа с упоением вспомнила то, что увидела прошлым вечером.

— Это правда, что его класс – Арчер, но его сущность полностью изменилась. Полагаю, можно сказать, что сейчас он наполовину Авенджер.

— «Авенджер»?

Начальник слышал от Фалдеуса, что Айнцберны призвали Героическую душу этого особого класса в Третьей Войне за Святой Грааль. По всей видимости, для Героической души он был не очень-то силён и потому был быстро уничтожен. Однако он помнил, что сказал ему Фалдеус – который прочёл данные, оставленные непосредственным участником той войны в своей марионетке – с мрачным выражением на лице:

— *Не могу сказать со всей уверенностью, но... если бы та Героическая душа одержала верх, весь мир оказался бы на грани исчезновения. Так или иначе, это было странное существо.*

Если этот Слуга обладает такой же природой, не значит ли это, что он невероятно опасен?

Начальник нахмурился. Франческа пожала плечами и рассказала ему о лучнике – Арчере. Рассказала с радостью и восхищением, словно нежно любила саму мстительную злобу этой Героической души.

— Хотя ненависть его направлена не на человечество... а на древних богов, которые давно уже исчезли или сгнили, или же скрываются где-то в этой эпохе.

×

×

Большое ущелье.

Лучник и всадница, обладавшие одним и тем же Благородным Фантазмом, продолжали сражение, прибегая к атакам как ближнего, так и дальнего боя. Вдобавок к луку всадница призвала копье, тоже сотканное из магической энергии с ярко выраженным оттенком божественности, естественным для её фигуры. Умело используя оба оружия вкупе со своим верным скакуном, она продолжала насаждать на лучника.

«Может быть, лошадь – один из её Благородных Фантазмов?» — подумала Тина, наблюдая за сражением.

Движения животного напоминали таковые у фантазменного зверя и были совершенно невозможными для обычной лошади, в то время как его хозяйка пыталась загнать лучника в угол. Но затем, словно почувствовав что-то, лошадь остановилась и встала на дыбы. Бесчисленное количество орудий вонзилось в землю между всадницей и лучником.

— Кажется, я сказала тебе не вмешиваться!

Всадница посмотрела на того, кто прервал её натиск.

— Дура, — бросил в ответ этот человек - Король героев. — Я не намерен слушать невоспитанную женщину, которая даже не спешила в присутствии короля.

Он стоял на носу Виманы, спокойно глядя вниз. Воздух за его спиной мерцал наконечниками бесчисленных Благородных Фантазмов, спавших в сокровищнице.

Всадница временно отступила, заняв позицию подальше от двух Арчеров, и с подозрением уставилась на мужчину на борту Виманы.

— Король? Ты?

— Столь же невежественна, сколь и дерзка. Может, ты и царица, но я вижу лишь одну из воров, грызущих друг другу глотки за мой сад в моё отсутствие. Отвратительно.

В сказанном не было сарказма; его холодные слова были насыщены очевидным презрением.

— Ты не достойна существовать в присутствии истинного короля - меня. Исчезни.

Словно человек, носком ботинка сметающий камешек на обочину дороги, Король героев высвободил рой Благородных Фантазмов из своих Врат Вавилона.

— !..

Должно быть, инстинкты предупредили всадницу, что принимать на себя прямой удар будет неразумно. Мастерски направляя своего скакуна, она начала петлять под шквалом Благородных Фантазмов.

Затем лучник, чью голову покрывала ткань, пустил стрелу, целясь в лошадь.

— !

Животное каким-то чудом увернулось от снаряда, но потеряло равновесие. Вторая волна из Врат Вавилона обрушилась на всадницу и её скакуна. В тот же миг девушка высвободила ещё более мощную магическую энергию. Она смешала свою энергию с чистой энергией ткани на её руке - которую саму по себе можно было назвать божественностью - и влила их в своё копьё. Всадница метнула оружие в Короля героев, стремясь отразить летевшие в неё Благородные Фантазмы грубой силой.

Копьё, окутанное божественной аурой, прошло вторую волну Благородных Фантазмов и устремилось к сердцу Гильгамеша. Король героев, однако, даже не пошевелился. Он призвал из своей сокровищницы Фантазмы-щиты. Копье пробило несколько из них и остановилось.

— Меня беспокоит один вопрос - откуда такое абсурдное количество Благородных Фантазмов?

В голосе всадницы чувствовалось раздражение. Гильгамеш не обратил на её слова внимания и безразличным тоном произнёс:

— Из всех возможных вариантов ты решила прибегнуть к помощи силы бога... Твоя дерзость не знает границ, женщина.

Затем, глядя на неё, он улыбнулся. Похоже, в нём проснулся интерес.

— Возможно, тебе не удалось выйти сухой из воды, но, похоже, ты умудрилась принять удар нескольких Благородных Фантазмов высокого ранга.

Всадница пострадала. Раны на её плечах и боках довольно сильно кровоточили. Должно быть, её задела несколько Благородных Фантазмов, которые ей не удалось полностью отразить. Несмотря на это, она прямо держалась, как и подобает воину, сидя верхом на своём скакуне.

При виде этого Король героев кивнул и высказал свои мысли:

— Похоже, в твоих венах течёт кровь бога, мне не известного. Я думал, что мне испортили всё удовольствие, но теперь, когда у меня два таких противника, этот бой хотя бы послужит разминкой перед моей встречей с другом.

Король героев всё ещё проявлял самодовольство, но в его глазах не осталось даже намёка на беспечность или тщеславие.

— Вы – лишь репетиция. Вы не падёте без моего дозволения.

Для Короля героев серьёзная разминка означала испытание всего, что он приготовил для встречи с другом, в том числе уловки, к которым он никогда бы не прибегнул при обычных обстоятельствах.

— Если ты и дальше намерен мне мешать, я уничтожу тебя первым, Золотой король.

Король героев презрительно усмехнулся.

— Мешать? Ты уверена, что не имела в виду твоё спасение, девочка, называющая себя царицей?

— Что?..

Гильгамеш бросил взгляд на лучника, который с важным видом стоял перед кучей обломков, и ответил подозрительной всаднице:

— Как ты намереваешься загнать этого человека, если даже не можешь понять, когда с тобой играют?

— Играют?

— Как Героические души вы принадлежите к разным порядкам. Вряд ли ты такая дешёвка, что не смогла это осознать.

Даже Тина, наблюдавшая за Героическими душами из тени Виманы, поняла слова Короля героев.

Мастерам в Войне за Святой Грааль была дарована способность простого ясновиденья, чтобы знать основные силы и слабости своих противников, разделённые на их статус, показатели физической силы, ловкости и так далее. То, как эта информация являлась каждому Мастеру, зависело от предпочитаемого ими

способа восприятия. Тина видела это как разницу в скоростях потоков шести рек, текущих с горы.

Насколько она могла видеть, реки Короля героев и лучника с тканью на голове текли довольно быстро. В сравнении с ними, потоки всадницы были более спокойными. В частности, река, отвечающая за удачу, выделялась своим медленным течением. Да, в простом сравнении базовых способностей она, похоже, была в слегка невыгодном положении. Судя по всему, она подняла свою природную силу на несколько рангов, приняв в тело божественную ауру Благородного Фантазма. Однако этого явно было мало против противника, обладавшего таким же Благородным Фантазмом. Возможно, между принятием силы бога в своё тело и её использованием в качестве инструмента была разница, но Тина не могла предположить, в чём эта разница выражалась.

Пока Тина думала, лицо всадницы напряглось, и она бросила пронизывающий взгляд в сторону лучника.

— Я знаю, что он превосходит меня...

На мгновение её голос стал под стать молодой внешности. В следующий миг она смело заявила, каждым словом выражая свою неподдельную враждебность:

— В конце концов, *я погибла от руки этого человека!*

— Что?

Тина на секунду застыла, не в силах постичь поведения всадницы. Она знала, что означали эти слова, но не могла понять, зачем нужно было выкрикивать то, что могло бы дать другим подсказку к настоящему имени девушки. Она была знакома с лучником, и в сражении против Короля героев сокрытие настоящего имени, скорее всего, мало что значило. И всё же невозможно было сказать, откуда за ними мог наблюдать фамилляр. Могла ли она позволить себе дать намёк на своё имя при таких обстоятельствах?

Возможно, всадница была более импульсивной, чем предполагала Тина. Эта мысль вернула разум девочки к настоящим именам вражеских Героических душ.

«Женщина, прозванная царицей, искушённая в верховой езде и использующая лук и копье».

«Герой, убивший её».

«Благородный Фантазм в виде куска ткани, которым они оба владеют».

«Шкура животного, отрицающего человечество».

В голове Тины, которая, готовясь к войне, изучила множество мифов и эпосов, несколько кусочков мозаики заняли свои места и образовали фигуры двух героев.

Однако она не приняла этот ответ так просто. Всадница – это одно, но впечатление, что на неё производил лучник, было слишком уж далеко от образа героя, который она мысленно нарисовала.

Затем, словно доказывая это, всадница крикнула:

— Но конец моего жизненного пути не имеет никакого значения!

Она посмотрела на лучника, затем на Тину.

«?!»

Тина замерла от её неожиданного взгляда. Однако всадница не стала нападать на неё и вновь обратила свой взор на лучника.

— Ответь мне! *Почему ты целился в это дитя?*

В противоположность её тону, ответ лучника был бесстрастным.

— Вполне естественно целить в Мастера, который столь беспечно является на бой вместе со своим Слугой. Хоть она и дитя, я вижу в ней мага, вступившего в битву с намерением сокрушить врагов. У меня нет причин давать ей поблажки. И из всех людей этот вопрос задаешь мне ты, царица, чьё начало – *сама война?*

— Довольно! Закрой свой рот и сотри ухмылку с лица! Я потребовала ответа, но мне не хочется слушать банальные доводы, словно слетевшие с губ постороннего человека! — неразумно проревела всадница. Вновь материализовав своё копье, она наставила его на лучника и продолжила допрос:

— Ты был тем, кто своей силой и хитростью изменял все допустимые правила на поле боя, как тебе было угодно! Поэтому я верила, что ты... что ты, по крайней мере, был человеком, который никогда не опустится до такого!

Её внимание было полностью приковано к лучнику. С точки зрения Тины, это было идеальной возможностью для атаки. Однако...

— Мой король...

— Оставь их. Наблюдать за тем, как два шута поливают друг друга грязью, тоже своего рода развлечение.

Несмотря на то, что сказал Король героев, в окутывавшей его магической энергии не было намёка на разлад или невнимательность. Тина, однако, могла чувствовать в нём нечто вроде любопытства, желания узнать больше о природе его противников. По крайней мере, лучник обладал достаточными способностями, чтобы вызвать интерес её надменного короля. Но разум Тины был целиком занят всадницей.

«Её злит то, что лучник пытался меня убить?.. Даже больше, чем то, что он убил её саму? Почему?»

Тина поставила на кон жизнь ради своих людей. С того самого момента, как она решила призвать Короля героев и уничтожить магов, она была готова к тому, что обстоятельства окажутся против неё, и она погибнет сама. С её точки зрения, доводы лучника были здравыми.

«Неужели она даже не видит во мне врага?..»

Безразличная к замешательству девочки всадница вновь крикнула, восседая на своём скакуне:

— Я слышала, что ты был безжалостен в бою; что ты даже грабил улицы вражеских городов. Я уверена, ты опускался даже до трусливых уловок, если это помогало тебе достичь цели. Но это не пошатнуло бы славу героя, если причиной всему были его амбиции.

Девушка ещё сильнее повысила голос. Её манеры были более взрослыми, чем её внешность.

— Но какими бы ни были обстоятельства - даже если перед тобой предстало проклятое дитя, которое принесло бы бедствия в этот мир - я была уверена, что ты никогда не навел с ликованием свой лук на ребенка! Ты бы сам никому этого не простил!

— ...

— Когда ты отринул имя, которое было гордостью для богов, которое с почтением и благоговением передавалось из уст в уста по всей нашей родной земле до самых плодородных равнин Фермодонта...

Предавшись порыву и ярости, всадница уже готова была выкрикнуть имя её противника, не заботясь о том, что тем самым раскроет своё собственное, когда...

— Молчать.

От одного лишь слова лучника воздух вокруг них застыл.

В то же время появилась тень - того же красновато-коричневого цвета, что пятнал тело мужчины - и начала извиваться, словно живое существо. Это была ненависть; это был страх; это было презрение; это было сожаление; это была зависть; это была жалость; это был гнев; это было смирение; это была злоба; это было унижение; это было отчаяние; и поэтому она была пуста.

Из глубин этой тени, словно ряд эмоций, доведённых до их абсолютного предела, донёсся голос, который будто навлекал проклятие на всех, кто его слышал.

Даже храбрая всадница на секунду опешила, а Тине показалось, что её сердце вот-вот остановится. Лишь Король героев сохранил спокойствие. Его губы даже изогнулись в слабой улыбке, словно у критика, наблюдавшего за комедией.

— Героя, которому принадлежало это имя, больше не существует, — произнёс лучник, не обратив внимания на реакцию троицы. — Нет, «он» даже больше не герой. Он был глупцом, который искал расположения одурманенных наслаждениями тиранов и поплатился за это, спалив покров земли - свою человеческую душу - в огне и молниях. На своём смертном ложе он нарушил свою клятву и избрал удовольствие вместо боли!

— Что ты? Чего ты хочешь?.. — спросила царица. По её щекам бежал холодный пот. Она была убеждена, что этот мужчина не был великим героем, которого она знала.

— Я всего лишь человек. Я отвергаю богов Олимпа - в том числе твоего отца Ареса - и я растопчу их и оскверню. Я лишь мститель, и месть – единственное, ради чего я живу.

— Да, мои плоть и кровь, сама моя душа, есть тень глупца, который пал так низко, что стал богом.

×

×

Полицейский участок.

Франческа, корчась от возбуждения, вспоминала призванную Баздилотом «Героическую душу», за которой она наблюдала этим утром через свой хрустальный шар с его разрешения.

— А-ах! У меня всё внутри горит от одной лишь мысли об этом! Это чувство, знакомое лишь живым, когда оскверняешь и поносишь богов! Обожаю! Знаешь, это напоминает мне о моём лучшем друге. Спорю, они бы отлично поладили, если бы я их познакомила. Но опять же, они ненавидят совершенно разных богов.

Начальник направился к входной двери, не обращая внимания на Франческу, полностью погрузившуюся в собственный мир и бормотавшую себе под нос всякую непостижимую чушь.

— О? Куда собрался?

— Разбираться с ситуацией, конечно же.

— Ты рехнулся? Может, ты и дал вчера неплохой бой той девчонке Ассасин, но я очень даже уверена, что с той ребятнёй в ущелье ты ничего не сможешь сделать, — Франческа скрестила ноги и с серьёзным видом посмотрела на начальника. — Если не будешь осторожен, Золотышка может прикончить тебя, едва ты решишь вмешаться.

Начальник прекрасно понимал, что она была права. Но как маг, поставивший сохранение магии в тайне превыше всего остального, и начальник полиции, обязанный обеспечивать безопасность своего города, он не мог тихо сидеть в стороне.

— Я не могу это просто так оставить. Такими темпами шальной выстрел может с лёгкостью уничтожить здание. Я также обращусь к Фалдеусу за помощью, но сомневаюсь, что от этого будет толк. Даже если он не может непосредственно вмешаться в бой, лучше заранее приготовить дымовую завесу.

— О, тебе нет нужды так беспокоиться. Я уже приняла меры.

— Что?..

Похотливо улыбнувшись заподозрившему неладное начальнику, Франческа произнесла то, что грозило обернуться ему ещё большей головной болью:

— Видишь ли, Слуга, которого я призвала, уже направляется туда, чтобы их прервать!

×

×

— Вот как...

Всадница услышала голос лучника, исполненный глубоким негодованием и решимостью, и гнев оставил её.

— Значит, ты больше не он.

Она прищурила глаза, успокоила дыхание и мягко погладила шею своего скакуна. В тот же миг окутывавшая девушку божественная аура переплелась с её магической энергией, быстро увеличивая свою чистоту.

— ?!.. Это...

Чувствуя магическую энергию через духовные жилы земли, Тина невольно ахнула.

Система Войны за Святой Грааль - по крайней мере, если она была идентична системе Фуюки, которую Тина изучила заранее - должна была быть не в силах призвать Божественную душу. Однако Тина не знала, в какой степени Героическая душа, будучи призванной, могла обладать божественной силой.

Если всадница была той, кем её считала Тина, тогда она являлась полубогиней, получившей мощь от своего отца-бога. У неё не было силы полноценной Божественной души, но что произойдёт, если этот Благородный Фантазм в форме ткани, повязанной вокруг её руки, компенсирует эту нехватку?

Лицо Тины побледнело, но она не чувствовала страх или сомнения. Подле неё возвышался король, которого она почитала больше, чем любого бога.

— В таком случае я не буду пытаться вернуть тебя на путь истинный. Я уничтожу тебя как врага вместе с золотым королем.

Когда Король героев услышал эти слова, его губы исказила дьявольская улыбка.

— Вижу, гавкать ты умеешь, девчонка!

Его улыбка была сама надменность. В ней не было ни следа недавнего презрения и насмешки.

Король героев был первым, кто заметил: присутствие всадницы, которая неистовствовала, позволив эмоциям возобладать над собой, изменилось. Теперь это было присутствие воина, достойное божественной ауры, что её окутывала.

И в данный момент глаза Короля героев, которые были менее гордыми, увидели часть истинной природы его противницы - то, чем она намеревалась стать. Но поскольку король был королём, он остался верен своей гордости.

— А тебе хватает наглости, чтобы ставить меня, короля, рядом с жалким мстителем! Я удостою твою грубость - и балаган, что ты устроила - своим смехом!

Да, в этой Войне за Святой Грааль Король героев не был ни тщеславным, ни беспечным. Но, поскольку он был королём, надменные манеры всегда будут естественной его частью.

Тем временем лучник, чьё лицо было прикрыто звериной шкурой, изогнул губы в жестокой улыбке.

— Хороший знак. Может, я и не верю в давно забытых тиранов, но, возможно, звёзды всё-таки вершат наши судьбы.

Пока он говорил, стрелу, наложенную на тетиву его лука, окутала зловещая магическая энергия. Аура, что она излучала, была такой, что любой маг-дилетант или даже обычный человек заметил бы её.

— Война только началась, а мне уже представился шанс разделаться с парой полубогов.

Изменилось не только качество стрелы. Он сменил свою устрашающую позу на более естественную. Лук и стрела опустились к его бедру. Всё выглядело так, словно он полностью вышел из боевой стойки.

Однако, несмотря на это, излучаемое им жуткое давление лишь продолжало усиливаться. Бойца средней руки охватил бы ужас, граничащий с отчаянием, от одного лишь взгляда на него. Но его противниками были царица, облачённая в божественную мощь, и первый из героев, король, окутанный золотым сиянием.

Представ перед двумя правителями, в которых не было даже намёка на страх, лучник заставил грязную, чёрную энергию сочиться из каждого дюйма своего тела, и...

— *Ладно, хватит.*

Когда три Героические души, казалось, уже готовы были сделать свой ход, простодушный мальчишечий голос эхом разнёсся над заснеженным лесом, который простирался, насколько хватало глаз.

— Что? — раздался спустя секунду озадаченный голос Тины.

— ?!..

— !

— ...

Глаза царицы расширились от изумления, лучник слегка прищурился, а Король героев окинул подозрительным взглядом окружавший их пейзаж.

Они должны были стоять в большом ущелье, где зеленела только мелкая поросль. И всё же деревья полностью заполнили обзор ещё до того, как слова мальчика повисли в воздухе. Они оказались посреди находившегося во власти снежной белизны леса, представлявшего собой плотную гущу хвойных деревьев, ошеломлявших взор самыми разными оттенками хвои и коры.

Снежная крупа падала на обнажённые тонкие руки Тины, и она ощутила, как по её коже пробежались мурашки.

«Принудительное перемещение?»

Торопливо окружив себя плотным слоем воздуха для защиты, Тина попыталась сообразить, что с ними произошло.

«Но такая продвинутая магия - чуть ли не Истинная - попросту не может!..»

Наличие подобного пейзажа в окрестностях Сноуфилда было невозможным. На западе простирался большой лес, но виды деревьев в нём были совершенно иными, да и снег в этой местности, несмотря на то, что центром её являлся город под названием Сноуфилд, был редким зрелищем.

Также было возможно, что их затянуло в другой мир - уникальное пространство, называемое «Зеркалом души» - созданный Слугой. Тина слышала, что некоторые Героические души могли использовать подобную технику.

Тем не менее Слуга Тины, Король героев, не проявил особых признаков встревоженности.

— Не теряй головы, — сказал он ей. — Это всего лишь иллюзия.

— Иллюзия?..

Это был весьма разнообразный вид универсальной магии. Иллюзии использовали для того, чтобы скрыть от посторонних глаз определённое место, сбить с толку чувство направления в конкретной области, или даже применяли на себе для помощи в тренировке или усиления внушения. Большинство обычных иллюзий, однако, было бесполезно против целей, обладавших Магическими цепями выше определённого уровня или Магической меткой. В результате лишь немногие маги осваивали эту область сверх того, что представляло собой лишь удобную магию общего назначения. По факту, Тина уже испытывала на себе воздействие иллюзии в прошлом, но она была связана с духовными жилами этой земли, которые усиливали её чувства, поэтому данного рода магия не оказывала на неё эффекта.

Однако в нынешних обстоятельствах она могла чувствовать холод даже через духовные жилы.

«Судя по связям магической энергии, мы определённо всё ещё находимся в каньоне, расположенном на земле моих предков... Это и вправду иллюзия, но тогда... как она может быть настолько мощной, чтобы обмануть не только человеческие чувства... но и саму землю?!»

Сколько человеческих магов могло бы достичь такого уровня? С мощным медиумом в наличии вроде могущественных Мистических глаз это было бы совсем другое дело, но при обычных обстоятельствах иллюзия такого уровня была за гранью возможностей современных магов.

«Ещё один Слуга!»

Она не могла сказать наверняка, была ли это магия в чистом виде или же результат действия Благородного Фантазма. По крайней мере, то, что обладателем этого голоса являлся Слуга, было весьма вероятно.

— Так не пойдёт. Вам всем нужно успокоиться. Чем вы думали, когда решили пустить в ход свои козырные карты в первый же день войны? Разумеется, ходят слухи, что некоторые уже разыграли свои козыри в пустыне ещё до начала представления! Ха ха!

Голос мальчика разнёсся над всем заснеженным лесом, но определить его источник было невозможно. Казалось, каждая снежинка была громкоговорителем.

Гильгамеш вёл себя так, словно не слышал этого голоса.

— Подумать только, ещё один невоспитанный злодей ждал момента, чтобы в последнюю секунду испортить мне развлечение. Не знаю, чего ты добиваешься, но неужели ты полагал, что сможешь обмануть мои глаза этой презренной иллюзией?

— *Надо же, вот он какой, Гильгамеш, Король героев! Властитель всей человеческой расы, прославившийся в равной мере как просвещённый монарх и*

деспот! Похоже, мне не по силам охмурить всепронзающий взор Вашего великого, надменного, мудрого и скрупулёзного Величества! Что же мне делать?

Приукрашивание в мальчишечьем голосе, раздавшемся над иллюзорным лесом, было настолько чрезмерным, что переходило в очевидную насмешку. Затем, спустя мгновение... за спинами Гильгамеша и Тины раздался другой, андрогинный голос:

— Тогда как насчёт твоих ушей, Гил?

Тина развернулась и увидела Героическую душу, по лицу и телосложению которой невозможно было определить пол, лишь не поддающийся определению след юности. Плавное тело без изъянов, напоминавшее Тине идеального зверя. Черты настолько изящные и красивые, что, казалось, было совершенно неважно, кому они принадлежали, мужчине или женщине.

«Этот Слуга...»

Тина тотчас же смогла понять, кем была эта сущность, внезапно возникшая за её спиной. Тогда она наблюдала за всем издали через своего фамильяра, но это определённо была Героическая душа, с которой Гильгамеш сошёлся в бою сразу же после призыва; Слуга, вместе с которым он сотворил тот кратер в пустыне.

Но, судя по тому, что он появился синхронно с раздавшимися словами, Тина сразу же поняла, что это, должно быть, очередная иллюзорная фальшивка.

В таком случае как на это отреагирует Король героев? Тина не успела даже перевести на него взгляд, как Меродах в его руке сверкнул и развеял иллюзорную Героическую душу.

— Кто разрешил тебе подражать внешности и голосу моего друга?

Обжигающая дрожь, пришедшая от Короля героев, сотрясла Магические цепи Тины. Она смогла предположить, что Король героев скорее кипел от холодной ярости, нежели отдался во власть эмоций.

— И за попытку использовать их, дабы обмануть меня, даже десять тысяч смертей будет слишком снисходительным наказанием. Я заставлю тебя пожалеть об этом опрометчивом поступке и пушу в ход каждое устройство, когда-либо созданное руками человеческими, для причинения боли.

Над заснеженным лесом вновь разнёсся мальчишечий голос:

— *Не беситесь, Ваше Величество. Это была лишь шутка озорного дурака.*

Назвав себя «дураком», он тем самым попросил у короля прощения.

Однако это лишь ещё сильнее распалило пламя гнева в глазах Гильгамеша. Его сердитый рёв эхом разнёсся по лесу, словно упрекая само это место:

— Недоумок! Дурак есть тот, кто веселит других одним лишь своим присутствием!

Похоже, у него были сильные личные воззрения на дураков. Его поведение стало ещё надменнее прежнего, а слова сочились неприкрытой яростью.

— И всё же ты называешь себя дураком и пытаешься так скучно оправдаться за то, что им являешься! Нет, ты не третьесортный; тебя даже дураком назвать нельзя! Ты не более чем идиот, опьянённый собственной эксцентричностью!

От столь беспрецедентного проявления гнева Тину прошиб холодный пот. Даже вещи, приводившие его в ярость, отличались от принятых в общей массе человечества, поэтому она, будучи его вассалом, не могла понять, чего ей следует опасаться в будущем. Пока что она сделала в уме пометку, что любое обсуждение «дураков» было под запретом в присутствии короля.

Но с другой стороны, она всё равно не ожидала, что ей представится случай завести об этом речь.

В этот момент вдалеке раздался шум, и деревья, которые, как предполагалось, были результатом иллюзии, очень натурально затрещали, словно их валили наземь.

Царица, по всей видимости, тоже пребывала во власти иллюзии. С маской ярости на лице она обратила взгляд к небу и крикнула:

— Не насмехайся надо мной! Где ты? Покажись, обманщик!

Ранее она, казалось, смогла взять себя в руки, но гнев вновь взял над ней верх.

Тина гадала, что именно показывала царице иллюзия, когда на лице всадницы вдруг отразилось замешательство.

— Что?.. — она резко замерла и крикнула в пустоту: — Ты говоришь мне отступить, Мастер? Но!..

— !

Услышав её голос, Тина тотчас же поняла. Всадница, должно быть, получила от своего Мастера телепатический приказ к отступлению.

Лучник, тем временем, продолжал стоять со спокойным видом среди снегопада, словно иллюзия не коснулась его одного.

Всадница повернулась к лучнику, одарила его грустным, едва ли не жалеющим взглядом, после чего опустила голову.

— Поняла. Я повинуюсь.

Всё ещё будучи верхом на своём скакуне, она заставила копьё исчезнуть и заявила, обращаясь к Королю героев и лучнику:

— Мы ещё встретимся, золотой король. И ты, мститель, погрязший в самообмане. В следующий раз, клянусь, я предстану перед тобой как воин, как того требует боевой этикет.

— Думаешь, я позволю негодяйке, так непочтительно стремящейся завладеть одним из моих сокровищ, покинуть это место?

— Ты король, не так ли? Королю не подобает фанатичная одержимость преследованием беглеца. Если хочешь отправиться за мной в погоню, тогда спустись со своего трона и беги, как воин.

Тина ожидала, что Король героев ответит негодованием. Гильгамеш, однако, бесстрашно улыбнулся и остался стоять на месте.

— Тебе повезло, — бросил он ей. — Приказать мне спуститься с трона – значит подписать себе смертный приговор. Но я уже начал забывать про своё королевское положение, когда предстал перед *ним*. Не назову это укором самому себе, но я дарую тебе прощение в честь моего воссоединения с другом. Прими это с благодарностью.

Закончив свое витиеватое заявление, Гильгамеш повернулся и посмотрел на другого Арчера.

— Разумеется, я не могу гарантировать, что он будет к тебе так же милостив.

Словно в ответ на это, сквозь снегопад прорезался голос мальчика:

— *В чём дело? Её Величество покидает нас? Что ж, я сам немного в затруднительном положении, так что давай на какое-то время тоже отступим, Истинный Арчер. Или ты предпочёл бы, чтобы тебя называли «Авенджер»?*

Гильгамеш окинул взглядом лес.

— Твой приговор остался неизменным, злодей. Даже шавки выше тебя, — раздражённо заявил он.

Заклеймив голос мальчика «злодеем», Король героев повернулся к лучнику и провозгласил:

— Бессмысленно дальше скрывать своё имя, шавка. Если ты стремишься осквернить часть самого себя, разве оглашение имени не поможет тебе в этом?

Надменный до конца, Гильгамеш отдал лучнику приказ:

— Даю тебе королевское дозволение. Назови своё настоящее имя.

Лучник криво усмехнулся, услышав столь абсурдное распоряжение. Затем он закинул свой лук на плечо, и медленно открыл рот, скрытый под шкурой зверя:

— Меня зовут *Алкид*.

Услышав это, всадница молча покачала головой.

Поначалу Тина не узнала этого имени. Но вскоре, однако, ей удалось ухватить нужное воспоминание.

— Сын Амфитриона и Алкмены, в чьих венах течёт кровь микенских правителей.

Она вспомнила, что это было данное при рождении имя великого героя - имя, которое было дано ему как человеку.

— Золотой король, самый могущественный из королей, с которым не сравнится ни один из знакомых мне правителей, мы ещё встретимся. В следующий раз я растопчу божественную силу, что дремлет в самых твоих сокровенных глубинах.

Он едва успел закончить предложение, когда сочившаяся из его тела грязная магическая энергия полностью окутала его. Она образовала пустую дыру в покрытой снегом лесной земле. Спустя мгновение грязь исчезла, а вместе с ней и лучник, словно его здесь и не было никогда.

— *Что ж, как-нибудь в другой раз, Ваши Величества. Если вам вдруг захочется предаться пороку, кликните меня, хорошо? В конце концов, я беру своё начало в глупости и безумии! А-ха-ха-ха-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!*

Голос оставался по-детски невинным, но его смех разнёсся над лесом безумным эхом.

Едва он успел затихнуть, как снежный ландшафт исчез, словно мираж, и Тина вместе с Героическими душами вновь обнаружила себя в ущелье.

Всадница, которая всё это время была здесь, несмотря на приказ Мастера, окинула Тину взглядом и почему-то одарила её лёгкой улыбкой. Затем, сжав поводья, она произнесла:

— Поскольку он раскрыл своё настоящее имя, полагаю, в том, чтобы скрывать от вас моё, нет больше смысла.

Озлобленно помотав головой, царица повысила голос:

— Я Ипполита, дочь Ареса, бога войны, и Отреры, жрицы Артемиды. Я предводительница гордых амазонок! Золотой король и ты, его юная подданная, мы ещё встретимся!

Закончив с представлением, она в следующий же миг помчалась прочь верхом на своей лошади. Затем всадница - Ипполита - вместе со скакуном распалась на частицы света и исчезла полностью.

Это столкновение Героических душ хоть и было непродолжительным, но поразило Тину до глубины души. Используя магию, чтобы успокоить разум, она спросила своего Слугу, Короля Героев:

— Со всем уважением, Ваше Величество... правильно ли было не называть ей Ваше имя?

— ...

Король героев чуть приподнял брови. Затем он покачал головой, словно прогоняя какую-то мысль, и посмотрел на неё с совершенно бесстрашной улыбкой:

— Хе... Они не достойны услышать моё имя. Если они вновь предстанут предо мной, я окажу им эту честь.

Тина понимающе кивнула. Она никогда не сомневалась в словах короля. Затем ей в голову пришёл один вопрос.

— Что этот голос, как будто принадлежавший мальчику, имел в виду под «затруднительным положением»?

— Хмф.

Услышав вопрос Тины, Король героев стёр улыбку с лица и посмотрел в сторону города, видневшегося вдалеке.

— Вероятно, он говорил про негодя, посмевшего испортить моё воссоединение с другом.

— ?

— У меня была мысль рассеять проклятие смерти одним взмахом моей собственности, но я никогда не предполагал, что он скроет свои следы *в такой форме*.

— Проклятие... смерти?

Тина нахмурилась.

— Дурочка, — произнёс Гильгамеш со своей обычной бесстрашной улыбкой. — Разве столь обеспокоенный вид не есть невежливость в присутствии короля?

— Ты под моей королевской защитой. Если у тебя есть время бояться проклятий, потрать его на благоговейный трепет предо мной.

×

×

В то же время. Специальный исправительный центр Коулсмана.

В комнате наблюдения множество изображений, передаваемых на экраны мониторов через фамилляров и мистические устройства, создавало извращённую атмосферу.

Хозяин помещения, Фалдеус, хмурил брови, изучая поступающие данные.

«Похоже, что, как я думал, вскоре возникнет необходимость устранить Баздилота».

«Нет. Скорее всего, реальную проблему представляют его покровители, семья Складио. Вне зависимости от исхода Войны за Свяой Грааль мы такими темпами рано или поздно утратим контроль. Если это произойдёт, нам нечем будет их остановить, даже с помощью других министерств - нет, даже с полной поддержкой Белого дома».

Фалдеус скривился про себя, но не позволил этому отразиться на своём лице.

Это была не единственная его проблема. Подробности передвижений четы Куруока всё ещё ускользали от него, и пока призванный ими Слуга оставался загадкой, он не мог позволить себе какие-либо необдуманные действия.

«Если Героическая душа, которую призвал серебряный волк - скорее всего, вавилонская глиняная кукла - Лансер, то на их зов, должно быть, ответил Райдер или Берсеркер».

Призванная волком Героическая душа - Энкиду - по всей видимости, была Лансером.

Джестер Картур и его клика - ныне трупы - судя по всему, призвали Ассасин.

Начальнику полиции достался Кастер, Александр Дюма-отец.

И Тина Челк повелевала Арчером, Королём героев Гильгамешем.

«Флат Эскардос, похоже, вступил в некий контакт с Героической душой в парке... Вероятность того, что это был Берсеркер, мала. В таком случае Героическая душа, которую призвали Куруока, вероятно, является Берсеркером».

Он знал, что Куруока пытались призвать Шихуанди, но не видел смысла в призыве Героической души, преуспевшей в разработке тактик и военных хитростей, на роль Берсеркера. Если Шихуанди в результате какой-то ошибки воплотился Берсеркером, есть вероятность, что Куруока оказались под каблуком у безумного Слуги. Всё это, однако, было не более чем предположениями Фалдеуса.

Он думал над тем, чтобы послать на разведку собственного Слугу, Истинного Ассасина. Но если случится маловероятное, и Слуга четы Куруока окажется исконным врагом его Ассасина, он лишится могущественной пешки.

«Просто одна проблема за другой».

Кашура, призвавший Сэйбера, был убит Фальшивой Ассасин. Дорис Люсендра, призвавшая Истинную Райдер, отказалась даже контактировать с Фалдеусом, не говоря уж о том, чтобы сотрудничать. С Харли, которая по плану должна была призвать Истинного Берсеркера, не было связи. От Сигмы, который, согласно приказу, должен был призвать Лансера, поступило лишь короткое сообщение: «Я определённо что-то призвал, но пока понятия не имею, что именно. Доложу вновь, когда узнаю его настоящее имя.»

«Наша цель – не использовать Святой Грааль для исполнения желания. Мы стремимся к большему... к продвижению в анализе самой Третьей магии».

Фалдеус вдруг подумал: что произойдёт, если заполучить Грааль и попросить у него обретения Третьей магии? Он рассудил, что ни к чему хорошему столь детские домыслы не доведут, и решил избавиться от них.

«Нет необходимости настаивать на благоприятных исходах отдельных сражений... но нашей стороне нужно победить».

Тина Челк не стремилась заполучить Грааль, но что будет, если он достанется ей, и она пожелает уничтожения самой системы Войны за Святой Грааль Сноуфилда? Подобные беспокойные мысли отдавались в его голове сигналом тревоги.

«В случае наихудшего варианта развития событий мы можем приказать двойному агенту устранить Тину... но нам придётся ждать момент, когда Король героев будет занят битвой с другим или другой Слугой».

«Перед этим, однако... нам нужно установить местонахождение Сэйбера. Наши камеры расположены во всех значимых точках города, но ни одна из них не запечатлела девушку в очках. Я был уверен, что она вступит в контакт с гомункулой Айнцбернов, но...»

Они поддерживали наблюдение за «белоснежкой» - гомункулой Айнцбернов. Она на время исчезла прошлой ночью, но в данный момент находилась под пристальным присмотром их камер. Странно то, что она с самого утра посещала торговые центры, казино и прочие подобные места. Фалдеус не видел логики в её поведении.

«Может, уловка, чтобы ускользнуть от нас? Предполагаю, что она, должно быть, заметила, что за ней наблюдают».

Всё это было ему совершенно неподвластно. Проблемы возникали одна за другой, и от этого у Фалдеуса разыгралась головная боль. Он невольно прижал ладони к уголкам глаз.

— Шеф Диоланд, — обратилась к нему одна из его подчинённых.

— В чём дело, Алудра?

— Касательно магов в городе, которым не удалось стать Мастерами... Мы наблюдаем странные передвижения.

— ?

Фалдеус посмотрел на доклад, что она ему дала, затем на несколько мониторов.

— Действительно, странные.

Значительный процент магов покинул город ещё до полудня. Большая их часть, должно быть, поджала хвост, увидев кратер в пустыне. Многие пострадали от рук Фальшивой Ассасин - самой настоящей фанатички. При таких обстоятельствах было вполне естественно, что посредственные маги осознали, что это им не по зубам, и пустились в бегство.

Станным было то, что произошло далее. Все маги, покинувшие город этим утром, развернули свои транспортные средства и вернулись в Сноуфилд.

— Может быть, их наняла какая-то другая семья, едва они покинули город?

Его первой мыслью было вмешательство Часовой башни. Он подумал, что они, возможно, наблюдали за покидавшими город магами и пообещали им ту или иную компенсацию, если они согласятся стать пешками Часовой башни. Эта гипотеза, однако, была опровергнута следующими словами Алудры.

— Дело не только в магах, сэр.

— Что?

— Все обычные жители, покинувшие город по рабочим и прочим делам, спустя какое-то время тоже вернулись.

По телу Фалдеуса пробежал тревожный холодок.

— ...

Он остро ощущал неполноценность собственной осведомлённости. В городе что-то происходило; что-то гораздо большего масштаба, чем обычная магия. Он знал, что это происходило, но не знал, почему.

«Барьер для выдворения людей с местности? Нет... они же возвращаются в город, так что, полагаю, это барьер, приманивающий людей... Но с какой целью? Я слышал, что одна из Героических душ, участвовавших в Пятой Войне за Святой Грааль пыталась собрать од мирных жителей, но...»

В Пятой Войне за Святой Грааль было много чёрных пятен. Фалдеус не знал, какая судьба постигла эту Героическую душу. Он, однако, получил информацию, что тогда действительно были случаи массовых обмороков и что Святая Церковь замяла это, назвав причиной утечки газа. По всей видимости, среди учеников местной старшей школы начала расползаться молва о том, что утечка газа произошла из неразорвавшегося химического оружия, сброшенного американской армией, и коллеги Фалдеуса провели операцию по сдерживанию слухов, не соответствовавших действительности... по крайней мере, он слышал именно это, если ему не изменяла память.

«Неразорвавшееся химическое оружие... Если бы всё это можно было объяснить так просто. Учитывая нашу производительность, мы по горло заняты одним только инцидентом с кратером».

«Население Сноуфилда составляет порядка восьмидесяти тысяч... Мы всё устроили так, что, даже если исчезнут все жители до единого, с этим можно будет разобраться. Но я по возможности хотел бы избежать подобных хлопот».

Голова Фалдеуса была занята именно такими мыслями, когда он заметил, что его рука крепко сжимает что-то. Это был скомканный лист из его блокнота,

усеянный какими-то словами. Аккуратно развернув его, Фалдеус увидел, что это было сообщение, явно адресованное ему.

Ты не замечаешь?

Стены барьера этого учреждения прочны.

Поэтому *это* не может сюда попасть.

— ...

В этой Войне за Святой Грааль Фалдеус заключил контракт с Истинным Ассасином, Хассаном ибн Саббахом. Однако Хассан редко начинал беседу. Прежде всего он, похоже, не любил разговаривать и поэтому при общении обычно прибегал к методам вроде этого. Вдобавок записки всегда выглядели так, словно Фалдеус нацарапал их сам. Казалось, это было предназначено для того, чтобы убедить любого, кто видел это, что Ассасин был лишь галлюцинацией Фалдеуса.

— И под «этим» ты подразумеваешь?.. — едва слышно пробормотал Фалдеус.

Словно отвечая на его вопрос, на экране одного из компьютеров, отправлявших и принимавших данные, начали возникать артефакты сжатия. Возникший среди разрывов в изображении ряд символов огнём запечатлелся в голове Фалдеуса. Это было короткое предложение, несущее в себе лишь ответ на его вопрос:

Проклятый чумной ветер.

×

×

Два часа спустя. Дешёвый мотель.

— Ах, наконец-то мы можем выйти!

Флат Эскардос отдёрнул занавески на окне и потянулся, подняв руки высоко над головой и купаясь в лучах солнца.

— Не ожидал, что он *так* на меня разозлится...

Потягушки Флата продолжились не больше пары секунд, после чего его плечи поникли, и он испустил тяжёлый вздох.

— И я поверить не могу, что катализатор, с помощью которого я призвал тебя, Джек, оказался совсем не тем, что я думал. Профессор не готовил его для меня. Я опять поторопился с выводами...

Из стимпанковских часов на его запястье раздался вежливый голос:

— Это не сравнится с тем, что я почувствовал, когда я узнал, что меня призвали с помощью подарка-безделушки от разработчиков какой-то видеоигры. Кроме того, разве ты не должен быть рад тому, что тебе удалось отделаться лишь двухчасовым нравоучением?

Берсеркер - Джек-Потрошитель - стал Героической душой-часами. В ответ на его утешения Флат покачал головой.

— Целых два часа.

Флат рухнул на кровать, сжимая в руке недавно приобретённый мобильный телефон, и удручённо свернулся в клубок.

Через пятнадцать секунд после того, как он сообщил свой телефонный номер учителю, Лорду Эль-Меллоу II, ему поступил международный звонок из Англии. Двухчасовая лекция и обсуждение его дальнейших действий, продлившееся около получаса, только что закончились.

Флат едва успел нажать на кнопку приёма вызова, как на него из трубки обрушился разгневанный голос, разразившийся такой громогласной и длинной проповедью, что даже Джек - в форме часов - слышал каждое слово. Лекция началась с Флата, самовольно улетевшего в Америку, и переросла в допрос по самым разным темам, после чего...

— Кто, чёрт побери, научил тебя заклинанию призыва? Я отказываюсь верить в то, что ты сам его нашёл в библиотеке. Это Тосака тебе рассказала? — спросил профессор.

— А, точно. Стоило просто спросить у Рин... Но вообще-то, оказавшись на месте, я сделал то и это и вроде как призвал его без круга или заклинания, — честно ответил Флат, за что и был вознаграждён ещё более неистойой выволочкой после нескольких минут молчания.

Флат, по всей видимости, был умственно истощён, причем довольно сильно, но Джек всё равно намеренно начал бросаться тяжёлыми словами.

— Крепись. Я слышал всё, и, насколько могу судить, он говорил понятно, по существу и в то же время пресекал всякие попытки возразить. Проблема в том, что ты дал ему достаточно поводов, чтобы так растянуть эту лекцию. Довольствуйся тем, что она заняла всего лишь два часа твоего времени.

— Дело не в этом, Джек.

— Называй меня Берсеркером. В чём же тогда? — вместо головы Джек вопросительно наклонил вбок свою длинную минутную стрелку.

— Будучи в Часовой башне, профессор обременён таким огромным количеством обязанностей, что не может позволить себе даже свободной минуты, — объяснил Флат, успокоившись. — Но из-за меня он потратил целых два часа. Мне начинает казаться, что я действительно сделал нечто плохое...

— Вот как... А ты более внимателен к своему учителю, чем я думал.

— Есть лишь три или четыре человека, которые являются его учениками и в грош его не ставят!

— Значит, такие есть, да?.. И всё же по одному лишь его голосу я могу сказать, что он, должно быть, образцовый преподаватель магии. Если принять во внимание то, что ему, как ты сказал, удалось выжить в минувшей Войне за Святой Грааль, он к тому же ещё и первоклассный маг.

Джек всего лишь озвучил свои искренние впечатления. Лицо Флата просветлело.

— Разумеется! Профессор не только участвовал в Войне за Святой Грааль, он ещё распутывает самые разные загадки в Часовой башне! Был «Адра, замок

разделения: Серийные убийства в лунном свете», и «Опасная красота: Исчезновение в башнях-близнецах», и «Супер-экспресс: Карающее око», и... э-э-э...

— Вот как. Представляю, как он корчится от колик, пока ты тут треплешься о его делах, свистя и пыхтя, как паровоз.

— О, я ничуть не приукрашиваю. Профессор действительно легенда в Часовой башне! О, знаю! Хочешь поговорить с ним по телефону ещё немного? Как я и сказал только что, он занят, так что разговор получится коротким, но...

Джек на пару секунд задумался над предложением Флата, после чего покачал своей минутной стрелкой.

— Благодарю, но нет. Я лишь перекинулся с ним парой слов, но он как будто видел меня насквозь... Он словно намеревался переделать меня в *нечто иное*.

— А... Ну, все, кто общается с профессором, так говорят, но он ведь это не со зла...

— Да, я понимаю, что это не намеренно. Уверен, это просто у него привычка такая. Тем не менее его способность видеть насквозь истинную природу человека внушает страх. Боюсь, если бы я поговорил с ним ещё немного, то в итоге остался бы вполне доволен своим нынешним существованием и покинул этот мир даже без исполнения своего желания.

— Понятно... — разочарованно произнёс Флат и сел на кровати.

— Но я узнал, что ему можно доверять, — продолжил Джек. — Один из знакомых мне магов посмеялся бы надо мной и пустил в ход все возможные уловки, чтобы уговорить меня забыть про Войну за Святой Грааль и заманить в Часовую башню. В конце концов, само моё существование – ценный объект для исследований. Факт того, что твой учитель не такой, говорит о том, что он либо слишком мягкосердечен для мага, либо видит общую картину, а не сиюминутную потерю или выгоду.

Они действительно недолго разговаривали, но Джек чувствовал некоторую степень доверия - и жалости - к человеку по имени Лорд Эль-Меллой II. Последнее сводилось к чувству, что Флат доставил своему профессору немало проблем.

Пребывая в блаженном неведении о том, что его неусидчивость стала результатом возникновения чувства солидарности между его учителем и Слугой во время телефонного разговора, Флат распахнул занавески и окинул взглядом залитые солнцем окрестности.

— Вот именно! Профессор – удивительный человек! Он может видеть всё наперёд гораздо лучше меня, и...

Флат замер, глядя в окно.

— В чём дело? — спросили часы. — Лучше тебе не высовываться сверх меры. Твой профессор, кажется, сказал «залечь на дно и не шуметь».

— А, да, но я просто задумался над тем, что... туман слишком уж густой...

— Какой туман?

Джек выглянул в окно, возможно, заинтригованный словом, которое было связано с ним, но не увидел ничего, кроме обычного послеполуденного пейзажа, освещённого ослепительными солнечными лучами.

— О чём ты говоришь? Нет здесь никакого тумана.

Может, Флат подхватил какой-нибудь глазной недуг? Улыбка исчезла с лица Флата, и он ответил:

— Нет... Я не это имею в виду... Туман из магической энергии... То есть я заметил его присутствие ещё когда оказался здесь, но в ничтожно малом количестве, поэтому и подумал, что это, должно быть результат воздействия Грааля, но...

— ?

Речь Флата была обрывочной. Ещё немного понаблюдав за видом из окна, он мрачно произнёс:

— Берсеркер, это может быть довольно-таки плохо.

— Что именно?

— Возможно, нас окружило нечто... чрезвычайно опасное...

— Это нападение вражеской Героической души?! Они заключили мотель в барьер?!

Джеку было не совсем ясно, что Флат имел в виду под «туманом», но он понимал, что его Мастеру хоть и достался от природы ветер в голове, но он был не из тех, кто стал бы шутить про подобные вещи.

Но, услышав ответ Флата, Джеку захотелось, чтобы лучше это было шуткой.

— О, не только мотель... Эта штука, как минимум, покрывает весь город.

Интерлюдия

「Уотчер」

Особняк в районе болот.

Время возвращается к тому моменту, когда Король героев встретился с таинственным лучником.

Героические души, призванные на Войну за Святой Грааль, принципиально разделены на семь классов: Сэйбер, Арчер, Лансер, Кастер, Райдер, Ассасин и Берсеркер. Но говорят, что время от времени появляется «особый класс», не имеющий отношения к семи перечисленным. Сохранились записи, свидетельствующие о том, что во время Третьей Войны за Святой Грааль города Фуюки была призвана Героическая душа, принадлежавшая к классу «Авенджер». Сигме, сидевшему в кресле на первом этаже особняка, эта информация была известна.

— И? — спросил он. — «Уотчер» считается особым классом?

«Тень» - мальчик с крыльями, присоединенными к спине - появилась перед ним, чтобы ответить на вопрос.

— Не совсем. Система Фуюки не допускает замену особым классом одного из трёх рыцарских. Если судить по оставшимся местам, Слуга, призванный, чтобы сражаться в Войне за Святой Грааль, должен быть Лансером. Вот только этим Лансером будешь ты, не Героическая душа. Ты призвал наблюдателя - и препятствие, которое тебе необходимо преодолеть, чтобы стать Лансером при жизни.

— Я знаю, что означают эти ваши слова. С тех пор, как вы сказали мне всё это утром, я вновь их обдумал во время сна, но не могу принять этот ответ. Человек становится Лансером - это бессмыслица какая-то, — бесстрастно высказал Сигма свое мнение.

— Мы не ожидали, что ты решишь вздремнуть. Что ж, всю эту Войну за Святой Грааль можно назвать бессмыслицей. Если бы нас призвали в правильном особом классе - хотя довольно странно называть особый класс «правильным» - мы, вероятно, воплотились бы «Гейткипером» (**Gatekeeper** – англ. «Привратник»), — ответила тень в форме мальчика со змеиным посохом.

— Хотя сомнительно, что в этой войне соблюдается правило незаменимости рыцарского класса особым. Будучи «теньями», мы получили определённое количество информации, касающейся этой Войны за Святой Грааль, но эта информация основана на изначальных правилах города Фуюки. Война за Святой Грааль города Сноуфилд слишком сильно от них отклоняется.

— Это фальшивка. Такое случается, — легко согласился Сигма, пожав плечами.

— «Уотчер», которого ты призвал, — продолжила тень, — уже начал наблюдать за городом. И, по всей видимости, уже обнаружил разрыв.

— В смысле?

— Героическая душа, которая должна была стать Арчером, одним из рыцарских классов, была превращена в особый класс Авенджер, и существа, которые никогда не должны были быть призваны, закрались в эти земли, влекомые друг к другу.

В этот момент мальчик исчез, и в углу комнаты возник «капитан», опиравшийся на трость.

— Да, я могу чувствовать присутствие, похожее на моё, там, в ущелье...

— «Похожее на твоё»? Что ты имеешь в виду?

— Ощущение, что пробуждает во мне воспоминание и заставляет кровь вскипать в жилах. Я чувствую, как чистая ярость пузырится в моих недрах. О, если бы только меня призвали правильной Героической душой, я бы воплотился не как всадник, а как класс, в основе которого лежит возмездие. Я не могу не сожалеть о том, что это не так - что я здесь всего лишь как его тень.

Эмоции постепенно покинули его слова, и Сигма ощутил в их основе жуткий динамизм, бурливший, словно холодная магма, но не предпринял попытки продолжить разговор. Самопровозглашённые тени время от времени ведали ему о своей ненависти или сожалении, но его это не интересовало. Не было похоже, что их слова несли в себе подсказки к настоящему имени призванной им Героической души, поэтому он вёл себя так, словно не слышал их.

Но, возможно, благодаря его врождённой природе или же особым тренировкам, которым его подвергали с самого детства, каждое услышанное им слово честно запечатлевалось в его голове. Даже те слова, на которые он не хотел обращать внимания.

Тем не менее он не мог слушать ворчание теней вечно. Сигма сложил вместе то немного, что ему удалось узнать из недавней беседы, и решил задать им вопрос.

— Словом, вы объективно наблюдаете за Войной за Святой Грааль в этом городе... Я прав?

— Не мы; существо, что ты призвал... если быть точным.

×

×

Где-то в городе. Кабинет Дюма.

— С самого утра у меня такое странное чувство, что за мной наблюдают.

Кастер - Александр Дюма-отец - наклонил голову вбок и окинул взглядом своё окружение. Он находился в выделенной ему комнате, занимаясь «изменением» кинжала с ядом гидры.

Всё выглядело как обычно. Взгляду его предстали бесчисленные книжные полки и горы книг, множество различных блюд и закусок, расставленных на столе, ноутбук, подключённый к Интернету, и старомодный проводной телефон.

Но что-то было не так. Он чувствовал тревогу, как будто изменилось качество самого пространства.

Дюма широко улыбнулся, сверкнув зубами, и весело продолжил свою работу.

— Что ж, какая разница? Со зрителями даже лучше.

Оживлённо, словно заявляя, что даже случайность была одной из чарующих особенностей драмы...

— Да будь я проклят, если решу наблюдать за столь фантастической пьесой в одиночестве! Ха-ха!

×

×

Особняк в районе болот.

— Тогда скажите, каким вы меня видите? — спросил Сигма у теней, поддавшись внезапному всплеску любопытства.

Сигма никогда не задумывался всерьёз о своей личности. Собой он интересовался не больше, чем событиями во внешнем мире. Он даже не мог сказать точно, сколько ему лет. Его часто принимали за юнца, которому не было и двадцати, но ему казалось, что он перестал расти и стареть несколькими годами ранее.

— *Те неумехи слишком сильно изменили твоё тело, когда ты был ещё ребёнком,* — насмешливо произнесла его нанимательница. — *Полагаю, продолжительность твоей жизни короче, чем у обычного человека. То есть ты долго будешь оставаться молодым, но, когда придёт время, ты быстро состаришься, и дело с концом.*

Возможно, она была права, но ему было всё равно. Он знал, что с такой работой его шансы умереть в старости были чрезвычайно малы.

Тем не менее его интересовало то, чем он был.

Сигма не верил в богов или Будд. Едва став участником Войны за Святой Грааль, он узнал о существовании «сил», находившихся за гранью его понимания. Это знание, однако, не означало, что он будет возлагать на них веру.

Сигма просто хотел узнать, что одна из этих великих сил думала о нём. Вероятно, ему скажут, что он всего лишь мусор, или что его существование нельзя назвать значимым. Он ожидал от призванного им существа слов, что его жизнь не имеет никакой ценности, но всё равно должен был задать этот вопрос. Сигма не намеревался подчиняться, если ему скажут умереть, но если он услышит о бессмысленности своего существования, то не сможет это опровергнуть.

Пока Сигма думал обо всём этом, мальчик со змеиным посохом с обеспокоенным видом покачал головой.

— Прости, но Уотчеру не дано смотреть в прошлое. Он лишь наблюдает за событиями с момента своего призыва. Поэтому, с точки зрения Уотчера, ты пока никто.

— Никаких «пока». Я и дальше намереваюсь быть никем.

— Интересно. Это означает, что ты можешь стать кем угодно. А если тебе удастся заполучить Святой Грааль, ты сможешь обрести силу, чтобы бросить вызов Героическим душам.

Святой Грааль, всемогущий исполнитель желаний. Сигма вновь задумался над тем, что будет делать, если заполучит его. Как и прежде, однако, он не смог найти в себе желания для столь величественного артефакта.

— Интересно... Если Грааль окажется у меня в руках, смогу я попросить у него нормальные мечты? Мечты, которыми наделяют стремления, не те, что приходят по ночам во сне, — бессвязно объяснил Сигма.

— О, хорошая идея! — радостно кивнул мальчик со змеиным посохом. — Да, я уверен, что Грааль наделит тебя грёзами. Ты будешь видеть их так же, как Уотчер - реальность.

— Способность наблюдать за тем, что происходит в городе... Готов поспорить, любой нормальный Слуга, обладая такой способностью, с лёгкостью одержит верх в Войне за Святой Грааль.

— Именно, парень! Вижу, ты наконец-то понял, — Капитан сверкнул нехорошей улыбкой. — Действительно, если другие участники узнают об этом, они станут сражаться друг с другом за то, чтобы заполучить тебя, прежде чем начнут борьбу за Святой Грааль!

— Что?..

Сигма слегка нахмурил брови. Подумав немного, он понял, что в словах Капитана был смысл.

— Вот как. В данный момент я фактически ресурс.

— Единственный в своём роде ресурс, который сбросили прямо посреди поля боя, парень. Борьба за тебя будет жестокой.

— Я не против. Просто не хочу угодить в эту кутерьму и расстаться с жизнью.

Может, он ни о чём и не мечтал, но ему не нравилась боль, и он не хотел погибнуть или умереть от голода. Сигма начал думать над лучшим способом осуществления этих минимальных желаний.

— Тогда стань сильнее, — дружелюбно улыбнувшись, сказал мальчик с крыльями. — Если не хочешь ввязываться, присоединись к тем, кто втягивает других.

— Будьте благоразумны. Даже моя нанимательница – сумасшедшая магесса.

— Преодолей все преграды. Уотчер будет продолжать давать тебе испытания, которые ты можешь счесть неразумными. Превзойди их и мало-помалу станешь кем-то. Ты больше не будешь просто Солдатом А.

В течение секунды Сигма всё с тем же невозмутимым видом обдумывал слова крылатого мальчика. И затем он впервые решил не согласиться. Это был хоть и скромный, но первый шаг к заявлению о его намерении избежать смерти.

— Я не Солдат А.

— Я... Σ.

Глава 8

「День 1 — После полудня ② — Рок-н-ролл блуждающего короля」

В лесу.

«Что я делаю?» — спросила себя Аяка уже в который раз за последние двадцать четыре часа.

«В самом деле, что я делаю?» — рассеянно гадала она, глядя пушистый живот прижимавшегося к ней красивого зверя.

«А, точно, Война за Святой Грааль».

Поскуливая, серебряный зверь потерся о неё своей головой.

«Или, по крайней мере, так я думала».

Существо было тёплым. Аяка решила обмозговать всё то, через что она прошла за минувшие полдня.

×

×

Двенадцатью часами ранее. Центральный Сноуфилд.

Аяка шла очень быстро, пытаясь убраться от полицейского участка как можно дальше. Солнце едва показалось из-за горизонта. Она услышала за своей спиной облегчённый вздох Сэйбера.

— В чём дело?

— А, ерунда. Я просто попросил друга посмотреть, что творится в участке, и он сообщил мне, что всех заключённых временно эвакуировали.

— И?

— Я дал слово офицерам полиции, что останусь под их стражей до рассвета. Я подумывал над тем, чтобы вернуться, но не хотел оставлять тебя одну, и потому гадал, может, попросить кого-нибудь присмотреть за тобой? Но если полицейский участок перестал функционировать, то, полагаю, можно счесть моё обещание выполненным. Я оставался под стражей как раз до закрытия участка, — весело объяснил Сэйбер.

В этот раз вздохнула Аяка.

— Ты действительно планировал сдержать своё слово?

— Договорённости важны. Нарушив соглашение, человек навлечёт несчастье не только на себя, но и на тех, кто с ним связан.

— Я не совсем понимаю... И что значит «попросить кого-нибудь присмотреть за мной»? Ты сам по себе.

— А вот и нет, я с тобой, — попытался отшутиться Сэйбер, за что Аяка наградила его испепеляющим взглядом.

— Ха-ха. Сверля меня взглядом, ты не узнаешь моих истинных намерений. Но если тебе и вправду любопытно, могу дать подсказку...

— Обойдусь.

Смерив Сэйбера ещё более холодным взглядом, Аяка вновь тяжело вздохнула.

— Хотя, полагаю, это правда, что ты беспокоился обо мне... Я всё ещё думаю, что это не твоё дело, но... спасибо.

На этом благодарность Аяки закончилась. Улыбнувшись, Сэйбер покачал головой.

— Не нужно благодарить меня. Я действительно сую нос не в свои дела. Если ты благодаришь меня только за то, что я делал из прихоти, то это может подтолкнуть меня к тому, чтобы стать ещё более назойливым. О, знаю; если ты устала идти, может, мне раздобыть тебе лошадь? Уверен, Уильям даст одну, если я потрачу немного магической энергии...

— Нет, я в порядке, правда! — возразила Аяка. Она не знала, что он выкинет, если позволить ему своевольничать. Затем она задала вопрос, который не давал ей покоя:

— Подожди, кто такой Уильям? Если не хочешь мне ничего говорить, зачем тогда разбрасываешься именами людей, которых я не знаю?

Сэйбер на секунду отвёл взгляд, после чего ответил с обезоруживающим смехом:

— О, ты просто выглядела такой мрачной и одинокой. Я подумал, что подбодрю тебя, намекнув на то, что у нас есть много невидимых друзей, так что...

— Это просто жутко. Перестань.

— Понял, больше не буду. Это не так уж важно, я расскажу тебе обо «всех» в своё время.

— Не стоит, правда... Но я видела огни, и они, возможно, не раз помогли без моего ведома, так что не передашь им от меня «спасибо»?..

Глаза Сэйбера расширились на мгновение, после чего он улыбнулся:

— Может, с виду ты и неприветливая, Аяка, но я вижу, что ты добрая девочка.

— Ну уж прости, что я так выгляжу...

Внезапно, в их разговор вклинился ещё один голос:

— Йоу, мисси! (**Missy – англ. «мисси, юная мисс», зд. шутливое обращение к молодой девушке**)

— А?

— Так я и знал, ты же та самая девушка. Похоже, ты только что была рядом с полицейским участком. Всё в порядке?

Аяка повернулась, уверенная в том, что где-то уже слышала этот голос совсем недавно, и увидела молодого человека с замысловатой причёской, которую было далеко не так просто забыть. Это был мужчина в броской панковской одежде, с могавком, татуировкой на шее и пирсингом в ушах и по всему лицу – продавец из аптеки, у которого она, едва оказавшись в городе, спрашивала, где можно снять комнату.

— Вы тот...

— Блин, не думал, что мы пересечёмся, вот ведь совпадение. Кто он? Твой парень?

— Нет, ничего подобного. Он... просто знакомый.

Аяка не могла рассказать про Слугу обычному прохожему.

Сэйбер же изучил пристальным взглядом мужчину с могавком и других панков, что были вместе с ним, после чего невинно спросил:

— Прошу прощения за столь грубый вопрос, но вы сами сшили эти сценические одеяния, или же это работа особого ремесленника? И не против ли вы, если я также спрошу, своими ли вы руками сотворили такие прически, исполненные бунтарского духа?

Глаза Сэйбера сияли. Молодёжь переглянулась.

— Откуда твой парень? — спросил у Аяки мужчина с могавком.

— Сказала же, он не мой парень, — повторила Аяка.

— Англия, — ответил Сэйбер, не обратив на неё внимания. — Хотя, даже если учесть Лондон и Уинчестер, я не был там уже очень давно.

— Ха. Я думал, панки там не такая уж редкость.

Глаза Сэйбера зажглись при виде гитарного чехла, висевшего на плече озадаченного мужчины с могавком, а затем расширились, словно он что-то сообразил.

— Вы, часом, не менестрели?

— Менестрели? Чувак, ну и словечко ты подобрал.

— О, прошу прощения; знания, что были мне дарованы, никак нельзя назвать непредвзятыми... Где я могу услышать ваше выступление? Церковь? Таверна? Театр? Ой, но я же не так давно его разрушил!..

Слова Сэйбера легко можно было бы принять за издёвку. Но Аяка заметила в них странное отсутствие всякой злобы. Прежде он всегда вёл себя немного отчуждённо; теперь же в его вопросах была детская непосредственность. Это заставило её кое-что осознать.

«Мне кажется... ему нравится музыка».

Мужчина с могавком и его друзья явно восприняли вопросы Сэйбера точно так же - она не могла сказать, было ли это воздействие его обаяния, которым он обладал как Героическая душа - и тоже увидели в нём эксцентричного меломана.

— Не совсем тебя понял, но чтобы мы - и в церкви? Ха! Хороший подкол. Напоминает мне тот фильм с Вупи Голдберг.

— Это имя какой-то известной певицы?

— Ну, можно и так сказать, — пожал плечами мужчина с могавком. — Мы тут давали концерт, хотели зажигать всю ночь, когда раздались выстрелы, взрывы или что-то в этом роде. Копы объявили эвакуацию, и всю нашу публику выперли из клуба.

— Какой кошмар, — кивнула Аяка. От воспоминаний об увиденной ею битве между священником и вампиром её прошиб холодный пот.

— Эй, ребята, хотите послушать, как мы играем? Забесплатно.

— О, э-э-э...

Аяка, понимавшая, что они вообще-то должны были найти укрытие, и с подозрением относившаяся к «бесплатному сыру», уже хотела отказаться, как вдруг...

— Вы уверены? Спасибо! Вы славные ребята. Я не забуду этот долг, даже когда вернусь в Трон!

Увидев Сэйбера с пылающим блеском в глазах, радостного, словно ребёнок, впервые встретивший кинозвезду, Аяка удостоверилась в том, что...

«Сомнений быть не может. Этот герой без ума от музыки».

Несколько минут спустя.

Мужчина с могавом и его согруппники провели Аяку и Сэйбера в подземный ночной клуб.

— Лестница довольно крутая, так что спускайтесь осторожно. Простите, но это здание слишком старое, чтобы устанавливать в нём лифт или прочие подобные модные свистелки, — с извиняющимся видом объяснился могавк. По всей видимости, он по-своему воспринял вопрос Аяки о том, есть ли здесь лифт. Аяка почувствовала себя немного виноватой.

«И все же, — подумала она, — судя по внешнему виду, эта Героическая душа явно из Средневековья... Я мало что знаю про панков и тяжёлую музыку, но ведь, что бы ни играла эта рок-группа, это будет совсем не похоже на музыку того времени, разве нет? Она была, скорее... более классической? Нет, Сэйбер, вероятно, привык к такому, что было задолго до Моцарта или Бетховена».

«Что я буду делать, если он придёт в ярость, когда услышит рок?.. Даже в нынешнее время многих бесит молодёжная музыка....»

Аяка была исполнена пессимизма, но идти ей больше было некуда, и поэтому она просто поплыла по течению, позволив Сэйберу и членам рок-группы увлечь её за собой. Она решила, что если Сэйбер закричит что-нибудь вроде «Это не музыка!» и закатит сцену, то она опробует силу этих «командных заклинаний» и утащит его отсюда силой.

«"Командные заклинания", значит?.. Мне объяснили, как ими пользоваться, но мне интересно, действительно ли они сработают? Мы не заключили формальный контракт... да и мои командные заклинания не более чем фальшивка...»

Фальшивые командные заклинания, созданные исключительно для незаконного захвата полномочий Мастера. Эти пять узоров были нанесены «белоснежкой» на тело Аяки перед её прибытием в Сноуфилд. «Белоснежка» сказала, что они способны так же повелевать Слугой, как и настоящие, но Аяка подозревала, что не всё из сказанного ей было правдой. В конце концов, эта Война за Святой Грааль оказалась совсем не такой, какой её описывала Аяке «белоснежка».

«"Война за Святой Грааль – тайная битва насмерть, проводимая там, где никто ее не увидит," — сказала она, и даже это оказалось ложью...»

«И даже если эти командные заклинания действуют как положено, смогу ли я использовать их, не являясь магом?..»

Угнетаемая тревогой, Аяка спускалась по лестнице, приготовившись обнаружить внизу поджидавший её натуральный ад.

Опасениям Аяки не суждено было сбыться.

— Поразительно!..

Аяка, Сэйбер и оставшийся персонал клуба были единственной публикой одинокого концерта. Однако, едва выступление подошло к концу, Сэйбер разразился громогласными аплодисментами, сравнимыми с рукоплесканиями сотни фанатов.

— Замечательно! Волнующе! Я должен представить это чувство в оде Авалону - нет, не нужно никаких приукрашиваний! Простого «замечательно» будет достаточно! Разве это не чудесно, Аяка? Все менестрели этой эпохи играют с такой энергией?

— Чего? О, э-э-э...

Аяка запнулась, пытаясь подобрать ответ.

— Как называется музыка, которую они только что играли? — с сияющими глазами тихо спросил Сэйбер, чтобы только Аяка могла его услышать. — Я не слышал ничего подобного в своей эпохе. Что это за жанр? Не могу взять в толк, почему Грааль не снабдил меня этими знаниями; ничто не может быть важнее этого! Возможно, с этой Войной за Святой Грааль всё-таки что-то не так.

— Я довольно-таки уверена, что «что-то не так» здесь только с тобой... Это, э-э-э... панк-рок? Или, может, металл?..

— О, можете называть это как угодно, — вклинился гитарист с могавком на голове. Закончив играть, он подошёл поближе и услышал слова Аяки. Вид шепчущейся парочки, должно быть, пробудил в нём интерес.

— Была тут до вас кучка ребят, яростно споривших друг с другом о том, что это, панк-рок или металл, но мы просто играем то, что нам нравится. Думаю, рок-н-ролл – вполне подходящее определение.

Видя, что Сэйбер просто наслаждался их музыкой, не заикливаясь на жанре, он, похоже, немного смутился.

— «Рок-н-ролл»! Понятно!

Затем взгляд Сэйбера замер на электрогитаре в руках мужчины.

— Значит, это современный музыкальный инструмент! Поначалу его звучание показалось мне необычным, но этот громоподобный рёв прекрасно сочетался с мелодией! Он словно проник вглубь меня и крепко вцепился в душу!

Поскольку Сэйбер говорил так, словно никогда прежде не видел электрогитару, это, похоже, озадачило мужчину с могавком.

— Блин, я думал, вы просто обсуждали поджанры. Неужели ты впервые услышал рок?

— О, значит, «рок» - это сокращённо от «рок-н-ролл». Да, стыдно признать, я никогда прежде ничего такого не слышал. Ну, может, и слышал в другое время и в другом месте, но нынешний я, по крайней мере, не помнит об этом. Я даже представить не мог, что у меня появится шанс так впечатлиться!

— Я тебя не понимаю, чувак... Что у вас там за рок такой в Англии?

— Ты точно не из Средних веков к нам попал? — пошутила женщина, игравшая на бас-гитаре. Аяке удалось выдать из себя кривую усмешку.

Мужчина с могавом протянул свою электрогитару Сэйберу, который смотрел на неё с детским ликованием.

— Хочешь попробовать?

— А можно?

После этого началось сольное выступление Сэйбера. Глядя, как он начал стремительно осваивать электрогитару, едва взяв её в руки, Аяка укрепилась в слегка ошибочном мнении, что, обладая качествами, необходимыми для становления героем, он был способен на всё. Ей необходимо было проявлять осторожность, чтобы не увлечься его мелодией.

Пока Аяка маялась от безделья в углу, члены группы - в том числе мужчина с могавом, доставший другую гитару - начали подыгрывать Сэйберу.

К тому времени, как они закончили, кто-то даже начал снимать выступление на видеокамеру.

Группа была настолько очарована Сэйбером, что разговор в конечном итоге сместился в сторону того, что бы им съесть на завтрак. Более того, они, должно быть, выдали ему подходящую неиспользуемую одежду из раздевалки, потому что в какой-то момент он избавился от своих доспехов и теперь походил на более сдержанного члена общества.

Вкупе с красными прядями в его волосах, современный наряд довольно хорошо на нём смотрелся, что лишь вызвало в Аяке ещё большее раздражение.

«Я отказалась участвовать и поэтому знаю, что не мне говорить такое, но... эта Героическая душа вообще воспринимает эту борьбу за Грааль всерьёз?..»

Когда члены группы заявили, что идут переодеваться, и удалились, Сэйбер подошёл к Аяке, которая сидела на краю сцены.

— Ты в порядке, Аяка? Спать не хочешь?

— У меня сна ни в одном глазу. Уснёшь тут после всех этих гитарных завываний.

— Ха-ха. Прости.

Весело улыбаясь, Сэйбер уселся рядом с ней.

— Здесь, под землей, — понизив голос, сообщил он ей, — нет ни Тайных знаков, ни устройств для наблюдения, передающих информацию за пределы этого клуба. Если тебе нужно поспать, то сейчас самое время.

После этих слов глаза Аяки расширились. Она была уверена, что Сэйбер увлётся музыкой и совершенно забыл о том, что они были в бегах, не говоря уж о Войне за Святой Грааль. Она никогда не предполагала, что он был настолько предусмотрительным.

— Значит, всё это было не внаправду?

— Что именно?

— Ну... твоё восхищение музыкой и...

— Да ты что! Я действительно был тронут до глубины души! А ты разве нет?

— Если честно, — продолжил Сэйбер, скользя взглядом по зрительским местам, — Поначалу моя идея состояла в том, чтобы укрыться где-нибудь, покинув поле

зрения вражеских магов, и немного повеселиться, предавшись прослушиванию современной музыки. Мне несказанно повезло наткнуться на столь необычные мелодии. Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты не стала меня останавливать.

— Ну, не портить же всем настроение. Этот парень с моговком – хороший человек, несмотря на внешний вид.

Аяка вздохнула.

— Честно говоря, я даже не возражала против музыки. Просто ты играл так громко, что мне пришлось немного отстраниться.

— Вот как. Ещё раз прости... Но разве они не потрясающие? Вместо того, чтобы просто жаловаться, они вложили свои депрессию и гнев в песни! Моему слуху привычны лишь *chansons de geste* о великом короле Артуре и его рыцарях Круглого стола. (**Chanson de geste** – фр. букв. «песнь о героических деяниях», жанр французской средневековой литературы эпического содержания.)

В голосе Сэйбера слышалась ностальгия по прошлому, но глаза его всё ещё сияли.

«Этот герой – полная моя противоположность», — подумала Аяка, глядя на него. «Он говорит о самых разных вещах так, словно искренне ими наслаждается, в то время как я, похоже, ни о чём не могу думать в позитивном ключе...»

«Вероятно, ему не удастся заполучить Грааль, потому что он связан с такой, как я».

— Эй.

— Что такое? Если тебя клонит в сон, я могу спросить, можно ли здесь где-нибудь прикорнуть.

— Нет... Что ты хочешь попросить у Грааля?

— Вот так сюрприз, — удивившись, произнёс Сэйбер. — Не ожидал, что ты будешь задавать вопросы, имеющие отношение к Войне за Святой Грааль.

— Не так уж это и странно. Я просто подумала, что если у тебя действительно есть серьёзная причина, то мне стоит извиниться. То есть не похоже, что я хоть чем-то смогу тебе помочь в борьбе за Грааль.

Сэйбер выглядел ошеломлённым.

— Тебя это беспокоило? Ты снабжаешь меня магической энергией и тем самым обеспечиваешь моё пребывание в этом мире. Разве это не помощь?

— Ну, прости. Я трусиха, даже если по мне этого не скажешь.

Аяка отвернулась от Сэйбера. Увидев это, он задумался на мгновение, после чего произнёс:

— Зачем мне нужен Грааль?.. Я бы и сам хотел это знать.

— Что ты имеешь в виду? Ты ответил на призыв, потому что хотел заполучить Грааль, разве нет?

— Так оно и задумано, но даже теперь, после моего призыва, я не имею чёткого представления о том, зачем он мне нужен... То, что маги называют «Троном», представляет собой уникальное место. Там даже время и мировые линии представляют собой сущую мешанину, не говоря уж о пространстве. Возможно, у

меня была причина заполучить Грааль, когда меня призывали в другом времени или месте, но, по крайней мере, сейчас я ничего такого не помню.

— Я не совсем поняла, что ты имел в виду, говоря про время и воспоминания, но... что-то ведь должно быть. Грааль может исполнить любое желание, разве нет?

— Будет неправдой, если я скажу, что не жалею о том, что совершил в своей жизни, но я бы не стал тратить желание на то, чтобы исправить свои ошибки. Впрочем, если мне удастся его заполучить, я могу всегда обрести плоть и всерьёз заняться изучением музыки и театра этой эпохи. Может, это и бессмысленно, но я хотел бы унести с собой как можно больше песен и историй об отважных героях, когда придёт время возвращаться в место пребывания моей души - вышеупомянутый «Трон».

Аяка не могла сказать наверняка, шутил ли Сэйбер или же говорил со всей серьёзностью. Когда она вновь повернулась к нему, её взору предстало задумчивое выражение на его лице. Увидев это, она, по крайней мере, поняла, что его слова не были уловкой, призванной скрыть истинные намерения - Сэйбер действительно не знал, почему его призвали на эту войну.

— Героические души жаждут Грааля по самым разным причинам. Вероятно, есть даже те, кто хочет заполучить его не для того, чтобы исполнить свое желание... например, чтобы его уничтожить. Не удивлюсь, если выяснится, что Ассасин, которая напала на нас в театре, замыслила нечто подобное, — произнёс Сэйбер, после чего продолжил, вспоминая своё прошлое: — Грааль искал сам великий король Артур. Я отношусь к нему с большим почтением и потому сам хотел бы заполучить этот артефакт. Я хочу возложить его на настоящую могилу короля Артура... но не настолько, чтобы ради этого растоптать амбиции прочих героев или подвергнуть других опасности.

Когда Сэйбер закончил говорить, возникла короткая пауза. Затем он кивнул с кривой улыбкой в знак согласия.

— Да, ты прав. Не мне это говорить. В конце концов, я дал тебе подстрелить меня, когда был ослеплён сокровищами Круглого стола. Но можно ведь также сказать, что я превосходно усвоил урок?

— Ты опять говоришь с кем-то, кого я не вижу... — вздохнула Аяка, гадая, в чём был смысл его недавнего обещания.

В следующий миг она задохнулась от удивления.

— Я представлю его тебе. Мистический канал станет немного сильнее...

Слова едва слетели с его губ, когда он коснулся татуировки на правой руке Аяки.

— Эй, что ты...

Именно тогда в её голову вторглась яркая «сцена».

— О...

Она увидела нечто вроде сторожевой башни европейского замка, а в её центре - мужчину, с головы до ног замотанного в бинты, с арбалетом в руке. Он смотрел на неё. Сквозь щель между бинтами виднелись глаза, пронизывающие, словно у ястреба, заметившего добычу, но при этом добрые.

Мужчина неловко отвёл взгляд и кивнул.

В тот же миг Аяка вновь увидела ночной клуб.

— Что это сейчас?..

Аяка была поражена нереальной сценой, которую ей показали.

— Пьер Базиль. Превосходный стрелок.

— Кто?

Он назвал это представлением, но Аяке это имя ничего не говорило. Она собиралась потребовать дальнейших объяснений, но услышав его следующие слова, лишь беззвучно захлопала губами, словно золотая рыбка.

— Человек, который убил меня.

— Что?..

— Я могу использовать два Благородных Фантазма - мои козырные карты, — начал объяснять Сэйбер свои особенности ошарашенной Аяке. — Один из них берёт души нескольких ребят по моему выбору - и с их согласия - переписывает из Трона и делает моими спутниками. Я не могу материализовать их и постоянно поддерживать в физической форме. Для этого потребовалось бы непомерное количество магической энергии. Настолько непомерное, что любого обычного мага выжмет досуха в мгновение ока.

— О, э-э-э...

— С другой стороны, я могу использовать свою магическую энергию в качестве медиума и заручиться их помощью в виде навыков и магии. Вроде стрелы, отбившей руку той женщины в оперном театре, или светящихся капель, которые я использовал в полицейском участке, когда воцарился мрак. К тому же они могут нормально общаться со мной, но, похоже, тебе, Аяка, с ними не поговорить, пока мы не осуществим свежую передачу магической энергии, как это было сейчас.

— Так, погоди.

Лицо Аяки напряглось. Дело было не в том, что она не поняла его объяснений. Она ничего не смыслила в магии, но «белоснежка» вбила основы ей в голову, так что смысл сказанного был ей доступен. Просто Аяка поняла, что не может принять этот поступок Сэйбера.

— Что же касается другого моего Благородного Фантазма...

— Подожди! Хватит, я сказала!

— Что не так?

Сэйбер испуганно замолк, когда Аяка повысила голос.

— Рассказываешь мне всё это ни с того ни с сего... Чем ты вообще думаешь? — Аяка прижала пальцы к своим вискам. — Рассказать мне про парня, убившего тебя — всё равно что раскрыть своё настоящее имя!

— О, ты знаешь про Пьера?

— Нет. Прости, но я не знаю Пьера, и, если честно, ещё не сообразила, кто ты такой. Но если бы нас подслушал какой-нибудь маг, искушённый в истории, он бы наверняка всё понял!

— Не так уж я известен... — пробормотал Сэйбер, задумчиво наклонив голову вбок. Этот его вид резко контрастировал с взволнованной Аякой.

— Да, пожалуй, понял бы, — помрачнев, кивнул он. — Но это не проблема; я намерен сказать тебе своё настоящее имя.

— Чем ты думаешь?!

— Я же сказал тебе в полицейском участке, что всё расскажу, когда представится возможность, верно? Здесь не стоит опасаться того, что кто-нибудь из магов нас подслушает. Я считаю, что сейчас просто идеальный момент. В гостинице или на улицах города будет сложно избавиться от любопытных глаз.

В ночном клубе, с другой стороны, по крайней мере, нет фамильяров или подслушивающих устройств. Сэйбер сам так сказал. В таком случае, сейчас, пока группа была в раздевалке, вероятно, был самый удачный момент для разговора. Но была ещё куча более существенных проблем.

— Я понимаю, о чём ты... Но тебе лучше остановиться.

— Почему? — спросил Сэйбер. В его голосе слышалось любопытство.

— Мы с тобой просто связаны магической энергией, верно? — последовал волевой ответ Аяки. Она пыталась остановить Сэйбера с небывалой доселе серьёзностью. — Официально мы даже не Мастер и Слуга! Так что тебе лучше приберечь своё настоящее имя, пока ты не найдёшь себе Мастера получше. Раскрыв себя перед такой, как я, ты лишь навлечёшь...

— Имя Нам Ричард, герцог Нормандии и король Англии!

Лицо Сэйбера внезапно стало серьёзным. Он прервал возражения Аяки, отчётливо произнеся своё настоящее имя.

— ...

— Ну, добавь к обоим титулам «бывший», раз уж я теперь мёртв, — пожал плечами Сэйбер, одарив Аяку, безмолвно смотревшую на него с отвисшей челюстью, очередной шаловливой улыбкой.

— Моё прозвище «Львиное Сердце», вероятно, более знаменито, чем моё имя или титулы.

×

×

Настоящее время. В лесу.

«Я связалась с тем ещё королем».

Даже после того, как Сэйбер раскрыл своё настоящее имя, его отношение к Аяке не изменилось. Она была чуть ли не в шоке, когда услышала, что он был королём. Но

увидев, какое впечатление на него произвёл фастфуд, принесённый им членами группы, и как прямодушно он слушал музыку в клубе, она решила не обращать особого внимания на то, кем он был при жизни.

— Джаз... классика... блюз... поп-музыка... Всё великолепно! О, пасторела, эстампида, дескорт... (**Эстампида – жанр средневековой одноголосной, а также инструментальной, преимущественно танцевальной музыки; пасторела и дескорт – окситанские лирические жанры, использовавшиеся трубадурами**)
Даже поэты юга проявили новые широты в своих песнях!

В клубе была собрана огромная коллекция музыкальных компакт-дисков со всего света - вероятно, это было хобби его владельца - и у Сэйбера находились слова искренней похвалы для всего, что он слушал.

— Аяка, эта «энка» из твоей страны необычайно лирична, а «песни из аниме» очень повествовательны и разнообразны! А местный «рэп» так умело орудует словами и звуками; это откровение!

Чем больше Аяка слушала Сэйбера, тем меньше он походил на короля, требовавшего уважения. Думая, что она, однако, могла бы уважать его как человека, Аяка в итоге прослушала вместе с ним уйму самой разной музыки.

Он закончил своё ознакомление просмотром фильма с Вупи Голдберг, упомянутого мужчиной с могавком и сказал:

— Вот как, значит, это «кино»! Хорошая штука, хотя воспринимается иначе, чем театр! О, этот хор великолепен!

Аяка поддалась сонливости, когда Сэйбер начал смотреть мюзиклы, и задремала на диване. Она сама не заметила, как время перевалило за полдень.

Едва они поблагодарили парня с могавком и его согруппников и покинули клуб, Сэйбер неожиданно произнёс:

— Ладно, давай объединимся с кем-нибудь.

После этого они пошли в лес, где, как заявил Сэйбер, особенно сильно чувствовалось присутствие Героической души, и встретили там длинноволосого Слугу, прекрасного настолько, что у Аяки перехватило дыхание, хоть она и не могла сказать, был ли он мужчиной или женщиной. Сэйбер пустился в разговор с чрезмерной для первой встречи фамильярностью, но его собеседник, по всей видимости, не обиделся.

— И? Зачем ты пришёл ко мне? — спросила Героическая душа, глядя на него.

Сэйбер бросил взгляд на Аяку, прежде чем ответить.

— Ну, видишь ли, я не знаю твоего настоящего имени или что ты за Героическая душа... но я решил побродить немного и обратиться к первому Слуге, которого встречу.

Затем Сэйбер озвучил своё предложение. Даже Аяка, зная о намерениях Сэйбера, сочла его слишком безрассудным.

— Ты не против заключить с нами союз?

«Он и вправду просто взял и сказал это... Людям в странах, которыми он правил, должно быть, нелегко жилось».

Аяка негромко вздохнула и сбежала от реальности, глядя спину серебряного зверя.

«Так или иначе эта собака хоть и большая, но дружелюбная и милая».

Пока она играла с животным, которое приняла за собаку, Героическая душа, представшая перед Сэйбером, ответила с доброй улыбкой:

— Я бы не против... но, если забыть на секунду про меня, какая от этого будет выгода моему Мастеру?

Услышав это, Сэйбер вновь взглянул на Аяку и пожал плечами:

— Если ты так заботаешься о своём Мастере, то, может, не стоило так беспечно приближаться к врагу?

— Я мог бы сказать тебе то же самое... или сказал бы, но, похоже, нам обоим не нужно об этом беспокоиться.

— Да, я уверен, мы оба предприняли защитные меры... но ты только взгляни на наших драгоценных Мастеров.

«Интересно, о чем они говорят?»

Аяка, сидевшая у подножия большого дерева, была озадачена беседой, но пушистый серебряный зверь, чья голова лежала на её коленях, завладел её вниманием и заставил на время забыть про сомнения.

«Большие собаки очень тёплые. Интересно, эта Героическая душа держит её в качестве питомца?»

Сам серебряный зверь, казалось, был вполне доволен ситуацией. Он лёг на живот поперек её бедер и позволил девушке гладить свой мех, как ей было угодно.

Сэйбер, глядя на девушку и зверя, вздохнул.

— Я думал, они боятся людей.

— Мой Мастер относится к ним несколько иначе. Он не любит людей, с какой стороны ни посмотри. Думаю, твой Мастер – особый случай; мне кажется, он считает её другом или союзником.

— Может, потому что они оба необычные Мастера. Ну, она уж точно необычная.

Покончив с тем, что звучало как шутки, Сэйбер произнёс:

— Итак, что касается причины моего предложения союза... прошлой ночью я заметил в городе *монстра*.

— Монстра?

— Не знаю, знакомы ли они тебе, но их называют вампирами, и они питаются человеческой кровью. Они – естественные враги человечества и противники Святой Церкви. А, сначала стоит спросить - ты знаешь про Святую Церковь?

Сэйбер начал с основ. Длинноволосая Героическая душа покачала головой.

— Я владею лишь той информацией, которой меня снабдил Грааль. В моё время Святой Церкви ещё не было. Что же до этих кровососущих монстров... Даже не знаю. Я имел дело с монстрами, которые питались плотью и кровью, но не могу сказать наверняка, говорим ли мы об одних и тех же существах или нет.

— Ого, тогда, может быть, ты – мой уважаемый древний предшественник?

— В этом нет ничего удивительного; это означает лишь, что я родился первым и первым же умер. Я считаю, что уважения заслуживают люди, что родились после меня. Они прокладывают путь к звездам, не полагаясь на таинства.

— Лестью ты ничего не добьёшься, — рассмеялся Сэйбер. Но после короткой паузы он стёр улыбку с лица.

— Есть в этой Войне за Святой Грааль что-то странное. У меня такое чувство, что происходит нечто, и знания, полученные мной от Грааля, не в силах объяснить это в полной мере. У тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— ...

— Я тут думал, если Войну за Святой Грааль постигло некое бедствие - или же эту войну используют с целью его породить - то мы должны сначала разобраться с этой проблемой, после чего начать с чистого листа.

Сэйбер покосился на Аяку и понизил голос так, чтобы она его не услышала.

— При нынешнем положении вещей я не могу быть уверен в безопасности Аяки, даже если она попросит убежища у Церкви после моего поражения. Вампир не постесняется напасть на неё даже там.

— Вижу, твой Мастер много для тебя значит.

— О, я не испытывал бы такую заботу о ней, если бы она хотела быть Мастером. Она отказалась участвовать в Войне за Святой Грааль, но всё равно оказалась втянута в неё из-за связи со мной. Если я брошу её, не взяв на себя ответственность за это, то посрамлю своё наследие и великих королей прошлого.

Героическая душа хихикнула, услышав столь громкое заявление, произнесённое таким тихим голосом, и кивнул.

— Как забавно. Твои слова выдают в тебе короля, но ты совсем не похож на короля, которого я знаю. Особенно тем, что ты, кажется, заводишь очень много друзей.

— Разве? Я бы сказал, у тебя гораздо больше друзей, чем у меня.

— Каждое живое существо в этом мире я считаю своим другом, хотя чувство это зачастую безответное.

Говоря это, длинноволосая Героическая душа развела руки в стороны ладонями вверх. Земля словно закипела, и из возникших «пузырей» начали прорастать бесчисленные орудия - мечи, молоты, секиры, копья - одно за другим.

— Но я решил, что есть лишь один друг, пред которым я обнажу глубины своего сердца.

Сэйбер встретил это зрелище широкой улыбкой.

— Эй, так переговоры увенчались успехом, или же мы расходимся как враги?

— Увенчались успехом, конечно же... хотел бы я сказать, но есть две проблемы, — произнесла длинноволосая Героическая душа, по-прежнему мягко улыбаясь. — Видишь ли, этому моему лучшему другу довольно сложно угодить. Всякий раз, когда я пытаюсь подружиться с кем-нибудь или заключить союз, он говорит что-нибудь вроде «Я испытаю тебя и решу, достоин ли ты моего друга» и разгоняет всех желающих своими непомерными требованиями.

Он предался воспоминаниям, и в его улыбку закрались ностальгические нотки.

— В твоём случае... Думаю, он потребует испытание силы. Ты не являешься жителем Урука... поэтому, если потерпишь неудачу, он, полагаю, убьёт тебя на месте. В конце концов, в его глазах ты лишь вор, осмелившийся посягнуть на его сокровище.

— Я вижу, к чему ты клонишь. Соль в том, что этот твой «друг» тоже был призван на эту войну?

— Рад, что ты такой проницательный. Я не могу заставить себя внушить тебе надежду лишь для того, чтобы разочаровать в будущем. Я хотел бы испытать тебя и посмотреть, способен ли ты дать бой тому королю. Если для тебя это кажется невозможным, я уничтожу этого монстра в одиночку; вам же до тех пор стоит просто укрыться где-нибудь.

Бесчисленные орудия нацелились на Сэйбера.

Несмотря на это, Сэйбер улыбнулся - как только удостоверился в том, что ни одно из орудий не направлено на Аяку и серебряного волка, находившихся чуть поодаль.

- Как мило с твоей стороны. Если ты можешь управиться в одиночку, разве не лучше будет убить меня здесь? Так у тебя будет больше шансов заполучить Грааль.

— К сожалению, моё желание уже исполнилось. Мне осталось лишь сдержать обещание, данное другу. Поэтому твоя участь для меня мало что значит.

Улыбки мягче невозможно было себе представить; она даже не дрогнула, но он мог бы с таким же успехом сказать: «Если мне захочется, я отниму твою жизнь».

Сэйбер весело улыбнулся в ответ.

— Люблю, когда всё просто. Мне нужно лишь показать тебе своё боевое мастерство, верно?

— Эй, что вы... — начала, было, Аяка, видя ситуацию, но Сэйбер прервал её, небрежно подняв руку и даже не развернувшись.

— Спокойно, Аяка. Это лишь испытание силы, предшествующее заключению союза. Сомневаюсь, что любой нормальный человек захочет объединиться со слабым.

— То есть себя ты к нормальным не относишь?

Сэйбер встретил слова длинноволосого Слуги кривой усмешкой. Затем он повысил голос, словно обращаясь к Аяке и Героической душе одновременно.

— Похоже, я и впрямь не такой «нормальный», каким себя считал. На самом деле, будучи королем, я всегда доставлял неприятности моим людям и младшему брату. В итоге враги тоже начали называть меня злым и несправедливым королем; полной противоположностью моего прославленного противника.

Слова Сэйбера звучали как самобичевание, но дикий блеск в его глазах никуда не исчез.

— Даже когда я понял всю суть правления, мне так и не удалось обуздать свои дикие порывы.

Услышав эти слова, Аяка ощутила неприятное чувство в своём теле.

«Мои командные заклинания, они... горячие?»

Она чувствовала, как через её необычные командные заклинания - источник связи с Сэйбером - проходили огромные объёмы магической энергии и отчётливые «толчки». Казалось, в обмен на энергию, которой она снабжала Сэйбера, в неё вливался его неудержимый пыл.

— Ты превзошёл мои ожидания. Должно быть, ты невероятная Героическая душа. Всё это оружие, растущее из земли... каждое олицетворяет вершину человеческого мастерства. И все они направлены на меня... — Сэйбер издал негромкий смешок. Затем ещё один, и ещё, и вот он высвободил весь свой сдерживаемый огонь, взорвавшись диким хохотом.

— Превосходно! Должно быть, ты великий герой! Нет чести выше! Мы от всей души благодарим тебя, Святой Грааль... и Авалон, далекий рай праотца всех королей Нашей страны за эту возможность бросить вызов легенде, что ходила по этой земле во времена Эпохи богов!

×

×

Где-то во мраке.

— Я всё ещё не могу понять.

Франческа лежала на своей кровати, хрустя закуской.

— Понять что? — донесся из тьмы ответ ее Слуги.

— А, почему вместо Арти появился этот странный Слуга, хотя я использовала *тот* катализатор.

— И что это за катализатор?

— Ну, ножны для её легендарного меча утрачены... так что я использовала ящик, в котором они были запечатаны. На нём был тот же узор, что и на ножнах.

— Ящик?

Франческа перекатилась на кровати и насмешливо склонила голову вбок, услышав вопрос невидимой Героической души.

— Ага; красиво отполированный каменный ящик, который Айнцберны, по всей видимости, нашли в Корнуолле. На нём были следы магической энергии, и такой же узор, как и на ножнах, так что я подумала, что он тоже принадлежал Арти.

×

×

Большой лес.

Словно в ответ на внезапное возбуждение Сэйбера, длинноволосая Героическая душа улыбнулась и начала вливать энергию в землю и многочисленные «Благородные Фантазмы», росшие из неё.

Аяка ахнула.

«Минуточку! Полицейские конфисковали его меч... который остался в участке, значит... он безоружен! Он даже не облачился в свои доспехи!»

Сэйбер снял броню, сотканную из магической энергии. Он всё ещё был в одежде, которую ему дали в ночном клубе. Аяка не знала, много ли будет пользы от брони против этих ужасных на вид орудий, но она, по крайней мере, была уверена в том, что в обычной одежде он не продержится и секунды.

Не обращая внимания на панические попытки Аяки остановить его, длинноволосый Слуга послал вперед все свои орудия одновременно.

Вместе с тем Сэйбер с силой оттолкнулся от земли и прыгнул прямо в рой клинков. Всё ещё ликуя, он вымолвил одну-единственную фразу, исполненную радости:

— Итак... начнем!

×

×

Полицейский участок.

— Ну, Кастер? Ты выяснил что-нибудь о мече, что я тебе отправил?

В ответе Героической души, который начальник полиции услышал с другого конца провода, чувствовалось раздражение.

— Ну его к черту. Это не Благородный Фантазм, просто модный меч. Хотя мне нравится его дизайн. Можно оставить себе?

Начальник отправил Дюма украшенный меч, который Сэйбер оставил в полицейском участке. Он не ожидал, что Слуга сбежит, бросив своё оружие. Не ожидал настолько, что, вернувшись в свой кабинет и увидев на столе меч, заподозрил ловушку.

— Технически это улика. Я не могу распоряжаться ей, как мне захочется.

— Как всегда, круче тебя только яйца, сваренные вкрутую!

— Что важнее, он, по всей видимости, выстреливал из этого меча какими-то зарядами, похожими на молнии, уничтожая падавшие обломки крыши оперного театра. Видевших это офицеров уже подвергли изменению памяти, но один из даже описал это как некое подобие «лучевой пушки».

Начальник также предположил, что эта же сила уничтожила и сам потолок театра. Насколько он мог судить, это был не просто украшенный меч. Тем не менее он подумал, что анализ Кастера мог бы что-нибудь прояснить. Он даже надеялся, что, если всё пройдет нормально, ему даже удастся обменять меч на союз с Сэйбером. Но поскольку это оружие не было Благородным Фантазмом, такая стратегия была, вероятно, неосуществимой.

— Рыцарь-блондин с красными прядями в волосах? Наверное, это *Coeur de Lion*. (фр. «Львиное Сердце»)

— Значит, ты пришёл к тому же выводу, Кастер.

— Ага. И кстати, Львиное Сердце был большим фанатом короля Артура. Он вырос на легендах об Артуре и рыцарях Круглого стола. Его придворные менестрели тоже беспрестанно пели о том, каким великим был Артур. В молодости этот парень

был блудным сыном, и некоторые даже говорят, что он рыскал повсюду в поисках реликвий короля Артура.

— Я тоже об этом слышал.

Начальник думал, что это была одна из историй, которыми последующие поколения приукрашивают жизнь любого героя, и не придавал ей особого значения. Однако ответ Кастера был почти что серьёзным.

— Менестрельское искусство произошло от способа передачи устных традиций друидских таинств потомкам... Или это одна из теорий. В любом случае не стоит недооценивать песни и поэзию. Если кто-нибудь будет слушать их каждую ночь перед сном, то это, весьма вероятно, изменит его душу подобно проклятию или благословению.

— А разве Ричард Львиное Сердце не из эпохи относительно слабого таинства?

— Уверен, так оно и было, на континенте. Ричард, конечно, имеет отношение к Франции, но он всё же был королем Англии, а Англия – островное государство. Таинству сложно покинуть землю, когда вокруг вода. Не удивлюсь, если оно его коснулось, когда он ещё был жив-здоров. «Часовая башня», одна из крупных штаб-квартир магов, расположена сейчас именно там. Суди сам.

Кастер замолк на секунду, после чего продолжил читать начальнику лекцию серьёзным тоном.

— Скажи, братан, ты знаешь, как называли *Coeur de Lion* в моё время? Хотя его вроде и сейчас так называют, насколько я знаю.

— О нём ходит слишком много историй. Я не знаю, которую из них ты имеешь в виду.

— Его называли... «Блуждающим королём».

— А, ты про это. Да, я слышал, что за десять лет его правления, он пробыл в собственной стране менее года, но...

— Нет, я имею в виду не то, что он всё время либо был в пути к полю боя, либо возвращался назад.

Кастер говорил так, словно придавал значение тому, что должен был сказать.

— Я не понимаю, где же тогда блуждал Ричард Львиное Сердце? — с сомнением спросил начальник.

— На границе между историей... и мифом.

— ...

В этих его простых словах была сила. Достаточная, чтобы заставить начальника невольно замолкнуть.

— То есть он был королём, который одной ногой стоял в эпохе, когда феи и руны всё ещё были обычным явлением. С таким лучше не шутить.

×

×

В лесу.

Есть такое выражение «со скоростью молнии».

Обычно это лишь метафора, но события, происходящие в этот момент перед глазами Аяки, развивались с такой скоростью, что действительно напоминали вспышки молний. Бесчисленные орудия, порождённые Землей, взмыли в воздух. Петляя между ними, Сэйбер подобрался к длинноволосому Слуге вплотную и нанёс резкий хук правой.

Его противник быстро отстранился, но Сэйбер сделал шаг вперёд и догнал его косым левым апперкотом.

Слуга вновь увернулся, но кулак Сэйбера задел его волосы, и несколько аккуратно отсечённых прядей упало на землю. Сила удара превратила кулак Сэйбера в острое лезвие, способное рассечь волос, развевающийся на ветру.

Сэйбер продолжал натиск, уклоняясь от земляных щупалец, которые на него насылал противник, иногда даже используя орудия на их концах в качестве ступеней. И при этом не переставая наносить удары, достойные профессионального боксера.

Длинноволосый Слуга тоже производил впечатление. Он продолжал отражать жестокие удары кулаков с идеальной точностью.

У Сэйбера было небольшое преимущество в скорости, но противник, по всей видимости, превосходил его в физической силе и отводил все удары в сторону. В результате битва шла на равных.

В Сэйбера полетела очередная волна земляных орудий, заставив его отступить и начать всё сначала.

— А ты быстрый. Я удивлён; не думал, что ты будешь быстрее меня. Магия усиления?

Длинноволосая Героическая душа покачала головой, явно забавляясь.

— Ну, она не моя, — ответил Сэйбер, в глазах которого все ещё полыхал огонь. — Важнее другое... похоже, я не могу достать тебя своими кулаками.

— Значит, эта магия – дело рук твоего «друга»... Ты занимался боксом?

— Немного. Я пытался совместить техники, которые увидел сегодня в фильме, с тем, что освоил при жизни, но знал, что это будет непросто. Я не могу убить того, с кем пытаюсь заключить союз, поэтому решил попытаться просто вырубить тебя ударом кулака, но...

— То, что ты так двигался после лишь небольшой тренировки и наблюдения, очень даже впечатляет, — длинноволосый Слуга рассмеялся, и ощущение от его присутствия слегка изменилось.

Сэйбер заметил, что поведение его противника или, возможно, общее равновесие незначительно преобразилось.

— Я намерен сражаться с тобой с чуть большей серьезностью, как представитель класса Лансер, — обратилась к нему Героическая душа.

— Сэйбер. Приятно познакомиться.

Сообщив друг другу свои классы, оба широко улыбнулись и вернулись к сражению.

И вновь зрелище запечатлелось в глазах Аяки в виде танцующих вспышек.

Она вспомнила, что сказал Сэйбер, когда женщина в чёрных одеяниях прыгала по оперному театру так быстро, что оставляла за собой след из остаточных образов:

«Никогда прежде не встречал кого-то столь же быстроногого, как Локсли!»

Аяка мало что знала об этом, но подозревала, что в плане чистой, мгновенной скорости он превосходил женщину в чёрном.

Сэйбер тем временем в своей скорости начал сомневаться, нанося удар за ударом.

«Что это за фокус? Эта Героическая душа стала даже быстрее, чем прежде!..»

Сэйбер не мог этого знать, но, когда аура Лансера изменилась мгновение назад, он использовал свой навык «Видоизменение», чтобы снизить на один ранг свои выносливость и магическую силу и повысить ловкость.

Теперь они были равны в скорости, но, поскольку Лансер не понизил свою силу, его проворные удары начали постепенно брать верх над быстрыми атаками Сэйбера.

В следующий миг правая рука Сэйбера, вместо того, чтобы нанести удар, выбросила вперёд каплю воды, наполненную магической энергией, высвободив вспышку света, которая позволила ему набрать дистанцию между ним и его противником. Но сделав это, он не начал очередную атаку, а отступил ещё дальше.

Окинув взглядом землю, он наклонился - уклоняясь при этом от земляных щупалец и летящих орудий - и поднял толстую ветку, лежавшую рядом с ним. Затем, наставив её на Лансера, он улыбнулся.

— Похоже, что моих придуманных наспех боксёрских приёмов будет недостаточно. Впредь я буду использовать меч, как и подобает моему классу.

— Значит, эта ветка будет вместо меча?

Лансер явно был глубоко заинтересован.

— Всегда хотел попробовать, — пожал плечами Сэйбер. — Знаешь, представить себя Озёрным рыцарем, сказать «Рыцарь не умирает с пустыми руками» и побить врагов веткой дерева.

Аяка стояла рядом с серебряным волком и, затаив дыхание, следила за сражением двух Героических душ. Но когда она увидела, как Сэйбер уверенно поднял с земли ветку, ей стало совсем уж не по себе.

«Я не совсем поняла, но он ведь не мог ввязаться в бой безоружным лишь для того, чтобы кем-то там себя «представить»... да?»

Капля холодного пота скатилась по щеке Аяки. Словно восприняв это как сигнал, очередной массированный залп орудий устремился из земли в сторону Сэйбера, который сжимал свою ветку. Стена клинков была такой плотной, что увернуться от них всех, казалось, не представлялось для него возможным даже с той скоростью, с которой он двигался до этого.

Ситуация казалась Аяке отчаянной.

Но в следующий миг крик, что готов был вырваться из её глотки, остановило ещё большее потрясение.

Обычная с виду ветка начала излучать ослепительный свет.

×

×

Полицейский участок.

— Ах да, согласно документам, которые вы, ребята, собрали, Экскалибур короля Артура считает всё на своём пути огромной волной света... Если выражаться по-современному, это, пожалуй, и есть «лучевая пушка».

— Да. Именно поэтому я предположил, что эта Героическая душа была королём Артуром, а меч – Экскалибуром, но...

Начальник размышлял над словами Дюма.

Говорили, что Экскалибур был не человеческим Благородным Фантазмом, созданным кузнецами и магами в эпоху таинств, а божественным творением, сотворённым волей самой планеты. Если это так, то неужели его силе нет предела?

В этот момент из трубки раздался довольный голос Дюма:

— Чувак! Может быть, ты на удивление близок к истине.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь ли, артуромания завела Львиное Сердце слишком далеко. Неважно даже, был ли он на поле боя или же занимался своими повседневными делами... По всей видимости, каждый меч в своём владении он называл «Экскалибуром». В итоге одними мечами дело не ограничилось; всё, что он мог держать в руках и использовать в бою, было «Экскалибуром».

— Даже нож, которым он резал пищу, свёрнутый пергамент... или палка, поднятая с земли.

×

×

В лесу.

— Экс... калибур!

Вот уже в третий раз Аяка увидела этот свет. Ослепительный свет, разрушивший потолок оперного театра и уничтоживший падавшие на офицеров полиции обломки.

В этот раз полоса света была меньше, чем до этого, но она моментально уничтожила все летевшие в Сэйбера бесчисленные орудия.

Он оттолкнулся от земли с той же скоростью, что и прежде, и в мгновение ока оказался рядом с противником. Сэйбер замахнулся веткой, всё ещё окутанной остатками света, чтобы сразить изумлённого Слугу.

Но этот удар был перехвачен предположительно безоружным Лансером.

— Блин... Да такими, наверное, удобно орехи колоть.

Сэйбер явно был впечатлён. Он смотрел на правую руку Лансера, остановившую ветку. Лансер превратил свои пальцы в острые лезвия и умело остановил удар Сэйбера, пробив плотный слой магической энергии и вонзив их в импровизированное оружие.

— Всего лишь ветка, а столько силы... Я поражён.

— И? Я прошёл испытание? — спросил Сэйбер, не уменьшая силы, которую он вкладывал в ветку. — Насколько я могу судить, ты не используешь и половины своей настоящей силы.

Сэйбер не знал, кем был Лансер, но эти несколько минут убедили его в том, что этот Лансер был исключительным даже среди Героических душ, включая его самого.

— Ты силён. Не знаю, что скажет мой друг, но, думаю, в худшем случае тебе удастся сбежать, пока я буду его сдерживать.

— Этот твой «друг» даже сильнее тебя?

— Возможно. В былые времена мы сражались три дня и три ночи, но никому из нас не удалось победить.

Беседуя, они оба постепенно расслабились. Наконец Сэйбер опустил свою ветку. Едва окутывавшая её магическая энергия рассеялась, и она рассыпалась в пыль.

— О, так я знал. Дерево годится лишь на одно использование.

Затем он повернулся и направился к Аяке.

— Эй... Ты в порядке?

Осознав, что «испытание силы», должно быть, подошло к концу, взволнованная Аяка устремилась к нему, чтобы удостовериться в том, что он был невредим.

— Не пугай меня так! Чем ты думал?.. Это было не «испытание силы», а бой насмерть!

— А... Ну, в некоторых таких испытаниях необходимо рисковать жизнью. Знал я рыцаря, который отправился в Шотландию, сказав, что намеревается испытать свою силу в землях теней, но по пути туда он попал в окружение восьми тысяч разбойников и был убит.

— Не пытайся уйти от разговора, выдумывая всякие истории!

— Это так заметно? Конечно же... не убивали разбойники никакого рыцаря, и люди никогда не страдали от такого их количества... Я так рад!..

Видя, как Сэйбер изо всех сил пытается сменить тему разговора, Лансер обратился к Аяке с приятной улыбкой:

— Прости его. Он просто не может заставить себя сказать, что пошёл на такой риск ради тебя.

— Что ?..

Аяка застыла, услышав слова Лансера.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты не умеешь чувствовать настроение?

— Боги всё время говорили мне это. Например, когда я убил их быка; мне тогда сделали весьма неприятный выговор.

— Ты убил быка? Я бы с радостью послушал эту историю!

Сэйбер всё ещё пытался съехать с темы. Аяка схватила его за косичку и дернула изо всех сил.

— Ай! Аяка, перестань! Больно! Да понял я, прости!

Развернувшись со слезами боли, Сэйбер увидел разгневанную Аяку, но глаза её тоже были полны слёз.

— Зачем... ты это делаешь?

— Что значит «зачем»?

— Я знаю. Детали мне неизвестны, но я знаю, что ты пытался что-то сделать ради меня... Но я этого не просила!

— Разве я не говорил? Я намерен помогать тебе, нравится тебе это или нет, — пожал плечами Сэйбер.

— Если тебе нужна была энергия, ты мог просто использовать магию или какой другой трюк, чтобы превратить меня в куклу, готовую снабжать тебя ей! — крикнула в ответ Аяка. — Но ты нашёл меня... и спас... Ты доверился мне, раскрыв своё настоящее имя... Это всё неправильно. Я благодарна тебе. Правда.

Сэйбер уже хотел сказать, что не сделал ничего, за что его стоит благодарить, но решил попридержать язык и дать Аяке договорить.

— Но... я не достойна этого! Не достойна защиты или доверия!

Пока Аяка кричала, на задворках её разума маячила девочка в красном капюшоне. Каждый раз, когда она вспоминала окровавленную девочку, внутри неё раздавался голос. Голос, который кричал ей, какой она была подлой и трусливой.

— Хоть ты и был так добр ко мне, я уверена, что предам тебя! Вероятно, я брошу тебя или продам врагу ради собственного удобства!

Да, вот именно. Я предала её.

Я бросила её.

Тогда, в многоквартирном доме Семина, я...

От воспоминаний о прошлом у Аяки разболелась голова и участился пульс.

Сэйбер негромко вздохнул.

— Продашь меня врагу?.. Ты и вправду беспокоишься о таких мелочах, Аяка.

— «Мелочах»?..

— Пустяки. Такое часто случается. Даже мой младший брат, кровный родственник, продал меня Риму. И он не просто бросил меня; он даже заплатил моим врагам, чтобы они меня не отпускали.

Сэйбер говорил о своей родне так, словно он не пытался успокоить Аяку или проявить сочувствие, а попросту не придавал этой истории значения.

— Твой брат?..

Его слова шокировали Аяку, не ожидавшую услышать нечто столь гнетущее.

— Ну, было тяжело, но, вернувшись домой, я узнал, что мой брат объявил меня мёртвым, чтобы узурпировать власть, однако потерпел в этом полный провал. Знать и простой народ повернулись к нему спиной. На самом деле мне в итоге даже стало жаль беднягу. То есть именно мои безрассудные расходы положили начало всем проблемам...

— Н-но это не имеет ко мне никакого отношения, и... — начала Аяка, уверенная в том, что Сэйбер опять пытался сменить тему, но он быстро прервал её:

— Вот именно, что имеет! Учитывая образ жизни, что я вёл, нет ничего удивительного в том, что меня постоянно предают, продают или бросают. Сомневаюсь, что мне стоит об этом беспокоиться, но ты ведь не приняла меня за хорошего человека, да?

— Мне всё равно. То есть, что бы ты ни сделал...

— Война.

Сэйбер произнёс это слово с толикой гордости, но также с необъяснимой печалью.

— Видишь ли, это единственное, на что я гожусь.

Сэйбер, казалось, не решался сказать что-то ещё, и это было совсем не в его духе. Аяка не могла произнести ни слова. Она уже была на грани того, что ещё глубже погрузиться в омут ненависти к самой себе, как вдруг рядом с ней кто-то коротко проскулил.

Серебряный зверь потёрся щекой о голень Аяки. Казалось, он пытался утешить её.

Лансер, который до этого момента сохранял молчание, положил руку на спину зверя и произнёс:

— Хватит вам; негоже тем, с кем я заключаю союз, выглядеть такими подавленными. Не хотите что-нибудь съесть? Я могу достать орехи и фрукты, если хотите.

— Да, спасибо. Не откажусь.

Лансер вложил дикий фрукт в протянутую руку Сэйбера, после чего повернулся к деревьям, стоявшим неподалеку, и вновь спросил:

— Не желаешь тоже отведать? Ты довольно долго за нами наблюдала; проголодалась, наверное.

— А?

— Что?

Аяка и Сэйбер, широко распахнув глаза, повернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как из-за деревьев показалась одинокая фигура. Это была закутанная в чёрные одеяния Героическая душа, которая присутствовала при первой встрече Аяки и Сэйбера.

— А!

— Я удивлён. Даже мне не удалось её заметить, — сказал Сэйбер, закаляя каждый нерв в своём теле, чтобы быть готовым в любой момент вступить в бой.

Вероятная Ассасин неловко посмотрела на них сквозь щель в ткани, закрывавшей её лицо, после чего без всякого предупреждения произнесла:

— Ты Ричард? Львиное Сердце?

— Да, это я.

— Эй...

Аяка попыталась остановить его, но Сэйбер покачал головой.

— Она уже услышала слишком много. Скрывать это бессмысленно.

От такого его безразличия Аяка вздохнула ещё тяжелее, чем обычно.

Не сводя с них взгляда, Ассасин продолжила:

— Я слышала... твои слова.

Говоря это, Ассасин сжала кулаки так сильно, что они закровоточили. Это говорило о тех усилиях, которых ей стоили эти слова.

— Ты... убьёшь монстра?

— Разумеется, если он вредит людям, — серьёзно ответил Сэйбер. — Когда я был жив, один из них не только вмешался в битву между мной и моим уважаемым противником, но и убил множество моих последователей...

Сэйбер замолк. В его голосе чувствовались ностальгия и сожаление о прошлом. Он, казалось, собирался с духом, прежде чем продолжить.

— Хотя тогда я и мой противник - с которым я намеревался побеседовать на поле боя - вместе с предводителем вашей братии, «Стариком с горы», кое-как смогли уничтожить это существо, объединив силы.

— Я слышала эту историю. Каким же... *ужасающим* ты был в то время.

Ассасин, казалось, была готова напасть в любой момент. Сэйбер тоже оставался настороже. Ситуация была критической.

Но Лансер вновь всё воспринял по-своему.

— Кстати, это вторая проблема, про которую я упомянул, когда ты предложил союз.

— Я и забыл об этом.

— Собственно говоря, я сам хотел бы избавить этот город от пары «монстров», чтобы предотвратить возможное вмешательство в мою предстоящую встречу с другом.

— У меня такое чувство, что «монстры», о которых ты говоришь, опаснее любого кровососа.

— Нет, что ты. В данный момент они лишь представляют собой чёрное «проклятие»... и массу красновато-коричневой «грязи».

При упоминании о существах, чьё присутствие он ощутил за прошедший день, привычная улыбка исчезла с лица Лансера, сменившись выражением боли.

— Но если они сольются и просочатся в Грааль...

— То не только сам Грааль, но и весь этот мир может оказаться в опасности.

Глава 9

「День 1 — Вечер — Конь ещё не бледен; грязь ещё тверда」

Если верить сообщениям, в Соединённых Штатах каждый год пропадают сотни тысяч человек.

Если спросить, сколько же именно пропадает из года в год, то в ответ скажут, что число составляет примерно половину от этой сотни тысяч.

В японских средствах массовой информации зачастую можно услышать поразительные цифры. Но на самом деле большую часть пропавших людей находят в течение одного или нескольких дней. Те же, кого не могут найти больше года - то есть те, кто действительно пропал без вести - составляют менее десятой части от общего числа. Десять тысяч людей каждый год.

Десятки тысяч – на такое число невозможно закрыть глаза. Даже не считая этого, однако, количество людей, пропавших за годы, предшествовавшие Войне за Святой Грааль, нельзя было назвать нормальным.

В каком-то смысле это было медленное изменение. Истинного значения никто не понимал.

Никто, за исключением человека, который стал этому причиной.

×

×

Существовала масса извращённой магической энергии, называемая «грязью».

Франческа извлекла её из Великого Грааля Фуюки тогда же, когда украла часть его «сущности».

Фалдеус, унаследовавший воспоминания о Третьей Войне за Святой Грааль, узнал её природу.

Когда-то Грааль был абсолютно чист и не осквернён этой массой разумной магической энергии.

Фалдеус после увиденного в своих воспоминаниях понял, что это такое, и тотчас же предложил изолировать «грязь».

Однако никаких распоряжений об уничтожении, очищении или помещении под карантин не последовало. Его начальники и их сообщники не были заинтересованы в этой дряни - в «человеческом зле», развратившем Святой Грааль, и его мощи, и которое спустя семьдесят лет всё ещё сохранило силу осквернить новый Грааль. То есть в бесконечно чистом, бесконечно застойном желании, породившем Авенджера в Третьей Войне за Святой Грааль.

Тем, кто заинтересовался «грязью», которую Франческа многие годы сохраняла в щелях между внутренностями легко приспособившихся людей, стал Гальвароссо Складио, босс семьи Складио.

— Баздилот смог бы обуздать эту ядовитую жижу, — сказал он.

Фалдеус, естественно, воспротивился. Однако по причине того, что Франческа, хранившая эту мерзость, приняла предложение, ситуация начала становиться всё запутаннее.

Всеми носителями грязи завладевало безумие. В конечном итоге она поглощала и их тела. Но Баздилот остался таким же, каким был до принятия грязи в своё тело. На самом деле он, по всей видимости, кормил грязь своей магической энергией, увеличивая тем самым её объём. Семья Складио сочла это доказательством того, что Баздилот был сильным магом, и заявила, что он подверг себя воздействию собственной магии господства, чтобы контролировать грязь, сохраняя здравомыслие. Фалдеус знал, что они ошибались.

Да, Баздилот, использовал собственную магию, чтобы контролировать и возвращать грязь, это так. Должно быть, он также прилагал недюжинные усилия, чтобы не дать ей возобладать над его разумом. Фалдеус знал, что в восторженных похвалах семьи Складио была одна ошибка.

Баздилот не контролировал грязь, сохраняя при этом ясность ума. Человек по имени Баздилот был безумен задолго до того, как стал её носителем - вероятно, с самого начала.

×

×

Промышленный район Сноуфилда. Под землей.

— Ты вернулся.

Баздилот располагался в обширной тайной мастерской, вход в которую находился под мясоперерабатывающим заводом. Почувствовав чужое присутствие, он повернулся. Позади стоял его Слуга, Алкид.

— Что думаешь о Короле героев, который у всех на слуху? — спросил он Арчера и в то же время Авенджера.

— Силён. Ничем не показал, что клюнул на мою приманку. Его порой обуревал гнев, но всегда лишь показной.

— Если верить Франческе, он – тщеславный король, склонный к вспышкам ярости... Полагаю, её информацию опасно принимать на веру.

Они не могли знать, что присутствие Героической души Энкиду привело Короля героев в беспрецедентно хорошее расположение духа. Теперь он был гораздо более терпимым, в отличие от прочих случаев его призыва. Но с другой стороны Баздилота и Алкида личность Гильгамеша едва ли волновала.

После короткой паузы Алкид обратился к своему Мастеру:

— О Мастер, откуда ты черпаешь свою магическую энергию? Даже простое поддержание «жертвенной грязи» было бы не по силам ни одному обычному магу.

— Боишься, что моя энергия иссякнет?

— Тебе должны быть известны количество и природа моих Благородных Фантазмов.

— ...

Зачастую в битве между Слугами решающим фактором было то, насколько свободно каждый мог использовать свои Благородные Фантазмы.

Теперь Алкида связывал с его Мастером мистический канал, но он всё ещё не мог постичь предел запасов Баздилота. Если точнее, он едва мог чувствовать общую вместимость Магических цепей его Мастера, но текущее по каналу количество магической энергии явно превосходило их возможности.

— Все просто. Я использую «батарейки», — сказал Баздилот, сунул руку в карман и извлёк оттуда предмет размером с бейсбольный мяч.

Поначалу Алкид не понял, что это, но, приглядевшись, негромко хмыкнул в восхищении.

В руке Баздилота лежал кристалл, который окутывала аура таинства. Несмотря на прозрачность, он преломлял свет, создавая сложные узоры, и напоминал кристаллы, которыми пользовались маги драгоценных камней, но, похоже, был в несколько раз чище.

Алкид уже видел подобные кристаллы. У него была та же аура, что и у «кристаллов маны», которые создавали ведьмы Греции, кристаллизуя ману из воздуха. Если он был таким же, то это значит, что Баздилот получал из этого кристалла огромное количество магической энергии.

Кристалл маны был подобен магической батарееке, но предназначался не для усиления или немедленного восполнения од мага или Слуги, а в первую очередь служил в качестве внешнего источника магической энергии для сотворения заклинаний.

Баздилот, однако, использовал хитрость; оскверняя энергию «грязью», он мог вбирать её в себя и затем передавать своему Слуге. При использовании подобного метода порча, вызванная этой извращённой магической энергией - которую саму по себе можно было справедливо назвать страданием - достигла бы его мозга и свела с ума. Но Баздилот использовал свою магию «господства», чтобы управлять ею, оставаясь при этом в здравом уме.

Алкид не владел магией, но знал о ней достаточно много благодаря своему плаванию на «Арго» и другим приключениям. Он быстро понял метод Баздилота. Но были два момента, которые он не мог объяснить.

Разве создание кристаллов маны возможно с помощью техник современных магов?

И не иссякнет ли кристалл размером с тот, который сейчас держал в руке его Мастер, относительно быстро?

Словно в ответ на сомнения Слуги, Баздилот поднялся на ноги.

— Тебе не нужно беспокоиться об энергии.

Проследовав по длинному коридору подземной мастерской, они оказались в обширном открытом помещении. Оно было гораздо больше той комнаты, в которой был призван Алкид; настолько большим, что создавалось впечатление, будто весь завод над их головами погрузился под землю.

Здесь Алкид увидел это.

Странные механизмы, соединенные с рядами цилиндрических резервуаров. В центре помещения располагалось устройство, напоминающее круг призыва, сотворённое из современных технологий. В дальнем углу высилась небольшая гора, сверкающая достаточно ярко, чтобы её можно было спутать с сокровищницей замка. Куски прозрачного кристалла были сложены в одном месте, подобно куче драгоценных камней.

— И это далеко не всё.

Подчинённые Баздилота запустили какой-то процесс. Фигуры с человеческими очертаниями, что плавали в резервуарах, превратились в пену и исчезли. На вершине центрального механизма материализовался кристалл маны размером с бейсбольный мяч.

— Жертвы.

Алкид всё понял.

— Систему разработал человек по имени Атрам Галиаста, — как ни в чем не бывало объяснил Баздилот. — Семья Складио выкрала её и улучшила. Атрам был гением в подобных вещах. Но магом он был посредственным. Я слышал, он погиб в Войне за Святой Грааль города Фуюки, не успев даже улучшить свои навыки.

— Вот как. Значит, магическую энергию, что передается мне, ты получаешь, принося в жертву человеческие жизни.

— Врагов у семьи Складио в избытке. Если человеческие жертвоприношения ты находишь непростительными, то пожалуйста, можешь свернуть мне шею прямо здесь.

Глаза Баздилота были не как у мрачного жнеца, а, скорее, как у самой смерти. Алкид быстро покачал головой.

— Это мелочь в сравнении с местью, что уготована мною олимпийским тиранам. Ради этого я готов пожертвовать собственной жизнью.

Затем, источая всей своей фигурой красновато-коричневую энергию, он озвучил свою ненависть к богам.

— Они даже не принесли в жертву души моих детей... Они отняли их жизни из обычной зависти.

×

×

Полицейский участок.

— Знаешь, братан, этот Арчер, который напал на отель, беспокоит меня гораздо больше, чем Сэйбер.

— Как всегда, у тебя острый слух.

— «Авенджер», да? Похоже, наша маленькая мисс Франческа таскала с собой нечто до жути опасное.

— Как бы то ни было, я слышал, что Слугу этого класса быстро уничтожили в Третьей Войне за Святой Грааль. Полагаю, никакое количество человеческой ненависти и злобы не может сравниться со знаменитыми Героическими душами.

Начальник и его люди сражались, ведомые не только обманчивым убеждением и ненавистью. Однако он не стал бы отрицать, что в ярости, ненависти и других отрицательных эмоциях была сила. Если бы от них совсем не было толку, то ему пришлось бы вновь обдумать их будущие действия.

— Ха! — усмехнулся Дюма и ответил: — Ты недооцениваешь месть, начальник. Ненависть, достигшая апогея, - сама по себе форма проклятия. Можешь даже назвать это своего рода таинством, которое по-прежнему существует в современную эпоху и не нуждается в магии. Но разумеется, никакое это не таинство, а всего лишь человеческая эмоция.

— Проклятие, значит?

— Да. Опасность заключается в том, что это не просто месть, и чем сильнее ты ею охвачен, тем она слаще. Если ненависть – это проклятие, то катарсис – опий. Достаточно вкусить один раз, и ты уже на крючке. Неважно, мститель ты или же свидетель, читающий книгу или наблюдающий представление на сцене, или писатель, зарабатывающий на воплощении чужой мести в своих произведениях. Ха-ха!

Начальник на секунду задумался над словами Дюма, после чего нахмурился и спросил:

— Это кажется невозможным, но был ли твой граф Монте-Кристо кем-то вдохновлён?

— Кто знает? Одним из прообразов был, вероятно, мой старик. Но существовал ли Эдмон Дантес? Действительно ли он совершил возмездие, взволновавшее каждого, кто это видел? Сдался ли он в конце? Были ли сокровища реальны? Один лишь Бог знает. Эффект Расёмона в действии. Впрочем, что действительно правда, так это то, что я неслабо нажился на романе! Ха-ха-ха-ха-ха!

— Ради поддержания спора, если ты и вправду взял реального человека за основу для своего персонажа, и если бы этот человек встретил тебя сейчас, то ты был бы не вправе жаловаться, если бы он всадил тебе пулю в голову.

— Полагаю, что да, — согласился Дюма с саркастическими словами начальника, не переставая смеяться.

— Будучи Слугой, я однажды могу с ним столкнуться, но я пересеку этот мост, когда окажусь на нём. И я скажу этому человеку: «Благодаря тебе, я зашиб такую кучу денег, которая даже не снилась злодеям, которые тебя обманули!» Ха-ха!

— На его месте я бы ждал не дождался шанса тебе накостылять. Как там было? Ах да, вспомнил...

— Эй, хватит! — поспешно крикнул Дюма. — Не цитируй писателю его же труд! А то я невольно придумаю слова получше и захочу всё исправить! Знаешь ведь, что я не могу этого сделать!

Спустя какое-то время Дюма успокоился и продолжил читать лекцию по проклятию мести.

— В любом случае, братан, будь осторожен. С точки зрения стороннего наблюдателя, настоящая месть - не какая-нибудь жалкая необоснованная обида - приятное зрелище. Проклятие заразно, понимаешь? Чем сложнее совершить возмездие, тем оно сильнее.

— Даже этот сияющий король, за которым ты гоняешься, может быть поглощён местью какого-нибудь деревенщины.

×

×

Отель «Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Хмф. Похоже, он в добром расположении духа. Лес совсем не тот, что вчера. Окна были выбиты по всему номеру. Тина блокировала сильный ветер, который дул на такой высоте, с помощью барьера. Она также возвела ещё несколько дополнительных, призванных отвлечь внимание сторонних наблюдателей.

Несмотря на недавнее нападение, Гильгамеш заявил, что «ни один король не позволит какой-то паре стрел низвергнуть его с высоты», поэтому они вернулись в отель. Последователи Тины были заняты гипнозом строителей и прочими вещами.

Что же касается самого героя, то он, не обращая внимания на царившую вокруг него суету, наблюдал за большим лесом, примыкающим к городу. Это, похоже, поднимало ему настроение.

— Судя по всему, мой друг тоже нашёл себе достойного противника! Жду не дожусь!

Король героев взирал на город, скрестив руки на груди. Предвкушение грядущих сражений, должно быть, привело его в возбуждение, поскольку он обратился к Тине с не свойственными ему словами:

— Тина, готовь обильный запас магической энергии. Я не буду использовать Эа против грязной швали, но даже мне не по силам представить, сколько энергии потребуется на то, что я намерен сделать.

Глаза Короля героев сияли юношеским задором. Тина тотчас же смутилась, но быстро взяла себя в руки и с силой кивнула.

— Прошу, используйте свою силу, как Вам будет угодно. Даже если это иссушит мои тело и душу, и... — начала Тина, но Гильгамеш прервал её суровым тоном.

— Хватит глупых слов. Ты вольна предложить свою жизнь мне, своему королю, но столь незрелая душа, как у тебя, не принесёт мне отрады.

— ...

— Кроме того, если ты увянешь и умрёшь слишком быстро, как я тогда смогу сполна насладиться встречей с моим другом? Или ты намерена вынудить меня отправиться на поиски нового вассала с таким же количеством магической энергии, как у тебя?

— Я... я н-не хотела!.. — поспешила Тина отвергнуть обвинение. Король героев криво усмехнулся.

— Если ты желаешь предложить мне свою жизнь, то твоя душа может стать достойной этого к тому времени, как завершится эта война - когда я явлюсь на встречу с другом. Сделай это, и я возьму с собой воспоминания о тебе, когда буду возвращаться в Трон - воспоминания о том, что в этой войне была та, что заслужила титул верного вассала. Считай это честью, равной становлению жителем Урука.

— Я п-приложу все усилия! А...

Осознав, что она невольно повысила голос, Тина торопливо умерила свой тон.

— Приношу свои скромные извинения, но в данный момент я не достойна этого, поскольку та всадница отказалась даже признать во мне врага...

Самоуничижительный тон Тины, похоже, привёл Гильгамеша в замешательство.

— Если пренебрежение наездницы так тебя беспокоит, то это высокомерие, — заявил Король героев с бесстрашной улыбкой. Должно быть, он разгадал смущение Тины. — Какой бы ни была твоя решимость, в глазах сильного ребёнка будет ребёнком. Естественно, я тоже вижу в тебе лишь дитя.

— Но я...

— Гордого воина они встретят с учтивостью, вне зависимости от возраста. Может, у тебя и есть решимость, Тина, но ты пока еще не можешь называть себя гордой. Любой может найти в себе решимость перед лицом смерти. Те же, в ком нет уважения к себе, не обретут его даже в старческом слабоумии.

— ...

Тина не была уверена, что ей когда-нибудь удастся обрести такую гордость. Не придавая значения её тревоге, Король героев извлёк из бара бутылку первоклассного вина и продолжил, вынимая пробку:

— В этом смысле тебе повезло. Ты мой вассал, хоть и временно. Через какие-то несколько дней у тебя появится возможность гордиться тем, что тебе выпала честь служить величайшему и единственному королю и огнём запечатлеть моё величие в своей памяти. Но с другой стороны, поскольку я король, мне не ведомы чувства гордого воина.

Чувство, что возникло у Тины после исполненного искреннего эгоизма заявления её короля, уже нельзя было назвать простым раздражением. Она не полностью его понимала, но её впечатлила его неподдельная вера в то, что весь мир принадлежал ему. Она не ведала, что её чувства постепенно цепенели.

Внезапно вспомнив вопрос, который беспокоил её, она решила рискнуть и задать его Королю героев.

— Со всем уважением, Ваше Величество, дабы познать небольшую толику вашего величия, могу я спросить, каким образом Вы вышли победителем из Четвёртой Войны за Святой Грааль города Фуюки?

Король героев широко улыбнулся и неторопливо отхлебнул вина.

— Ха-ха. Тина, ты понимаешь, что только я мог бы ответить на этот вопрос? Система этого «Фуюки» не допускает хранение воспоминаний о других призывах.

— Даже если они запечатлелись в прошлом?..

В Троне не было концепции прошлого или будущего. Хранение всех воспоминаний Героических душ создало бы противоречия вроде знания о том, как закончится война, в которой они участвуют. Поэтому их воспоминания, предположительно, подвергались изменению, чтобы они соответствовали времени и месту призыва.

— Может, сдерживание противоречий мира со стороны Трона – отчаянная мера, но это тщетное усилие в моих глазах, которые могут видеть все возможные варианты будущего. Подобрать прошлое в соответствии с будущим другой фазы очень просто.

Король героев уверенно устремил свой взгляд в пустоту и попытался увидеть себя в другой фазе, но...

— Хм?.. Плеск воды?.. Что-то не так... Рыбалка?.. Нет...

Он на секунду встревожился, после чего им завладела озадаченность.

— Как странно. Стоит мне посмотреть на те фазы, когда меня призывали в этом «Фуюки», «грязь», что я видел сегодня, затуманивает мой взор.

Однако он, судя по всему, не очень-то возражал. Отхлебнув ещё вина, он пожал плечами.

— Что ж, неважно. Если этот «Грааль» настоящий, я использую таящуюся в нём магическую энергию, чтобы смыть эту «грязь». В обмен я расскажу тебе историю о том, как я возвёл стены Урука, во всех деталях!

Впоследствии Тина узнала целую кучу фактов об Уруке, которые она предпочла бы вовсе не знать... но это уже другая история.

×

×

Вечер. Центральная больница Сноуфилда.

В центральной части Сноуфилда располагалось огромное белое здание. С первого взгляда его можно было принять за музей искусств, но это была самая большая больница в городе, оборудованная по последнему слову техники, крепость надежды, в двери которой стучалось множество пациентов, нуждавшихся в медицинских услугах самых разных направлений от хирургии до психосоматики... Или так должно было быть. В данный момент приёмная пребывала в хаосе, едва выдерживая наплыв пациентов, которых сопровождали их семьи.

— Говорю Вам, с моим мужем что-то не так! Он собирался уехать в Лас-Вегас по работе, но вдруг вернулся и теперь без конца твердит, что «больше никогда не покинет этот город»! Это ненормально!

— Это безумие! Один из наших отправился в Индиан Спрингс с доставкой, но тотчас же вернулся, даже не сделав работу. Мы послали другого парня, но результат был тем же!

Все случаи объединяло то, что каждый, кто пытался покинуть город, внезапно возвращался. В больницу их привели родственники, опасаясь, что это какое-то психическое заболевание. Ввиду столь мощного потока пациентов с одинаковыми симптомами в больнице заподозрили, что происходило нечто беспрецедентное. Сейчас там проходило экстренное совещание, призванное разработать контрмеры.

— Ой, доктор. Что-то случилось? — обратилась молодая медсестра к пожилому врачу, чья смена только что закончилась. Они шли по коридору, слегка удалённому от хаоса в приёмной.

— Нет, я просто кое-что забыл в одной из палат.

— А, понятно. Я слышала, что в приёмной сейчас сушая неразбериха, так что берегите себя.

— Обязательно, благодарю.

Старый доктор подождал немного, пока не удостоверился, что женщина ушла. В следующий миг он преобразился в медсестру, с которой только что разговаривал.

— Как дела, Джек?

Мозг медсестры - точнее, замаскированного Берсеркера - принял телепатическое сообщение от Мастера, Флата.

— Никаких проблем. Я раздобыл карту доступа, чтобы проникнуть ещё дальше, так что можешь не волноваться.

Берсеркер превратился в медсестру вплоть до мельчайших деталей, включая карту со штрих-кодом, висевшую у неё на шее. Он двигался вглубь больницы, превращаясь в людей, с которыми пересекался в коридорах, и собирая по пути информацию.

— Я правильно иду? — спросил он, вновь преобразившись в старого доктора. — Ты действительно можешь видеть то, что вижу я?

— Да, вроде того. Посмотрим... «Туман» гуще у той лестницы.

— Понял. Буду двигаться со всей осторожностью, — выразительно кивнул Джек.

— Поосторожнее с превращениями, хорошо? — добавил Флат, словно вспомнив что-то. — Если опять окажешься в чём мать родила, как раньше, не думаю, что тебе удастся избежать внимания.

— Д-да уж... Я всего лишь попытался превратиться в обычную девочку. Понятия не имею, почему на мне оказался такой наряд, выставляющий напоказ бедра и живот...

Перед проникновением в больницу Джек попрактиковался в изменении облика в их съёмной комнате, чтобы подобрать наименее подозрительную внешность. Когда он попытался превратиться в десятилетнюю девочку, ему это удалось, но из одежды на нем почему-то оказался откровенный чёрный наряд, напоминавший купальник. Флат забегал по комнате, крича, что если кто-нибудь их увидит, то сразу же вызовет полицию, и его жизни придёт конец, после чего прикрыл Джека одеялом. В итоге он успокоился, но причина этого происшествия осталась неизвестной.

— Ну, мне удалось увидеть, как ты теряешь самообладание, так что я считаю попытку удачной.

— Пожалуйста, не делай так больше. Я серьёзно.

Берсеркер телепатически вздохнул, после чего взял себя в руки и посмотрел в сторону лестницы.

«Я по-прежнему ничего не вижу, но, если Мастер говорит, что оно там, значит, оно там».

Берсеркер проник в больницу с целью обнаружить источник «тумана», накрывшего Сноуфилд.

В мотеле Флат заявил, что видит нечто, похожее на туман из маны, окутавшее весь город. Однако, даже превратившись в мага, Берсеркер не заметил ничего необычного. Но, похоже, Флат мог видеть этот чужеродный поток.

— Это необычная мана, — сказал он с несвойственной ему серьёзностью. — Как же лучше описать... Как если бы каждая капля измороси была независимым живым существом... или как если бы город наводнила стая миниатюрной саранчи...

— На нынешней стадии его не зафиксируют никакие приборы для измерения магической энергии. Хотя, если туман станет где-то раза в два плотнее, думаю, маги с острыми чувствами начнут его замечать. Даже теперь очень чуткая Героическая душа или нечто, воспринимающее вещи иначе, чем люди - вроде кровососа - вероятно, сможет его увидеть.

После Флат отправил фамильяра, чтобы понаблюдать за городом через общее восприятие. Он обнаружил, что вокруг центральной больницы Сноуфилда дымка была чуть гуще, чем в других местах.

Джек предложил проникнуть внутрь в призрачной форме. Но в таком состоянии он был бы совершенно беззащитен перед магическими атаками и рисковал получить смертельный урон, если ему на пути попадетсa какая-нибудь ловушка. Поэтому они решили, что Джек воспользуется своей способностью, примет облик кого-нибудь, имеющего отношение к больнице, и проберётся туда в материальной форме.

— Когда припрёт - убегай. Если же ситуация станет критической... **действительно** критической, то я использую командное заклинание и вытащу тебя оттуда!

Голос Флата был решительным.

— Мастер, — спросил Берсеркер, — у тебя только что мелькнула мысль, что ты хочешь, чтобы я по возможности выбирался своими силами, потому что не желаешь тратить такое «клёвое» на вид командное заклинание, не так ли?

— Да, мелькнула. Прости!

— Честность - добродетель, но иногда белая ложь всё-таки лучше.

Чувствуя раздражение, Берсеркер продолжил с осторожностью двигаться вперёд, и вот его глаза замерли на словах «Палата особого содержания». Похоже, здесь находились под карантином пациенты с необычными инфекционными

заболеваниями. Чтобы войти или выйти, необходимо было миновать комнату обеззараживания.

«Что это может значить? Может быть, один из здешних докторов – Мастер, который использует это место, чтобы держать Слугу под замком?»

Мысли Джека прервал звук, говоривший о том, что кто-то покидает комнату обеззараживания. Он быстро принял облик медсестры, которая недавно покинула это крыло.

Спустя секунду в коридоре возникла женщина-доктор.

— Ой, разве ты ещё не ушла домой?

— Прошу прощения, я кое-что забыла и...

— Вот как. Интересно, в психосоматическом всё ещё бардак? Одна беда за другой - взрыв трубы в пустыне, террористическая атака на полицейский участок, дневное торнадо - я уверена, многие сейчас пребывают в шоке...

Доктор, которая, по всей видимости, пыталась дать рациональное объяснение ситуации, самоуничижительно покачала головой.

— Моя младшая сестра работает в полицейском участке, так что я была сама не своя, пока она не связалась со мной утром... Тем не менее, всё не так уж плохо. Малышка Цубаки сегодня очень стабильна. Если её состояние не изменится, она даже может прийти в сознание в ближайшие дни.

— Да? Это здорово!

Берсеркер изо всех сил старался поддерживать разговор. Он не мог мгновенно копировать воспоминания.

— Да. Сначала я подумала, что это чья-то больная шутка, когда увидела эту странную татуировку на её руке... но теперь мне кажется, что это благой знак от легендарных «защитников этих земель».

— Правда?..

— Ой, прости. Доктор, а говорю такие глупости...

Женщина рассмеялась, чтобы скрыть неловкость, и удалилась. Берсеркер проводил её взглядом и, когда она спустилась по лестнице, шагнул в комнату обеззараживания. И затем...

— Ты это слышал, Мастер?

Даже телепатический голос Берсеркера был женским, под стать его внешности.

— Да, — ответил Флат. — А теперь ещё и вижу.

— Значит, решено... Я практически уверен, что этот Мастер по имени «Цубаки» и её Слуга находятся здесь.

— Да... но, думаю, пока что тебе лучше вернуться. Будь это видеоигра, тебе бы определённо предложили сохраниться.

— Согласен. Прошу меня простить, но у меня нет желания идти дальше без должных приготовлений.

Теперь он всецело уверился в чувствах Флата. Превращение в обычного человека существенно ослабило его способности Героической души, но Берсеркер

тоже чувствовал это. Дверь, ведущую из комнаты обеззараживания в палату, окутывала плотная зловещая аура.

— *Если дрянь, что распространяется по коридорам через комнату обеззараживания, - чёрный туман магической энергии... то на входе я вижу часть огромного водопада.*

Берсеркер не мог отчетливо это видеть. Но хоть его личность и была неизвестна, он материализовался как «убийца», и теперь его инстинкты убийцы вовсю трубили тревогу. Они предупреждали его, что в палате царила та же атмосфера, что окутывала его на туманных улицах Лондона. Они предупреждали его, что впереди ждала сама Смерть.

— *Может быть, я справлюсь, если использую свой Благородный Фантазм... но наверняка сказать не могу. Лучше взорвать всю больницу...*

— *Н-нельзя! Мы даже не знаем, кто этот Мастер, друг или враг!*

«Если он говорит такое на Войне за Святой Грааль, то у него и вправду нет чего-то, присущего магу... Или, возможно, стоит сказать, что у него есть то, чего у мага быть не должно».

Вздыхнув, Берсеркер развернулся на каблуках.

— *Понял.*

Он запомнил имя на табличке, что висела рядом с входом: «КУРУОКА ЦУБАКИ».

— *Если бы я сделал это, то перестал бы быть «убийцей». Я стал бы... чем-то иным.*

×

×

В палате Куруока Цубаки.

— Похоже, кто-то - нет, что-то - только что был снаружи, — сказал Джестер Картур, всё ещё пребывавший в форме мальчика, словно обращаясь к девочке, лежавшей перед ним.

— Всё же, проследив сбедающую людей болезнь до источника, я никак не ожидал, что её Мастером окажется умирающая девочка, — пробормотал себе под нос мальчик, глядя на командные заклинания на руке Куруока Цубаки. Должно быть, он каким-то образом прокрался в её палату после того, как скрыл свои способности и вампирский облик.

— Да, слишком рано. Ещё немного... Пока проклятие Слуги, завладевшего этой девочкой, не созреет...

Джестер продолжил бормотать зловещие слова с исступленной улыбкой.

— Ах, интересно, что моя дорогая Ассасин будет делать, когда узнает про это дитя? Как только ей станет известно, что эта девочка одним лишь фактом своего существования может убить невинных горожан... Ха-ха.

— Если я правильно использую эту девочку... то мне, может быть, удастся увидеть слезы мисс Ассасин!

×

×

Центральная церковь Сноуфилда.

«Блин, вот ведь лажа. Поверить не могу, что мы упустили эту тварь».

Ханза Сервантес, Наблюдатель Войны за Святой Грааль, коротал время в комнате, которую снял в жилом крыле центральной церкви. Он протянул руку к фужеру, набитому перцами халапеньо и йолокия, и, поблагодарив Господа, начал их уплетать.

Его подчиненные, «Квартет», в данный момент выслеживали вампира. Сам же Ханза готовился выдвинуться, как только они его найдут, и в то же время ждал Мастеров, желавших получить объяснения от Наблюдателя. Но поиски уже близились к концу, и ни докладов, ни Мастеров он пока не видел.

В последнем, разумеется, не было ничего удивительного. Всё это изначально было заявлено как Война за Святой Грааль без Святой Церкви; вряд ли кто-нибудь из Мастеров к нему пожалует.

«Тем не менее я жду проигравших, желающих получить убежище, но либо никто ещё не потерпел поражение, либо никто ещё этого поражения не пережил...»

«Какими же словами мне поиздеваться над тем начальником полиции, если он заявится ко мне, чтобы заручиться защитой для всего его отряда?»

Ханза пожал плечами. По телевизору начался документальный фильм о «растущем количестве случаев исчезновения людей по всем Соединенным Штатам».

«...За последние несколько лет число людей, пропавших без вести или местонахождение которых неизвестно больше года, постоянно росло. Взглянув на этот график, вы увидите, что и в этом году наблюдается постепенный рост...»

Глядя на лица пропавших людей, которые выводились на экран телевизора, Ханза слегка нахмурился.

«Очередное увеличение. Сколько из этих людей стали жертвами вампиров и других монстров?...»

Ханза с каменным лицом взял ещё один перец и впился в него зубами, оборудованными множеством освящённых инструментов.

Он не знал, что вампиры не имели никакого отношения к увеличению числа пропавших людей в последнее время. Они не сбегали из дома и не уезжали в другие страны.

Он не знал, что за всем этим стоял маг, исполненный чистой злобы.

Промышленный район. Подземная мастерская.

В углу помещения высилась гора кристаллов маны. Алкид чувствовал, что в каждом из них таилась магическая энергия высокой плотности.

— С таким количеством, — бесстрастно заявил он, — я могу без проблем сражаться в полную силу добрую половину дня.

— Это на полдня?

— Ты недоволен? Да, на то, чтобы разобраться с тем золотым королём, уйдёт больше, чем полдня...

— Нет. Этого будет достаточно.

Сказав это, Баздилот развернул карту на своём столе и показал её Алкиду. После того, как он снял несколько маскирующих слоев, на, казалось бы, обычной карте промышленного района возникло несколько светящихся красных точек.

Они указывали на цистерны с мазутом, резервуары с водой и баллоны с газом, похожие на огромные скруглённые цилиндры.

— Если я соберу вместе всё то, что подготовил к этой войне, то ты сможешь непрерывно сражаться в полную силу в течение нескольких месяцев.

Услышав эти слова, Алкид понял. Все эти резервуары и цистерны были фальшивками для отвода глаз. На самом деле они были доверху забиты такими же кристаллами праны, что были здесь, в мастерской.

— Чтобы произвести такое количество... Скольких же ты принёс в жертву ради этого?

Вопрос был задан с сарказмом. Он понимал, что количество жертв, должно быть, было огромным. Но Баздилот ответил, даже не моргнув глазом:

— О, всего лишь двадцать четыре тысячи девятьсот семьдесят шесть человек.

— ...

— Этого достаточно, чтобы изумить тебя? Это всего лишь около половины от количества убитых южноамериканскими наркокартелями за последние несколько лет.

— Нет, меня просто удивило то, что ты держишь в голове точную цифру.

— Я что, по-твоему, безответственно отношусь к человеческим жизням?

Говорил ли Баздилот искренне или же просто шутил по-чёрному? Даже Алкид не мог увидеть истинные намерения своего Мастера. Этот человек был подобен машине для убийства.

— Пустить столько людей в расход, не привлекая внимания, весьма непросто.

— Напротив. Я же не сам каждый день похищал несколько дюжин людей как в самой стране, так и за её пределами. Всё благодаря связям моего господина, Гальвароссо Складио.

Баздилот коротко вздохнул, после чего бесстрастно продолжил:

— Чем крупнее становится семья Складио, тем больше у неё появляется врагов. Если уж убивать их, то лучше убивать с пользой.

Баздилот прищурился и резко произнёс то, что можно было счесть самокритикой:

— Хотя из сегодняшних тридцати шести удалось получить лишь жалкие отбросы... Потому что я сначала убил их.

×

×

Специальный исправительный центр Коулсмана. Мастерская Фалдеуса.

Фалдеус размышлял в своей комнате, окружённый марионетками.

«Баздилот опасен».

«Нет, не так. Семья Складио – вот настоящая опасность».

«Если Баздилот победит в этой войне, Складио будет невозможно остановить. Как только сочетание «грязи» и кристаллов маны достанется другим магам семьи, они станут ещё могущественнее, чем сейчас. Если это произойдёт, на них обратят внимание Часовая башня и Святая Церковь... но правительство будет бессильно что-либо сделать».

Перебрав в голове все свои тревожные мысли, Фалдеус пришел к выводу.

«Я сделаю так, что Баздилот исчезнет ещё до того, как закончится война. Но одного лишь этого будет мало».

— Здесь никого нет, кроме меня, — пробормотал он. — Я хотел бы поговорить. Ты не против, Ассасин?

Все источники света в комнате погасли. Воцарилась тьма.

Но она была иного качества, не похожая на простую тьму. Фалдеус почувствовал давление, словно тени вокруг него были живыми. По его спине пробежала дрожь.

Не успел он применить заклинание ночного видения, как за его спиной раздался голос:

— Поведай, что тревожит тебя.

Ассасин изъяснялся, избегая прямоты. Фалдеус покрылся холодным потом и сжал кулаки.

— Придётся покинуть этот город, но... я хочу, чтобы ты избавился от одного человека, причём сделал это так, чтобы всё выглядело как несчастный случай или естественная смерть. Человека, который постоянно находится под защитой нескольких магов и которого мы не можем убить доступными нам средствами. Его имя...

Фалдеус уже хотел назвать цель, когда давление тьмы вдруг усилилось.

— Ступивши на этот путь, ты уже не сможешь повернуть обратно.

— ...

— Достояна ли твоя вера того, чтобы оборвать человеческую жизнь? — спросил Слуга своего Мастера, требуя окончательного подтверждения.

— Знай же, что если вера твоя окажется лживой, то проклятие обернется против тебя и поглотит целиком. Если ты готов... назови имя беды твоей.

Фалдеус почувствовал, как заledenели не только мистические части его тела - Магические цепи, метка, командные заклинания - но и сердце с кровеносными сосудами. Несмотря на это, он назвал имя.

— Гальвароссо Складио.

— ...

— Первой твоей жертвой станет не маг и не Героическая душа, а самый обычный человек. Если бы не его магическая защита, я бы сам с лёгкостью его убил.

×

×

Тем временем. Часовая башня.

Лорд Эль-Меллой II ходил по своему кабинету в Часовой башне, не находя места от беспокойства. Он планировал незамедлительно отправиться в Сноуфилд и, по крайней мере, притащить своего непутёвого ученика обратно в Лондон. Но его приготовления неожиданно прервали.

Адасино с факультета политики лично вручила ему «письменный запрос». В нём говорилось: «Принимая во внимание обстоятельства, сопутствующие гибели Кайнета Эль-Меллоя Арчибальда, всем важным сотрудникам Часовой башни запрещено посещение Сноуфилда, обозначенного как зона особой опасности». Как ни посмотри, «письменный запрос», что он получил от Хисири, явно был приказом.

Лорду Эль-Меллою II пришлось оторваться от Тайных знаков, которые он готовил для своей поездки. Он отчасти ожидал такого расклада, поэтому не сильно разозлился.

— И всё же факультет политики слишком уж быстро отреагировал.

Они использовали все свои связи, чтобы Лорд Эль-Меллой II не смог выехать на место проведения Войны за Святой Грааль. Предположительно, их беспокоило то, что он может решить проигнорировать их «запрос».

Он уже заметил нескольких наблюдателей снаружи, но ему не хватало навыков, чтобы пробиться через них.

«В худшем случае зачинщики войны в Сноуфилде как-то связаны с факультетом политики в Часовой башне...»

«Нет, будь оно так, факультет политики попытался бы загнать меня туда заранее. Им захотелось бы, чтобы я изучил Войну за Святой Грааль».

Стук в дверь прервал его внутренний монолог. Он открыл её, и в кабинет вошёл куковод Рангал, которого сопровождал тот же ученик, что и днём ранее.

— Прошу нас простить. Вам сегодня лучше, Ваше Лордство?

— Да. Простите, что Вам пришлось увидеть меня в таком состоянии. Но, похоже, Вы пришли в спешке. У Вас появилась новая информация?

— Собственно говоря, да... Вообще-то её раздобыл мой ученик... Это уже разошлось среди молодого поколения Часовой башни и, вероятно, завтра уже будет широко известно, но я решил, что лучше будет сначала сообщить Вам, Ваше Лордство.

Эль-Меллой II явно был в недоумении. Ученик робко протянул ему ноутбук. Когда он открыл его, на экране возникла страница того, что по праву можно было назвать самым популярным видеохостингом (несколько лет назад его приобрели владельцы крупной поисковой системы).

— Э-э-э, я просматривал местные новостные сайты и прочие подобные вещи в надежде найти больше информации о том, что произошло вчера, и наткнулся на эту рок-группу под названием «Snow Smoke», которая играет в Сноуфилде. Они выложили это видео.

«Неужели кто-то из них заснял вчерашний арест с другого ракурса?..»

Нахмурившись, Эль-Меллой II уставился на экран. Спустя секунду из его глотки вырвался негромкий стон удивления.

На экране была та же Героическая душа, которая должна была находиться под арестом, умело бренчавшая на гитаре в джем-сейшене (**Джем-сейшен – (англ. «Jam session» - импровизированная сессия) совместное музыкальное действие, когда музыканты играют без особых приготовлений или соглашений.**) с членами группы.

— Г-героическая душа... выложила видео?..

— Ну, не сама, это сделали члены группы...

— Важнее другое... Что делает эта Героическая душа? Что за планом таким она руководствуется, ведя себя так?..

Эль-Меллой II пытался на свой лад проанализировать действия Героической души, не переставая при этом думать, что этот парень на удивление хорошо играл на гитаре. Ученик Рангала прервал его размышления, ткнув пальцем в экран.

— А! Вот! Смотрите, в углу!

— Хм?..

Эль-Меллой II увидел девушку с осветлёнными волосами и в очках с запоминающейся оправой. Он нахмурился ещё сильнее, и с его губ слетело единственное слово.

— Садзё?..

×

×

В лесу.

— Эй, — окликнула Аяка Сэйбера, двигаясь вместе с ним через лес.

— Хм? Что такое?

— Прости. За недавнее.

— Разве ты сделала что-то, за что нужно извиниться?

Похоже, Сэйбер был искренне озадачен. Аяка опустила взгляд.

— За то, что кричала на тебя, таскала за волосы... навязывала свой эгоизм.

— Ты и вправду беспокоишься по пустякам, Аяка. Но, если это успокоит твою совесть, я приму твои извинения. И в свою очередь тоже попрошу прощения. За то, что использовал тебя как предлог для предложения союза, не думая о твоих чувствах.

Аяка отвела взгляд перед лицом чистосердечно кающегося короля и ответила:

— Тут не за что извиняться.

×

×

Часовая башня.

— О, значит, это правда.

Эль-Меллой II посмотрел на Рангала. Похожий на пугало кукловод неловко кивнул.

— Как я сказал вчера, Ваше Лордство, один из людей Ассоциации, находящийся в Сноуфилде, заявил, что видел одного из Ваших учеников...

И вновь Эль-Меллой II почувствовал нестыковку в разговоре.

— Значит, этим учеником, которого видели, — спросил он Рангала, — был не Флат?

— Нет, о Флате Эскардосе мы узнали позже. Гений он или нет, но Вы, Ваше Лордство, наверняка не послали бы туда лоботряса вроде него в качестве передовой группы? Разговор шёл про Садзё...

— Подождите... Дайте мне минуту.

Садзё Аяка. Эль-Меллой II действительно знал магессу под этим именем. Несколько лет назад - незадолго до Пятой Войны за Святой Грааль города Фуюки - она была ещё не повзрослевшей ученицей, которая посещала его лекции где-то в течение месяца.

Если бы Эль-Меллой II был обычным преподавателем, они бы, вероятно, забыли лица друг друга после столь недолгого знакомства. Однако благодаря тому, что Лорд Эль-Меллой II был последовательным человеком, случаю, когда она обратилась к нему за советом по колдовству, её невольному участию в событиях того времени, когда Флат расшифровал рукопись Войнича и вызвал тем самым проблемы огромного масштаба, а также обстоятельствам, связанным с её старшей сестрой, они продолжили общаться. Тем не менее...

— Прошу прощения, мне нужно кое над чем подумать. Вы не против, если мы поговорим позже? Большое спасибо за информацию.

Эль-Меллой II поблагодарил Рангала и его ученика, которые озадаченно переглянулись. Едва они покинули помещение, он достал свой мобильный телефон, после чего наметанными движениями написал и отправил сообщение.

Оно гласило: «Свяжись со мной сразу же, как только увидишь это. У меня есть к тебе срочный вопрос».

Получателем значилась «Садзё Аяка».

×

×

Где-то в Сноуфилде.

— Хм? Что это за странный звук?

Сэйбер инстинктивно огляделся, когда мобильный телефон Аяки резким сигналом известил, что ей пришло сообщение.

— Мой мобильник. Похоже, мне кто-то написал.

Аяка раскрыла свой телефон и нахмурилась, читая сообщение.

— Ого, значит, это современное письмо. Если это любовное послание, я не стану смотреть. Читай сколько душе угодно.

— Ничего подобного.

В конце сообщения было написано «Филия» на японском.

Филия. Настоящее имя «белоснежки», втянувшей её в эту Войну за Святой Грааль.

Когда Аяка прочла основной текст сообщения, ожидая очередное непомерное требование, ей оставалось лишь недоумённо наклонить голову вбок. Отношение Филии к ней не менялось с самой их встречи в «замке», но это сообщение было странным. Его словно написал совершенно другой человек.

«О, должно быть, тебе тоже нелегко пришлось. Теперь ты свободна, так что делай, что хочешь».

— Поздновато для этого... Что она вообще имеет в виду?

— В чём дело?

— Ни в чём. Ах да, я забыла тебе кое-что сказать.

Аяка закрыла телефон, решив подумать над сообщением позже.

— Я, э-э-э... больше не стану говорить тебе, чтобы ты не лез не в своё дело. То есть ты ведь всё равно будешь делать то, что тебе вздумается.

— Но, — продолжила она, словно пытаясь убедить не только Сэйбера, но и себя, — я хочу, чтобы ты, по крайней мере, предупреждал меня, прежде чем предпринимать что-нибудь опасное. Я знаю, что не смогу тебя остановить, но хотя бы впредь уделяй этому пару секунд.

— Будет плохо, если ты умрёшь, а я не успею тебя поблагодарить.

×

×

Часовая башня.

— Большое спасибо. Я свяжусь с тобой, когда узнаю больше.

Эль-Меллой II повесил трубку. Морщины между его бровями были глубже обычного.

— Что происходит? — пробормотал он себе под нос.

Он вновь посмотрел на запись о входящем звонке, последовавшем в ответ на его сообщение. Это был международный звонок из Румынии. С мобильного телефона Садзё Аяки.

Эль-Меллой II уже слышал от Флата, что она отправилась в Румынию по делам.

— Я сейчас точно говорил с самой Садзё Аякой, и она несомненно находится в Румынии.

Потирая пальцами виски и вспоминая девушку, которую он недавно видел на видео - которая была точной копией Аяки, если не считать светлые волосы - Эль-Меллой II испустил стон.

— Но в таком случае... кто, чёрт побери, эта девушка в Сноуфилде?

Пролог IX

「Банкет звезд (часть 2)」

Во мраке.

Отматываем время к тому моменту, когда Сэйбер сдался на милость полиции и обратился к людям с речью прямо перед телевизионными камерами.

— Блин, это было забавно!

Вспомнив про то, как Героическую душу уводят полицейские, Франческа начала хохотать, пока, обессилев, не рухнула на кровать, вытирая слёзы с глаз. Наконец она поднялась на колени, после чего скрестила ноги и подняла руку.

— Что ж, пора главной зачинщице вступить в игру!

Она щёлкнула пальцами, и вокруг неё зажглись свечи. Слабый, подрагивающий свет озарил центр комнаты.

Свечи выхватили из мрака магический круг на полу перед роскошной кроватью, идентичный тем, которые использовали Мастера для призыва своих Героических душ. Лишь одной деталью всё это отличалось от правильного ритуала: там, где должен располагаться алтарь, стояла кровать с балдахином.

Затем, поигрывая печеньем, которое она достала неизвестно откуда, Франческа начала ритмично напевать заклинание.

— ♪Возьми серебро и железо бери♪

— ♪Крысу конторскую прокипяти♪

— ♪Всё, как в прелестном рецепте Ате♪

Это было совсем не похоже на заклинание призыва Героической души. Звучало так, словно Франческа насмеялась над самой Войной за Святой Грааль. Любой бы, услышав её, либо пришёл в ярость, либо с издёвкой сказал, что так она никого никогда не призовет.

— ♪Наполняй, наполняй, наполняй, наполняй♪

— ♪Наполняй, наполняй, пока не хлынет через край♪

— ♪В одну пять старых ран сплети♪

Что иронично, нелепое заклинание, ритмично слетавшее с её губ, напоминало слова, которые использовала одна маньячка в «настоящей» Войне за Святой Грааль, чтобы призвать своего «лучшего друга».

В списке Героических душ ещё были свободные места; она не пыталась заставить Грааль воплотить кого-нибудь сверх положенного. Да, у такого заклинания не должно было быть шанса на успех... но Франческа даже не успела закончить, как магический круг начал сиять.

— ♪Предлагаю я тело свое и... ♪

— Ха-ха! А-ха-ха! ♪ Время вышло, так что остальное пропущу... ♪

Она не вложила в свой зов сильное желание, как это сделал серебряный волк, не проложила мост через брешь при помощи гениального мистического вмешательства, как это вышло у Флата Эскардоса. И тем не менее её призыв увенчался успехом.

Причина тому была лишь одна: связь Героической души с «катализатором», который она использовала, была чрезвычайно сильна. И этим катализатором, покоившимся посреди алтаря - на кровати - была сама Франческа.

Сияние магического круга угасло, и показался мальчик. Внешне он был примерно того же возраста, что и Франческа. Его блестящие волосы были аккуратно уложены. Лицом он был красив, за исключением чего-то неуловимо зловредного в его глазах.

Спустя секунду тёмное пространство, где находился магический круг, превратилось в цветочное поле, раскинувшееся во все стороны, насколько хватало глаз. Героическая душа отвесила почтительный, странно преувеличенный поклон, не глядя на лицо Франчески. Затем он широко развёл руки в стороны и воскликнул:

— Ха-ха! Похоже, эксцентричности моему новому Мастеру не занимать, раз он решил призвать меня! Очень хорошо! Не знаю, чего ты от меня ожидаешь, но я тебя не разочарую! Блаженным сном...

— «...я вознесу тебя на небеса, и тут же чарующим, палящим ночным кошмаром сброшу прямо в ад!» Я права? — ухмыляясь, произнесла Франческа со своей кровати.

— Хм? А? Что? — пытливо пробормотала Героическая душа в явном замешательстве. Франческа сказала именно то, что собирался сказать ей он.

— И после этих слов ты превратишь все эти цветы в детские руки!

— Хм? Хм-м-м... Ты, часом, не призывала меня прежде? Если да, то я удивлён, что ты ещё жива. Призвать меня дважды... Твои мозги, наверное... — мальчик вдруг замолк. Он осознал, кем на самом деле была эта девочка-маг.

— Что? Не может быть. Правда?

— Правда. Что последнее ты помнишь из того времени, когда ты «ещё был жив»?

— Первую свою казнь, пожалуй... Что более важно, что ты затеяла?

— Войну за Святой Грааль. Разумеется, я уже превратила её в такой бардак, что сама не знаю, настоящая она или фальшивая!

Пока мальчик слушал объяснения Франчески, его лицо всё сильнее и сильнее расцветало восторгом. Наконец он взорвался дикими приступами хохота. Все цветы на поле превратились в детские руки, росшие из земли. Они начали хлопать в ладони, словно чествуя мальчика и девочку извращёнными аплодисментами.

— Т-ты с ума сошла?! — воскликнула Героическая душа, не переставая смеяться и хвататься за живот. — Наверняка! Хе-хе... Ха-ха-ха-ха! За-за-зачем тебе вообще делать что-то подобное?! Ты, должно быть, не в своём уме! Ха-ха-ха-ха!

Мальчик запрыгал, заливаясь смехом, словно спятив. Он крутанулся на месте, прыгнул на кровать Франчески, сел рядом и вскрыл один из пакетов с закусками, раскиданных по покрывалу. Затем он фамильярно потёрся плечом о Франческу и начал уминать содержимое пакета.

— А-ха-ха! Призыв меня мною же! Что за ужасная шутка! М-м-м... Эй, вкусно. Значит, это современные закуски? Невероятный век!

— Ты тоже так считаешь? Во всяком случае катализатором была я. Я была на девяносто процентов уверена, что на зов явлюсь «я», хотя надеялась, что, может быть, удастся вытащить Жилья!

— Ой, да ладно; Жиль никогда бы не явился на Войну за Святой Грааль!

— Вообще-то, явился! Жиль! Я могла лишь наблюдать издали, спасибо потомкам того укротителя жуков из Киева, но он и вправду был там! Он был в Троне, ты в курсе? Жиль!

— Это поразительно! И кем он был? Сэйбером? Райдером?

— Не-а, Кастером.

— Чего?! То есть, Жиль - и Кастер? А, наверное, из-за меня! Ха-ха-ха!

Когда парочка закончила развлекать друг друга беседой, понять которую могли лишь они, Франческа внезапно посерьёзнела.

— Так что, как видишь, — обратилась она к Героической душе, сидевшей рядом, — я очень даже серьёзна... Я решила нарушить график и устроить в этом городе войну, с которой смогу делать всё, что мне захочется! И я привлекла самых разных людей из самых разных стран!

— Почему тогда не призвала Жилья? Хотя, полагаю, с ним было бы тяжело выжить в Войне за Святой Грааль.

Франческа покачала головой, ответив тем самым на этот очевидный вопрос.

— Поговорим об этом позже. Сейчас же нам нужно закрепить контракт!

— Ой, точно! Совсем из головы вылетело! Кстати, если ты получишь Грааль, то как его используешь? Разумеется, я вполне догадываюсь, как именно.

— А я вполне уверена, что твоя догадка верна.

— Вот как. Да уж, тебе действительно понадобится нечто уровня Грааля, чтобы захватить *тот* лабиринт.

Мальчик спрыгнул с кровати, встал в центре магического круга, после чего повернулся к Франческе и уважительно поклонился.

— Я спрашиваю: ты ли надменная и глупая принцесса, что желает поработить меня и отправить на поиски Грааля - или бесконечных наслаждений и кошмаров?

— Ага! Совершенно верно!

Из-под земли раздался хор криков агонии, и росшие вокруг них детские руки обьяло пламя. За доли секунды от них остались лишь белые кости, которые рассыпались в прах. Прах закружился во мраке, и Героическая душа громко возвестила о заключении контракта.

— Узри! Вот мой обет!

Мальчик распростёр руки средь пепла и во весь голос нараспев произнёс своё имя:

— Меня зовут Франсуа Прелати!

Затем с невинной улыбкой он продолжил формулу контракта:

— Как верный Слуга моего Мастера, Франсуа - ой, ты же теперь в теле девочки - *Франчески* Прелати, я клянусь поставить на кон свою жизнь и добыть тебе Святой Грааль!

— Я тоже клянусь - поставить на кон свою душу ради честной победы в Войне за Святой Грааль, дабы ты смог обрести его в заслуженной славе!

После этих слов в их улыбки закралось лукавство, и Франсуа с Франческой воскликнули в идеальном унисоне:

— Шутка!

×

×

Тем временем. Сноуфилд. Под теплоэлектростанцией.

Примерно в то же время, когда Франческа призывала саму себя где-то в городе, Харли, магесса, специализирующаяся на колдовстве, которая попыталась призвать Истинного Берсеркера, умирала под одной из нескольких теплоэлектростанций Сноуфилда.

«Почему всё закончилось именно так?..»

Видя цвет крови в уголках своих потускневших глаз, она сделала вывод, что скоро умрёт. Она была искушена в лечебной магии, но у неё практически не осталось магической энергии.

Она была уверена, что её приготовления к призыву Берсеркера были идеальными. Также она была уверена в том, что её призыв на самом деле увенчался успехом. Проблема была в том, что Берсеркер, которого она призвала, впал в неистовство до того, как она успела заключить контракт. Она ощутила на себе полную силу одного из его ударов.

«И всё же, думаю, я... довольна. Он кажется сильнее... чем я ожидала...»

Своим затуманенным взором она могла видеть призванную ею Героическую душу. На вид существо было очень странным.

Оно бродило по комнате на четырёх конечностях. Каждый его шаг сопровождался резкими механическими звуками. Глаза существа как будто были раскалены добела.

Скрипы и стоны, что время от времени доносились из его недр, были искажёнными, словно запись на пластинке, проигрываемая с помощью ржавой иглы.

«Я влила в тебя достаточно своей магической энергии... и эта станция может стать для тебя альтернативным источником энергии... Так что ты сможешь буйствовать, сколько душе угодно...»

Харли не смогла удержать кривую усмешку, наблюдая, как покрытое ржавчиной «нечто» приближалось к ней.

«Хотя могу поспорить, что тебе не по нраву использовать энергию, созданную твоим противником, Николой Теслой. А... может быть, поэтому... ты и впал в неистовство...»

«Оно» теперь находилось прямо перед ней. Ужасная Героическая душа была похожа на робота, в котором можно было увидеть черты четырёхногого паука или гротескного льва.

«Но это странно... Хотя он и Берсеркер... я ожидала, что он будет больше похож на... человека. Может, причиной тому влияние Мазды?..»

«Так и знала, что нужно было призвать его Кастером, а не отдавать этот класс Франческе...»

Жалеть об этом уже было поздно. Харли, однако, не боялась смерти. Она специализировалась на колдовстве, но всегда использовала в качестве жертвенного медиума только собственную кровь.

Она даже нарисовала ею свой круг призыва. Ей требовалось пролить критическое для неё количество крови, но она не спешила, время от времени делая переливание из заранее подготовленных запасов и стимулируя кровообразование лечебной магией.

Если существо, которое она призвала в итоге, намеревалось убить её, значит, на этом её участие в войне закончится. Насмешливо улыбнувшись, Харли протянула руку к Героической душе.

— Хорошо... Я принесу себя в жертву... тебе...

У неё было лишь одно желание к Граалю: отомстить «магическому обществу», которое лишило её людей всего. Ей было всё равно, падет ли кара на Часовую башню, на институт Атлас или же на различные самопровозглашённые магические общества, которыми был усеян земной шар. Ей просто казалось, что нет ничего ироничнее, чем загубить их с помощью машин, промышленности или любой другой непреодолимой «энергии», далекой от магии.

«Может, я это заслужила... ведь я пыталась использовать Грааль, чтобы осуществить нечто столь мелочное...»

— Ну же, убей меня. Взамен... живи как хочешь, пока не исчезнешь. Покажи всему миру, что ты за существо. Сделай так, чтобы вся их секретность стала бессмысленной...

Харли вложила в эти слова последнюю толику своей силы воли. Теперь ей было всё равно, когда её убьют. Она решила ждать удара Героической души. Но не он обрушился на неё, а незнакомый женский голос.

— Как-то странно ты борешься за жизнь.

Харли инстинктивно открыла глаза, которые были крепко зажмурены. Перед ней стояла потрясающе красивая женщина с неестественно белой кожей.

«Гом... гомункула Айнцбернов?!»

Харли слышала, что одна была в городе, и решила, что она стремилась стать Мастером. Но она никак не ожидала, что гомункула окажется здесь. Харли была уверена в том, что об этом её месте призыва никому не было известно.

«Должно быть, я действительно расплачиваюсь за свои грехи... Я всегда была осторожна и использовала в качестве жертвы только себя, но, едва я оказалась здесь, участь простых жителей стала мне безразлична... и это осквернило мою магию».

Она решила, что если её все равно ждёт смерть, то не так уж и важно, гомункула Айнцбернов ли её убьёт или же Героическая душа. Затем она заметила нечто странное.

— Что?..

Её раны затягивались. В глазах прояснялось.

— Ч-чего? Но я...

Она вроде не использовала лечебную магию. Энергии у неё почти не осталось, так что она не смогла бы сделать это даже при всём желании. Харли была сбита с толку, но следующие слова «белоснежки» озадачили её ещё сильнее.

Гомункула повернулась к Берсеркеру, который стоял, замерев, рядом с ней, и обратилась к нему, словно тот был её комнатной собачкой.

— Ну же. Эта девушка – твой Мастер. Не медли, заключи контракт.

«Какого черта?..»

Боль покинула разум Харли, и её место заняло смятение. Она ещё не заключила контракт, но права Мастера всё ещё были при ней. Она едва успела подумать, что ни один Берсеркер не стал бы слушать мага, у которого даже нет командных заклинаний, прежде чем ещё одно из её принятых понятий рассыпалось в труху.

— За... 333333333333-за-за-за... защи... щать-щать-щаТТТТь.

Берсеркер послушался «белоснежку» и склонил голову перед лежавшей на земле Харли, показывая тем самым своё повиновение.

— Хороший мальчик. Молодец. Я помогу вам наладить связь.

Спустя секунду между ними возник канал магической энергии, и чувства Героической души хлынули в Харли через её командные заклинания. Именно тогда она поняла - Берсеркер, которого она призвала, боялся «белоснежки».

— К-кто... ты?..

— Однако, — продолжила «белоснежка», пропустив вопрос Харли мимо ушей, — тебе повезло, что поблизости оказался «сосуд», в который так легко проникнуть.

Она посмотрела на свои руки и ноги, после чего кивнула, по всей видимости, впечатлённая. Затем она повернулась к смущённой Харли и, протянув руку, коснулась её щеки.

И Харли осознала. Осознала, что сила, которая вливалась в неё через руку девушки, была чужда этому миру.

«Н-невозможно... Это же... Но она ведь даже не Героическая душа!.. Нет; даже для Героической души столь концентрированная “сила”!..»

«Белоснежка» - или, точнее, существо внутри неё - должно быть, почувствовала страх Харли.

— Не волнуйся, — уверенно улыбнулась она. — Может, по мне и не скажешь, но мне нравятся люди.

В её словах чувствовалась теплота, но они, казалось, доносились с такой высоты, которая была для Харли недостижима.

— Теперь, раз уж я здесь, я буду руководить вами должным образом!

Механическая кукла, которая, как предполагалось, была Службой Харли, издала рёв, словно выражая своё согласие. Словно восхваляя «белоснежку».

[illegible]

«Что?»

Харли избавилась от страха смерти, но ему на смену пришёл другой.

Она ещё не знала, насколько ужасным было существо, поселившееся в гомункуле Айнцбернов по причине воздействия подготовленного ею катализатора.

Таким образом все игроки собрались. На сцене, коей был город Сноуфилд, каждый из них был зрителем, каждый из них был критиком, и все они до единого были актерами.

За исключением юноши, которому ещё только предстояло покинуть интерлюдия и подняться на сцену. Юноши, которому Грааль ещё не присвоил роль.

Интерлюдия

「Начало испытаний」

Сигма не помнил тот момент, когда он стал одним из детей-солдат. Он жил так, сколько себя помнил. Его заставили взять в руки оружие и спустить курок, когда ему едва исполнилось пять лет. Заставили выдерживать умственную и физическую боль, вызванную странными магическими экспериментами, целей которых он не понимал.

Так называемые маги создали боевую единицу для ведения магической войны против вражеских стран. Видимо, он был одним из солдат, сотворённых для этой цели.

Он слышал, что они собрали других солдат с такими же элементарными познаниями в магии - солдат, которые по воле случайности или же благодаря далёкому родству с магами обладали Магическими цепями - и принудили их к половому сношению с женщинами-солдатами, также обладавшими Магическими цепями, пусть даже их количество было небольшим. Из появившихся в результате детей они отобрали двадцать четыре с пригодными для использования Магическими цепями и присвоили им кодовые имена в виде букв греческого алфавита.

Небольшой спецотряд, о существовании которого не знали даже люди той страны, которой он служил. Он был создан с идеей использования необычных способностей для нанесения урона вражеским странам, не заботясь о секретности. Маги - в первую очередь, Часовая башня - прознали об этом заранее и уничтожили почти весь отряд, а заодно и шаткую диктатуру.

Сигма узнал о своём происхождении лишь после того, как его избавили от поводка бывшего правительства. Его едва ли волновало, было ли это правдой или нет.

Мать родила его естественным образом, ничего не зная про магию. Ребенка отняли у неё прежде, чем она успела дать ему имя, и приступили к его превращению в инструмент государства.

После долгих лет, проведённых среди детей-солдат, он стал наёмником, использующим магию. Но на этом пути всё сводилось лишь к исполнению приказов нанимателя. Это даже не стоило упоминания.

— Я действительно не знаю, что тут ещё можно рассказать.

— Из твоих уст это звучит обыденно, но ты ведь понимаешь, что, если судить объективно, это довольно-таки тяжёлая жизнь?

Сигма попытался объяснить, каким человеком он был, чтобы наладить общение с существами, которые называли себя «теньями».

Но после повторного взгляда на самого себя ему пришлось признать, что всю свою жизнь он лишь делал то, что ему навязывали другие. То, что после этого осознания он не почувствовал пустоту внутри себя, заставило его подумать, что он и вправду был немного странным. Как бы то ни было, сейчас он ничего не мог с этим поделать.

— Что стало с твоей матерью? — спросил мальчик со змеиным посохом.

— Не знаю, правда это или нет, но мне сказали, что она участвовала в Войне за Святой Грааль на Дальнем Востоке, помогая одному магу, и погибла. Мага звали Эмия Кирицугу.

— То, что ты в точности помнишь его имя, говорит о том, что у тебя есть некие чувства по этому поводу.

— Разве? Сомневаюсь. Я не знаю, что у них были за отношения, за исключением того, что она была его помощницей. Я даже не знаю, как звали мою мать, или как она выглядела. Мне известно имя Эмии Кирицугу лишь потому, что его считают легендой среди наёмников-магов.

Он был вольным магом с выдающимися способностями. Его боялись и наградили прозвищем «Убийца магов». Он выполнял одну опасную миссию за другой по всему земному шару, пока его не наняли Айнцберны. Сигма слышал от своей нанимательницы, что он дожил до самого конца Четвёртой Войны за Святой Грааль города Фуюки, но мать Сигмы, предположительно, на тот момент уже была мертва.

— Вот только... если моя мать следовала за ним по собственной воле, я немного ей завидую.

— Завидуешь?

— Какими бы ни были её чувства, моя мать, должно быть, по крайней мере, нашла в этом Эмии Кирицугу причину жить. У меня же, с другой стороны, ничего нет; некого уважать и некому мстить.

Сигма говорил сухо, словно просто констатируя факт, нежели принижая себя.

— О, ты можешь обрести причину жить, — сказал ему Капитан. — Ввязывайся в отчаянные передраги как можно чаще, и ты легко найдёшь то, за что можно уцепиться. Не отступай перед лицом неизбежной смерти, мальчик. Бросай вызов Богу. Не оставляй в себе места смирению. По другую сторону всего этого и зародится доказательство того, что ты жив.

Не отступать перед лицом смерти, дабы найти причину жить, было всё равно что гнать телегу впереди лошади. Капитан мог говорить такое лишь потому, что это была не его проблема, подумал Сигма и решил проигнорировать совет. Капитан, однако, бросил взгляд за спину Сигмы в сторону входа в комнату, и на его лице возникло выражение неподдельного удовольствия.

— Смотри-ка, парень; твоё первое испытание уже здесь.

Сигма развернулся и увидел тень, что стояла там. Если точнее, он увидел девушку, закутанную в чёрные одеяния.

— Ты?..

Сигма уже хотел принять её за очередную «тень», как вдруг заметил нечто странное. До сих пор ему являлась лишь одна тень за раз. Теперь же он был уверен, что видел Капитана и девушку одновременно.

Но когда Сигма понял это, было уже слишком поздно. Ассасин в мгновение ока оказалась прямо перед ним. Лишённым эмоций голосом она спросила:

— Ты маг, ищущий Святой Грааль?

С этого момента Сигма приступил к уготованным ему необоснованным «испытаниям». Не тем испытаниям, которых все от него требовали - испытаниям, призванным просто показать ему, кем он был.

Не зная, принесёт ли ему обретённое в конце этих испытаний «я» славу или же отчаяние.

Связующая глава

「Как-то в городе」

Сноуфилд. Городской район.

«Что здесь творится?»

Хватаясь за свой протез правой руки, молодой человек - член Клана Калатин, особого отряда под командованием начальника полиции - с раскрытым ртом смотрел на сцену, что разворачивалась перед его глазами.

Он видел лучника с красновато-коричневой кожей и странной тканью, накинутой на голову. Героическая душа была совсем не похожа на Ассасин, с которой они сражались в полицейском участке, как не был похож и на монстра, который впоследствии лишил его правой руки. Он был просто, просто... силён.

Даже если они раскроют весь потенциал своих Благородных Фантазмов, молодой офицер не был уверен в том, что от них будет толк в сражении с этим лучником.

«А, понятно. Должно быть, это – настоящий герой», — офицер уже хотел было признать это, но затем стиснул зубы.

«Вот этот? Сволочь, которая искалечила город и хотела убить девочку?»

Несколько его товарищей из Клана Калатин уже лежали на земле перед ним. Если сильный всегда прав, тогда лучник перед ним наверняка был «прав». Однако последняя гордость не позволит ему смириться с этим. Она разожгла огонь отваги в его сердце.

Но затем он вновь разинул рот.

«Что здесь творится?»

Он видел офицера полиции, такого же, как и он. Но этот офицер не был из Клана Калатин. Было в нём что-то странное.

«Он всё ещё сражается с этим чудовищем? Кто он такой, чёрт побери?»

Он мелькал вокруг лучника, появляясь на доли секунды лишь для того, чтобы вновь исчезнуть. Раз за разом его тело кромсали и пронзали стрелы, но всё тот же офицер продолжал нападать на Героическую душу. Его атаки не наносили лучнику никакого урона. Несмотря на это, они сражались, не переставая, вот уже несколько минут.

После того, как эта странная сцена продлилась ещё немного, лучник с серьёзным видом произнёс:

— Слабак... Назови мне свое имя.

Офицер отступил на шаг.

— У меня нет имени, — ответил он, широко улыбаясь.

Затем их стало двое. Они продолжали говорить в унисон одинаковыми голосами.

— О великий герой, живущий в легендах Эпохи богов, волею времени меняющий образ и совершающий великие подвиги; я, простой преступник, слабый настолько, что дуновение ветра в состоянии унести меня прочь, хочу сказать тебе лишь одно.

Количество офицеров вновь увеличилось.

— Я уверен, что твоей решимости есть причина, — заявили четверо офицеров, окруживших лучника. — Но если, ведомый этой решимостью, ты отвергаешь божественную силу!.. Отвергаешь и отмечаешь в сторону все деяния божьи, как хорошие, так и плохие!..

К четырём офицерам добавилось ещё восемь «существ». Их голоса эхом разносились над городской улицей.

— ...то, каким бы могучим ты ни был, теперь ты тот, кем так сильно желал стать, - человек.

— О герой, погрязший в человечности! — обратились к душе лучника шестнадцать громогласных голосов. — Каким бы великим героем ты ни был! Даже если у тебя есть сила уничтожить мир!

Тридцать две бесстрашные улыбки окружили лучника. В следующий миг они начали исчезать, словно возвращаясь обратно к оригиналу, их породившему.

— Пока в сущности своей ты человек... за тобой будет охотиться бессильный «убийца».

После этого офицер полиции - безымянный Берсеркер, Джек-Потрошитель - предстал перед красновато-коричневым лучником. Обнажив своё естество, он выкрикнул имя Благородного Фантазма - козырной карты, которую он разыграл, чтобы оборвать жизнь великого героя.

— Из Ада!

В пылу этой разрушительной Войны за Святой Грааль началась цепочка битв. Как будто сама злополучная судьба обращалась к магам и Героическим душам:

— О слабые, бросьте же вызов сильным.

Следующий эпизод [Fake04]

Послесловие (содержит крупные спойлеры к основной истории; рекомендуется к ознакомлению только после прочтения книги)

Чтобы сразить героя, клинок не нужен; достаточно лишь трёх командных заклинаний, большого количества жертв и грязи, а также продвинутой магии, чтобы оставаться в здравом уме... Хотя просто раздобыть клинок гораздо проще. В любом случае, вот вам почти настоящая личность Истинного Арчера!

После беседы, которая проходила примерно так:

Я: И всё же, если он стал _____, я сомневаюсь, что _____ стал бы стрелять в ребёнка вроде Тины. Даже в Фуюки, когда он был _____, он пришёл в себя, когда увидел _____.

Насу: Месть не стоит недооценивать, особенно мечь богам. Да, Рёго, поднимать оружие на ребенка для него абсолютное табу, но ему никогда не удастся свести счеты с богами, если он не будет готов нарушить это табу.

И я решил сделать так.

Кстати, у меня есть ответ на вопрос о том, как он изготовил эту «шкуру», которую не может пробить ни одно из творений рук человеческих. Но это имеет столь ничтожное отношение к главному сюжету Фэйка, что я даже не знаю, выпадет ли мне шанс объяснить это. Буду надеяться, что Фэйк будет достаточно успешен, чтобы оправдать выпуск книги с допматериалами, где я смогу написать про подобные закулисные детали...

Так, с этим разобрались. Привет, это я, Нарита! Давно не виделись.

Игра Fate для смартфонов недавно показала новый аспект Гиля (Тоётоми Гилоёси). Я как раз ломаю голову на том, стоит это отражать в Фэйке или нет.

Да, Fate/Grand Order. FGO.

Сценаристы FGO сказали мне: «Спойлеры портят всё удовольствие, так что мы намерены держать все мелкие детали в секрете». В результате я сполна насладился пятой главой FGO, действие которой происходит в Соединенных Штатах, но подобная стратегия может также привести к трагедии.

Ниже представлена вырезка из переписки, которая продолжалась довольно длительное время

Я, до написания Фэйка: Что? Мне действительно можно написать о _____ в Пятой _____ в Фэйке?!

Насу А: Да... Пользуйся с умом.

Насу В: Можешь также использовать (материал по книгам Дюма)!

Я: ...

Насу С: Не сдерживайся. Пиши, сколько душе угодно.

Я, поглощенный написанием: Хм-м, да... (Это сочный материал... Уверен, таким ещё никто не пользовался)...

Насу, в противогазе: Анонс ивента замка Иф и пятой главы FGO!

Я, в марте: Гр-р-ра-а-а-а (оно пересекается с кучей сюжетных элементов в Фэйке)! (умирает в агонии)

Насу: Кто бы мог подумать, что он действительно помрёт...

Не знаю даже, скольким людям будут понятны элементы, которые легли в основу этой беседы. Но не будем об этом. Санда-сан, который наблюдал за всей этой трагедией со стороны, сказал, что у него «плохое предчувствие», и попросил, чтобы ему заранее показали сценарии ивентов на случай, если персонажи в них как-то пересекаются с его работой. Спустя две недели он закричал: «Они пересекаются!» - и мне пришлось наблюдать за тем, как он переделывает всю вторую половину сюжета Досье Эль-Меллоя II. Но это совсем другая история.

Как бы то ни было, вам может показаться, что я слишком чувствительно отношусь к мелким сюжетным деталям, и, возможно, так оно и есть, просто история FGO слишком уж интересна. Я хочу сделать Фэйк ещё лучше, чтобы он не уступал FGO.

Кстати, я также просил Санду-сана проконтролировать моё описание магии и связанных с ней вещей.

Санда: Вот эта реплика Гила, где он говорит, что «сдерживание противоречий мира со стороны Трона – отчаянная мера», такая же необоснованная, как и слова: «Удерживание людей от полета в космос с помощью гравитации со стороны Земли – отчаянная мера».

Я: Но ведь он бы так и сказал? Про Землю?

Санда: ...Да!

Таким образом, продираясь через порой забавную, порой строгую редактуру, мы смогли собрать коллекцию нарушений правил, которые сошли бы нам с рук только в «фальшивой» Войне за Святой Грааль, отличающейся от той, что в Фуюки. Надеюсь, вы без всяких предубеждений насладитесь ею как одной из «Войн за Святой Грааль в других, далеких мирах», упоминаемых да Винчи в FGO! Франческа изрядно повозилась с системой Войны за Грааль, когда привезла её в Америку, поэтому, хоть в Фэйке и есть такие вещи, которые были бы категорически невозможны с Граалем Фуюки, пожалуйста, не забывайте, что это не Война за Грааль Фуюки.

Теперь все актеры наконец заняли свои места. В четвёртой книге я намерен показать прошлое Флата и «белоснежки». Еще я планирую наконец добавить магические сражения Мастеров, поэтому у меня такое чувство, что там будут все составляющие для множества битв. Я хотел бы, скажем так, показать как можно больше цветущих и разлетающихся цветов, поэтому, пожалуйста, ждите следующий том.

А пока ждёте, попытайтесь угадать, кто такие Истинный Берсеркер и Уотчер!

Четвёртую книгу, вероятно, опубликуют зимой, но окончательная дата будет зависеть от различных махинаций TYPE-MOON и графика Мории Сидзуки-сан, которая рисует манга-версию Фэйка.

Каждый аспект манги Мории-сан, начиная с великолепных боевых сцен и заканчивая живыми выражениями лиц персонажей, поистине прекрасен. Не проходите мимо, если будет шанс!

Моему редактору, Анан-сану, которому я доставил немало проблем с дэдлайнами; моему Duga-руководителю, Вада-сану, который подогнал график для Duragara!! - над этим я трудился параллельно - и всему коллективу редакторского

отдела; всем заинтересованным сторонам, которым я обязан за их спин-оффы Фэйта, в частности таким замечательным людям, как Сакураи Хикару-сан, Хигасидэ Юитиро-сан, Масин Эйитиро-сан и Санда Макото-сан; Team Barrel Roll, занимавшимся для меня изучением истоков Слуг; Мории Сидзуки-сан, которая предоставила чудесные иллюстрации и несколько дизайнов персонажей; Такеути Такаси-сану и Уробути Гену-сану, которые почтили меня своими комментариями в первых двух томах - в особенности Уробути-сану за то, что разрешил мне использовать «ее» «сына» - и, что самое главное, Киноко Насу-сану, который создал Фэйт и помогал мне советами, всем сотрудникам TYPE-MOON... и всем читателям, что взяли в руки эту книгу и дочитали до этих строк:

Огромное вам спасибо!

Апрель 2016-го, все ещё веря в следующее: то, что Уотчер изначально был Шилдером – секрет.

Нарита Рёго